

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

Л. Я. Бляхер, А. Т. Григорьян, В. И. Кузнецов,
А. И. Купцов, Б. В. Левшин, С. Р. Микулинский,
Д. В. Ознобишин, Э. К. Соколовская (ученый секретарь),
В. Н. Сокольский, Ю. И. Соловьев,
А. С. Федоров (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя),
Н. А. Фигуровский (зам. председателя),
А. П. Юшкевич, А. Л. Яншин (председатель),
М. Г. Ярошевский

В. В. Цыбульский

Петр Александрович
ЧИХАЧЕВ

1808—1890

Платон Александрович
ЧИХАЧЕВ

1812—1892

Ответственный редактор
академик
А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ

МОСКВА
«НАУКА»
1988

ББК 26.3

Ц 93

УДК 550.9 П. А. и Пл. А. Чихачевы

Рецензенты:

член-корреспондент АН СССР Г. Т. КИМ,
доктор географических наук В. А. ЕСОКОВ

Цыбульский В. В.

Ц 93 Петр Александрович (1808—1890) и Платон Александрович (1812—1892) Чихачевы.— М.: Наука, 1988.— 224 с., ил. (Научно-биографическая литература).

ISBN 5—02—003339—1

Братья Петр и Платон Чихачевы вписали немало интересных страниц в историю не только географических, но и историко-политических и философских наук. С их именами связано изучение Европы, Азии, Африки и Америки. Находясь долгие годы за границей, они издавали свои труды за пределами России. Автор книги — профессор В. В. Цыбульский, многие годы изучавший научное наследие Чихачевых, посетил Горный Алтай, Апеннины, Турцию, Северную Африку, где проводил исследования Петр Чихачев, перевел с французского и опубликовал многие из его трудов, являющихся нашим национальным богатством.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей науки.

Ц $\frac{1402000000-486}{054(02)-88}$ 45—88 НП

ББК 26.3

ISBN 5—02—003339—1

© Издательство «Наука», 1988 г.

От редактора

В истории отечественной географической науки русские естествоиспытатели и путешественники братья Петр Александрович и Платон Александрович Чихачевы оставили неизгладимый след. С их именами связаны исследования Алтая и Средней Азии, Апеннин, Пиренеев, первые восхождения на пики Ането (Испания — 1838 г.), Эрджияс-даг и Бингель-даг (путешествия, 1858 и 1862 гг.).

Платон Александрович первым из русских географов прошел в 1835—1838 гг. вдоль Американского материка от Великих Озер до Огненной Земли, Петр Александрович в течение почти 20 лет организовывал за свой счет и риск научные экспедиции по Малой Азии. Итоги этих экспедиций известны по опубликованным многочисленным трудам общим объемом около 10 тыс. страниц. Можно считать, что за всю историю исследования этой территории, начиная от Страбона и кончая естествоиспытателями наших дней, никто не проделал столь большой и столь полезной работы, какую совершил наш соотечественник Петр Чихачев. Его книги получили признание таких русских мыслителей и ученых, как В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, В. А. Обручев, А. Н. Бекетов, И. А. Орбели, В. В. Струве, П. М. Жуковский, а также многих зарубежных исследователей: А. Гумбольдта, Жоффруа Сент-Илера, Сент-Мар-Жирардена, А. Петермана, А. Бекера и др. И как бы в подтверждение большой значимости научного вклада, сделанного Петром Чихачевым, в 1891 г. (через год после его смерти) внук декабриста Ивана Александровича Анненкова профессор М. Н. Анненков на Бернском конгрессе географов в своем докладе об успехах географии отметил, что исследованием Малой Азии занимались ученые разных стран мира — «Гамильтон, Эпсворд, Тэксье, Лёба, Валдингтон, Феллоу, Барт, Киперт и прежде всего Пьер Чихачев, который сделал столько же, сколько все, вместе взятые... Мы, русские, имеем также право сказать, что и мы внесли немалую лепту

в это обширное море новых, неизвестных стран и огромных пространств менее известных человечеству, чем поверхность Луны».

Автор предложенной вниманию читателя книги профессор В. В. Цыбульский занимается изучением научного наследия братьев Чихачевых свыше четверти века.

Петр и Платон Чихачевы по политическим соображениям были вынуждены в середине XIX в. покинуть Россию. Они были родственниками известного декабриста М. П. Бестужева-Рюмина и в своих работах (особенно Петр) подвергали резкой критике режим Николая I. Этим и объясняется, что Петр Александрович издавал все свои работы в западноевропейских странах, главным образом во Франции, хотя, как это видно из рукописи, будучи патриотом своей Родины, он неоднократно проявлял желание издать свои труды в России, как он говорил, «такой дорогой моему сердцу».

И только в наши годы советский народ, отдавая долг забытым соотечественникам, оценил заслуги братьев Чихачевых перед Родиной. Было решено приступить к изданию их трудов на русском языке. В этом отношении большую работу проделал автор данной монографии. В. В. Цыбульский перевел с французского языка около 4 тыс. страниц текста из трудов Чихачева и опубликовал следующие работы Петра Александровича Чихачева: «Письма о Турции» (1960 и 1970 гг.), «Великие державы и Восточный вопрос» (1970 г.), «Путешествие в Восточный Алтай и Китай» (1974 г.), «Испания, Алжир и Тунис» (1975 г.), «Страница о Востоке» (1982 г.).

Вклад профессора В. В. Цыбульского в пропаганду и развитие отечественной науки высоко оценен не только в Советском Союзе, но и в ряде зарубежных стран.

Так, Французская академия наук присудила ему в 1972 г. премию «Лаборатуар», а Королевское Географическое общество Англии избрало его в 1979 г. своим почетным членом.

К достоинствам книги «Петр Александрович и Платон Александрович Чихачевы» следует отнести то, что автор включил в работу фрагменты из их трудов, еще не изданных на русском языке, а также оригинальные карты и фотографии.

Автор проанализировал не только естественно-географические идеи, но и взгляды П. А. Чихачева на важнейшие социальные и философские вопросы, что позволяет воспринимать его научное наследие в историко-политическом аспекте.

Ознакомившись с изданными и пока еще не изданными на русском языке работами наших соотечественников, считаю правомочным отнести старшего из братьев Чихачевых — Петра Александровича к классикам отечественной географии, а Платона Александровича к географам-романтикам.

Академик А. Л. Нарочницкий

Начало пути

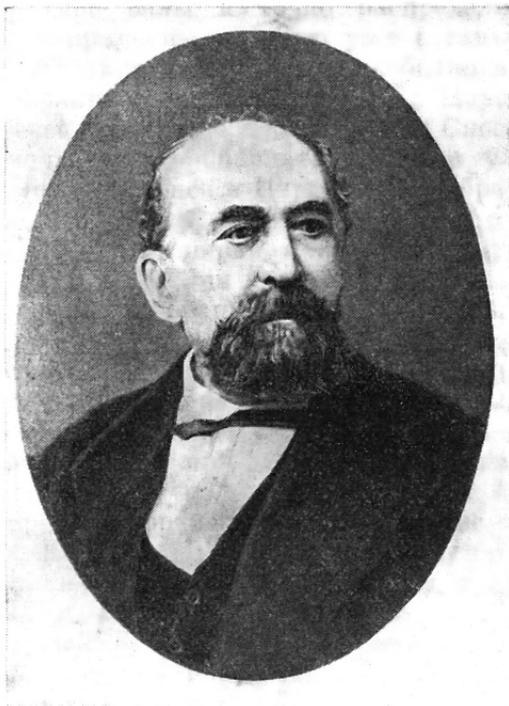
Среди многочисленной плеяды русских и зарубежных ученых-путешественников, заслуженно снискавших своими научными трудами всеобщее признание, имена наших соотечественников братьев Петра и Платона Чихачевых занимают особое место.

Род Чихачевых был известен в истории России уже с давних времен. Так, еще в XVI в. предок ученых Михаил Васильевич Чихачев отличился в Ливонской войне как военачальник и как администратор в районе военных действий. В частности, он был воеводой в Невеле и в Велиже. В период завершения борьбы с польско-шведским нашествием, в начале XVII в., Петр Чихачев был белозерским воеводой. Можно предположить, что имя Петр было родовым именем для старших сыновей у Чихачевых.

Петр Александрович родился 16 (28) августа 1808 г., а Платон Александрович — 10 (22) июня 1812 г. в Большом Гатчинском дворце — летней резиденции вдовствующей императрицы Марии Федоровны¹. Отец их, Александр Петрович Чихачев, отставной подполковник лейб-гвардии Преображенского полка (полковником этого полка мог быть только император), в 1804 г. был назначен директором г. Гатчина, где возглавлял «градское правление» и осуществлял «главное смотрение над дворцом и принадлежностями к оному»². Переходя на гражданскую, или, как тогда

¹ Гатчинская мыза в 1765 г. была куплена Екатериной II у князя Б. Куракина и подарена одному из своих фаворитов — Г. Орлову. В 1783 г. Гатчина выкуплена Екатериной II у наследников умершего Г. Орлова и подарена сыну, наследнику престола Павлу I. В 1796 г. Гатчина одновременно с Павловском преобразована в город, а в 1801 г., после смерти Павла I, Гатчина и Павловск переходят в собственность вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

² Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето... 1806. Ч. 1. СПб., 1807. С. 64. То же... на лето... 1816. Ч. 1. СПб., 1816. С. 167; см. также: *Пушкарев И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии. СПб., 1842. Ч. 4. С. 148—149.

Петр Чихачев

Петр Александрович Чихачев — почетный член Российской Академии наук, Русского географического общества, Московского общества испытателей природы, Петербургского Минералогического общества, член-корреспондент: Парижской, Берлинской, Мюнхенской, Венской, Филадельфийской и других академий, член Королевского Лондонского географического общества, Берлинского, Римского, Итальянского и др.

выражались, статскую, службу, Александр Петрович получил чин действительного статского советника. В обязанности А. П. Чихачева входил и надзор за Гатчинским домом призрения слепых³. Стал он

³ В своих письмах к А. П. Чихачеву императрица Мария Федоровна отдавала «полную справедливость усердному вашему попечению» и «видела доброе хозяйство и благоустройство во всех частях» (Столетие города Гатчина, 1796—1896. Гатчина, 1896. Т. 1. С. 38).

П. А. Чихачев

Платон Александрович Чихачев — член-учредитель Русского географического общества, первый исследователь высочайшей вершины Пиренеев — пика Ането, первый русский путешественник по континентальной Америке (от Великих озер до Огненной земли)

также и почетным членом Петербургского опекунского совета.

Мать Чихачевых, Анна Федоровна, урожденная Бестужева-Рюмина ⁴, женщина высокой культуры, энергичная и весьма сведущая в придворном этикете, много времени уделяла воспитанию своих детей. В детстве и юношестве одаренные от природы Петр и Платон получили в высшей степени основательное и многостороннее домашнее образование. К умению ис-

⁴ Анна Федоровна Чихачева была двоюродной сестрой одного из руководителей восстания декабристов — Михаила Павловича Бестужева-Рюмина, казненного в 1826 г.

пользовать свои силы и точно распределять время братья были приучены матерью уже с самых ранних лет. Так, Петр в двенадцать лет свободно владел немецким и французским, а затем, уже в Царском Селе, изучил греческий и латинский языки. Способность к языкам очень рано проявилась также и у Платона.

В Гатчине, а позднее в Царском Селе братья Чихачевы постоянно видели шедевры русского и мирового искусства. Огромные парки и сады, где, кроме местных пород, росли тысячи специально посаженных деревьев, цветники и оранжереи с редкостными растениями, Серебряное и Белое озера с хрустально-чистой водой, другие озера и пруды, размещенные на разных уровнях, речки и ручьи, по берегам которых они совершали свои первые прогулки, не могли не остаться в их памяти на всю жизнь. Сам Гатчинский дворец, выстроенный в стиле раннего классицизма А. Ринальди и В. Бренна, поражал их воображение не только великолепными наборными паркетами, лепными украшениями стен, обоями лионского шелка, художественной бронзой и экзотическими цветами, но и тысячами книг дворцовой библиотеки, живописью Щедрина и Мартынова, копиями портретов Левицкого и Боровиковского, конным портретом Петра I работы Ф. Жуве-нэ, парадными портретами многих итальянских и французских художников, пейзажами Италии и Швейцарии, «Бурей» Ж. Вернэ, видами древнего Рима Ю. Робера. Среди бесчисленных скульптур были копии портретов Ф. Шубина, «Зима» Э. Фальконе и работы Гудона. Имелись и подлинные античные рельефы и бюсты Антония и Каракаллы.

Глубокое впечатление на братьев производили огромные гобелены «Азия» и «Африка» из сюиты «Страны света», украшавшие стены Тронного зала Павла I, и гобелены с изображением сцен из «Дон Кихота», украшавшие стены Малинового зала. «Они,— как вспоминал Петр,— с детства возбуждали во мне затаенную мечту путешествий по неведомым странам».

В 1819 г. Анна Федоровна Чихачева, пользовавшаяся большим расположением императрицы, обратилась к ней с просьбой о переезде в Царское Село на постоянное жительство. Просьбу свою она мотивировала двумя причинами: во-первых, тем, что уже подошло время серьезного воспитания старшего сына, Петра, которому шел двенадцатый год, а как известно,

в Царскосельский лицей принимались дети до 12 лет, и, во-вторых, расстроенным здоровьем мужа. Получив согласие, Александр Петрович оформил свою отставку и «был уволен от должности 31 марта с назначением ему жалованья из собственной казны императрицы по 1500 руб. в год»⁵.

Вскоре семья Чихачевых переехала в Царское Село, где были куплен дом, расположенный вблизи лицея. Воспитание детей стало основной заботой не только Анны Федоровны, но и Александра Петровича, который прежде занимался главным образом служебными обязанностями. Директором лицея в 1816 г. был назначен Егор Антонович Энгельгардт, которого А. П. Чихачев знал многие годы. Еще в 1780 г., когда Александру Чихачеву и Егору Энгельгардту исполнилось по пять лет, их родители, по обычаю того времени, зачислили сыновей в список лейб-гвардии Преображенского полка сержантами. В последующие годы их жизненные пути неоднократно пересекались.

Посоветовавшись с Е. А. Энгельгардтом, родители сочли целесообразным не отдавать детей в лицей, а продолжить домашнее воспитание с приглашением лицейской профессуры. К тому же Егор Антонович любезно согласился лично принять участие в составлении учебного плана и подборе преподавателей.

Занятия по иностранным языкам вели француз И. А. Тилло и немец Бехтер, преподавание латыни и совершенствование русского языка, а также словесности было поручено П. Е. Георгиевскому. Уроки по общей географии и истории вел И. П. Шульгин, по физике и математике — В. М. Архангельский, по нравственным и юридическим наукам — Е. В. Врангель. Петр Чихачев с большим увлечением занимался также фехтованием, верховой ездой и плаванием.

Переезд в Царское Село не был для детей каким-либо из ряда вон выходящим событием. Братья неоднократно бывали в Петергофе, Павловске и других загородных дворцах, как с родителями, так и с домашним наставником Эльканом. Шедевры пригородных дворцов Петербурга были в той или иной степени им знакомы.

В годы пребывания в Царском Селе сильное и непосредственное влияние на Петра Чихачева оказал

⁵ Столетие города Гатчина. СПб. 1896. С. 95.

Е. А. Энгельгардт — замечательный любитель-натуралист, прививший ему любовь к природе. Е. А. Энгельгардт научил юношу определять окаменелости, разбираться в минералах, коллекционировать растения. И как позже писал Петр Александрович, «Егор Антонович явился первым, кто приоткрыл мне завесу тайн природы». Е. А. Энгельгардт, несмотря на свою занятость и солидный возраст, часто совершал с лицеистами прогулки по окрестным местам. В этих экскурсиях, как правило, принимал участие и Петр Чихачев.

22 июня 1823 г. Анна Федоровна Чихачева подала через статс-секретаря по иностранным делам К. В. Нессельроде прошение на имя Александра I об определении ее старшего сына, Петра, студентом в ведомство Государственной коллегии иностранных дел. В то время при ведомстве Государственной коллегии иностранных дел состояли своего рода стажеры, называвшиеся студентами. В их число принимались наиболее способные и подготовленные молодые люди из дворянских семей. После окончания стажировки, когда они не получали жалования, их зачисляли на действительную службу в ведомство иностранных дел. В августе 1823 г. Чихачевы получили ответное письмо от К. В. Нессельроде, в котором сообщалось о повелении царя «сына действительного статского советника А. Чихачева определить в ведомство Государственной коллегии иностранных дел студентом»⁶.

В июле 1826 г. произошло событие, оказавшее немаловажное влияние на семью Чихачевых, и особенно на формирование мировоззрения юного Петра. 13 июля 1826 г. в Петропавловской крепости были повешены виднейшие руководители восстания 14 декабря, и в их числе Михаил Павлович Бестужев-Рюмин. 18 ноября 1827 г. умер отец, Александр Петрович. В сложившейся обстановке братья Чихачевы приняли довольно разумное решение, а именно продать принадлежавшие Чихачевым имения в Тамбовской и Саратовской губерниях, а также дом в Царском Селе и переехать в Петербург. Для обоих братьев начался самостоятельный период жизни.

Во внешней политике России того времени одной из основных проблем был Восточный вопрос, в котором непосредственно сталкивались интересы России,

⁶ Архив МИД. 1823. Д. № 35. Л. 4.

Англии и Австрии. «Начавшаяся тогда война с Турцией,— писал Платон Чихачев на имя вице-председателя РГО Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского,— так подействовала на меня, что я добился позволения матери (отец наш, Александр Петрович, скончался в год перед тем) поступить на военную службу. Меня зачислили юнкером в армейский С. П. уланский полк, участвовавший в осаде Силистрии и Шумлы. Наши зимние квартиры мы заняли в деревнях близ Бухареста... В 1829 г. я был произведен в офицеры (за сражение под Кулевчой) и участвовал в переходе через Балканы, занятии Адрианополя и наступлении на Константинополь, остановленном, как известно, мирным предложением турок»⁷. В годы русско-турецкой войны судьба свела Пл. А. Чихачева с такими командирами, как генералы Ф. Ф. Берг, К. А. Шильдер, В. А. Перовский, полковник Н. А. Тухачевский и др., которых он знал и прежде.

Ярким проявлением недружественной политики западных стран, особенно Англии, по отношению к России и ее успехам на Балканах были действия, принятые этими странами.

Английское правительство, например, после победы русской армии летом 1829 г., особенно после взятия русскими войсками Адрианополя и создавшейся непосредственной угрозы турецкой столице, отдало приказ адмиралу П. Гордону войти с эскадрой в проливы немедленно по получении известия о движении русских войск к Константинополю. «По заключении мира,— пишет Платон Чихачев,— был оставлен с войсками, охранявшими чумной лазарет в Эски-сараяе, близ Адрианополя, и вернулся с остатками оных в Россию через Бургас и Севастополь, причем сильно захворал и был заперт в севастопольском чумном квартале вместе с вымиравшими остатками зачумленных войск. При жалких санитарных порядках того времени одно Провидение меня спасло от гибели»⁸.

В марте 1829 г. закончился срок стажировки Петра Александровича в Коллегии иностранных дел. Особо были отмечены его успехи в изучении иностранных языков (французский, немецкий, греческий и итальянский), а также исторических наук. 30 марта Петр

⁷ Изв. ИРГО. СПб., 1892. Т. XXVIII, вып. 2. С. 4.

⁸ Там же. С. 4—5.

Александрович был произведен в коллежские регистраторы с одновременным производством в первый офицерский чин.

По окончании учебы Петр Александрович счел разумным приступить к глубокому изучению естественных наук, основы которых были заложены в Царском Селе Е. А. Энгельгардтом. Не стесненный материально и имея хорошие рекомендации, он занимался специальными предметами под руководством таких светил науки, как директор ботанического сада Ф. Б. Фишер, директор физической обсерватории А. Т. Купфер и др. В марте 1829 г. Петр Чихачев решил поступить на правах своекошного слушателя в университет, «где слушал в течение 10 месяцев, при похвальном поведении, науки юридического факультета»⁹.

Естественные науки настолько увлекли Петра Александровича, что он в 1829—1830 гг. неоднократно выезжал в страны Западной Европы для слушания лекций крупнейших ученых того времени. В Фрейбургской горной академии¹⁰, являвшейся первой в мире высшей школой в области горного дела, П. А. Чихачев слушал лекции по минералогии, геологии и металлургии таких ученых, как К. Ф. Науман, И. А. Ф. Брейтгаупт и др. В Берлине П. А. Чихачев слушал лекции знаменитого Леопольда фон Буха и не менее знаменитого Александра Гумбольдта, с которым познакомился в 1829 г. в Петербурге и который впоследствии многие годы поддерживал научные интересы братьев Чихачевых и относился к ним с особенным уважением. В январе 1830 г. Петр Чихачев приехал во Францию, чтобы слушать лекции в «Ecole des Mines» и «College de France».

15 февраля 1830 г. в Парижской академии наук начался знаменитый в истории естествознания спор: выдающийся французский зоолог Жоффруа Сент-

⁹ Архив МИД. Гл. Архив. IV—V. Д. 38. Л. 4.

¹⁰ В Фрейбургской горной академии Петр Чихачев пребывал около двух лет на правах своекошного студента и был отчислен за студенческий поединок. «П. А.,— пишет Н. Белозерская,— долго уклонялся от исполнения этого устарелого обычая немецких университетов, потерявшего всякий смысл в новейшее время, но раз решился, однако, принять вызов на дуэль по какому-то ничтожному поводу, чтобы окончательно не уронить себя в мнении товарищей» (Вестн. Европы. 1893. С. 165—213.).

Илер высказал мнение о единстве строения головоногих моллюсков и позвоночных животных. Против этого утверждения выступил близкий друг Ж. Сент-Илера, тоже выдающийся французский ученый Жорж Кювье. В этом «скромном» утверждении Ж. Сент-Илера Ж. Кювье усмотрел концепцию, опровергавшую его учение о постоянстве видов.

Круг проблем, охваченных академическим диспутом, вскоре значительно расширился, так как, защищая свои утверждения, хорошо эрудированные противники использовали имевшиеся у них глубокие знания не только в области зоологии, но и в области геологии, палеонтологии и других наук.

За всю свою историю Парижская академия наук не видела такого оживления. Академический зал осаждали многочисленные французские и иностранные естествоиспытатели и философы, писатели и поэты, священнослужители и государственные деятели. Пресса многих стран пестрела сообщениями о разгоревшемся споре. Одни расценивали его как забавный скандал между бывшими друзьями, другие — как величайшее событие в истории мировой науки. Многие знатоки античной философии сравнивали Жоффруа Сент-Илера с крупнейшим философом-материалистом древности Демокритом, а Кювье — с родоначальником идеалистической теологической концепции в биологии — античным философом Платоном.

Гениальный немецкий поэт и мыслитель Гёте, проявивший большой интерес к диспуту в 1830 г., следующим образом охарактеризовал его:

«В этом святилище наук, где все протекает обыкновенно при многочисленной публике, в самых изысканных формах, где встречаются друг друга со сдержанностью и даже притворством хорошо воспитанных людей, при различии мнений возражают друг другу мягко, скорее устраниают, чем оспаривают, все сомнительное — здесь вокруг одного научного пункта возгорается спор, который грозит стать личным, но который, если тщательно всмотреться, означает гораздо больше... Поражает то обстоятельство, что два человека одного возраста, в течение 38 лет — коллеги, подвижающиеся в одном учреждении, так долго работая на одном поприще, в различных направлениях, начали избегать друг друга, действовать каждый сам по себе, хотя и обращались один к другому в самом изыскан-

ном тоне, и вот, под конец, все-таки вступили в открытое столкновение»¹¹.

Разгоревшийся спор усложнялся еще тем, что ни Ж. Сент-Илер, ни его противник Ж. Кювье не были строго последовательны в своих высказываниях. У того и другого прогрессивные естественнонаучные идеи переплетались с несостоятельными идеалистическими утверждениями, оторванными от действительности. Большая заслуга Ж. Кювье перед наукой в том, что он впервые доказал не только появление органических остатков, но и усложнение их формы при переходе от древних слоев к более молодым в геологическом отношении. Своими открытиями Ж. Кювье фактически подвел фундамент под эволюционную материалистическую теорию. Однако теоретические взгляды его находились в резком противоречии со сделанными им открытиями. Виды признавались постоянными и неизменными. Пытаясь привести научные открытия в соответствие со своими метафизическими представлениями, Кювье выдвинул теорию катаклизмов—катастроф, по которой в природе время от времени наступали грандиозные катастрофы, во время которых весь животный мир погибал, а затем на смену ему появлялся новый, создателем которого был бог. Таким образом, Ж. Кювье пытался примирить науку и религию.

Несостоятельные утверждения проявились во время диспута и у Ж. Сент-Илера. Являясь одним из выдающихся эволюционистов до Ч. Дарвина, сторонником постепенного развития видов, Ж. Сент-Илер в то же время не всегда последовательно и материалистически разрешал проблему межтипового единства животного мира. Отбрасывая теологическую трактовку происхождения видов, он в то же время пытался обосновать единство между беспозвоночными и позвоночными с метафизических—механических позиций, опираясь лишь на топографические данные сравнительной анатомии.

Несмотря на некоторую запутанность вопроса, интерес к диспуту возрастал изо дня в день и не ослабевал даже в дни Июльской революции 1830 г. Но установление буржуазной монархии Луи Филиппа не могло не сказаться на результатах диспута. Победа

¹¹ Амлинский И. В. Жоффруа Сент-Илер и его борьба против Кювье. М., 1955. С. 274—275.

идеалиста-метафизика Ж. Кювье как нельзя лучше гармонировала с общими идеями пришедшей к власти буржуазии.

«В 1830 г. наступил кризис,— писал К. Маркс,— которым все было решено одним разом. Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»¹².

Несмотря на победу Ж. Кювье, во всех странах Европы росли ряды сторонников взглядов Ж. Сент-Илера. В числе многочисленных его приверженцев были такие люди, как Гёте, Бальзак, Гюго, знаменитый чешский биолог Пуркинье, выдающийся английский естествоиспытатель Лайель и многие другие.

Гёте не только интересовался дискуссией, но и сам лично откликнулся на нее двумя научными статьями, опубликованными в сентябре 1830 г. и в марте 1832 г.

Знаменитый французский писатель В. Гюго, ведя борьбу против идеализма, усиления влияния церкви и духовенства на политическую и культурную жизнь страны, в 1831 г. опубликовал свой знаменитый роман «Собор Парижской богоматери», в котором мрачный образ собора символизирует католическую религию, порабащившую человека¹³.

Великий писатель-реалист О. Бальзак с гордостью считал себя учеником Ж. Сент-Илера. О. Бальзак в 1834 г. посвятил «великому и знаменитому Жоффруа де Сент-Илеру в знак восхищения его работами и ге-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 17.

¹³ В июне 1844 г., когда на 73-м году жизни скончался Жоффруа Сент-Илер, за его гробом среди выдающихся деятелей науки, культуры и искусства шли Виктор Гюго, Доминик Франсуа Арагон, Жан Батист, Андра Дюма и др. Среди провожавших был и Петр Чихачев.

нием» роман «Отец Горио», вошедший в первый раздел его бессмертной «Человеческой комедии».

С особым вниманием за академическим спором следили русские ученые. В Академии наук, в Московском обществе испытателей природы, в Дерптском, Московском, Петербургском университетах и других научных учреждениях оживленно обсуждали сообщения парижской прессы, отображающей ход диспута, и рассказы тех, кому удалось побывать на нем.

Этот повышенный интерес к диспуту объяснялся тем, что отечественное естествознание развивалось на почве передовых идей того времени, основы этого материалистического направления были заложены гигантом русской науки М. В. Ломоносовым.

Идеями материалистического понимания природы проникнуты работы видного русского просветителя, философа-материалиста второй половины XVIII в. Я. П. Козельского, который в труде «Философические предложения» остро критиковал идеалистическую и теологическую схоластику.

Особое место в истории развития русской материалистической мысли принадлежит А. Н. Радищеву. Его материалистические взгляды достаточно четко были выражены в труде «Путешествие из Петербурга в Москву» и в знаменитом трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», в котором А. Н. Радищев писал о несостоятельности религиозно-церковных представлений о природе и человеке.

В первой половине XIX в. в России многие ученые смело отстаивали материалистические традиции русской науки, решительно выступали против подчинения естествознания идеалистическим концепциям.

Передовые русские ученые ясно понимали, что на парижском диспуте произошло не просто столкновение двух выдающихся умов, а разразилась борьба мировоззрений в науке по основному вопросу философии — о бытии и сознании, борьба с господствовавшими в Западной Европе идеалистическими—метафизическими концепциями материалистическо-эволюционного начала, признающего постепенное преобразование и развитие организмов.

В России, как и в Западной Европе, среди видных ученых нашлось немало как убежденных защитников взглядов Ж. Сент-Илера о единстве и связи всего органического мира, а следовательно, и о биологической

общности человека и животных, так и сторонников идеалистических концепций Жоржа Кювье (К. Бэр, Брандт, А. Ф. Миддендорф и др.).

Передовые деятели отечественного естествознания, такие, как Дядьковский, Г. Е. Щуровский, К. Ф. Рулье, П. А. Чихачев, еще в 30-х и в начале 40-х годов прошлого века смело выступили с критикой идей креационизма и преформизма. В защиту идей Жоффруа Сент-Илера высказались великие революционные демократы В. Г. Белинский, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский.

А. И. Герцен, ведя борьбу против идеализма с присущей ему решительностью, противопоставил идеалистическому учению материалистическое понимание природы. В «Письмах об изучении природы» Герцен писал: «Жоффруа Сент-Илер — гениальный человек, без всякого сомнения чувствовал яснее других потребность опереть естествоведение на более твердых основаниях; он добирался до построющей идеи, до всеобщего типа, до единства в многообразии естественных произведений»¹⁴.

Н. Г. Чернышевский дал справедливую оценку отрицательного влияния идеалистического учения о постоянстве видов Ж. Кювье на развитие естествознания. «Под влиянием учения Ж. Кювье, — писал он, — были не только отвергнуты почти всеми натуралистами, но и забыты большинством их всякие мысли о происхождении нынешних видов растений и животных от прежних»¹⁵.

Активным сторонником и первым популяризатором в России идей Ж. Сент-Илера был прогрессивный ученый-геолог Г. Е. Щуровский. В вышедшей из-под его пера в 1834 г. работе «Органология животных» Г. Е. Щуровский дал весьма положительную оценку научным открытиям Ж. Сент-Илера: «Зоологи текущего столетия, постигнув всю зыбкость частного отрывчатого исследования органов, обратились к общей связи и к целостному их изучению. Жоффруа Сент-Илер, замечательный зоркостью своих зоологических изысканий, доказал очевидным образом внутреннее сродство органов, основанное на сходстве составных их стихий... Верно следуя своему началу и пытаясь подвести все

¹⁴ Герцен А. И. Собр. соч. М., 1954. Т. III. С. 113.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. СПб., 1907. Т. X., ч. 2. С. 21—22.

органы под это общее единство, или закон связи, он открыл такие истины, на кои склонились и другие зоологи, воспитанные в прежних запоздалых понятиях. Закон связи был для него постоянной единицею, которой, прилагая ко всем органам, он определял степень их достоинства, их сущность»¹⁶.

Как мы увидим далее, дискуссия не прошла бесследно для научной деятельности Петра Александровича.

В Париже Петр Александрович близко сошелся с французскими палеонтологами д'Аршиаком и Ф. де Вернелем, а также с известным английским геологом Родериком Мурчисоном. Вернувшись в Петербург, на работу в Министерство иностранных дел, Петр Александрович довольно быстро стал продвигаться по служебной линии. 5 апреля 1830 г. актуариус Петр Чихачев был «пожалован в переводчики Государственной коллегии иностранных дел» и 30 апреля направлен в Азиатский департамент, через год «пожалован в звание камер-юнкера, в сентябре 1832 г. в коллежские ассесоры»¹⁷.

Интересно привести один эпизод из жизни П. А. Чихачева этого периода, характеризующий его смелость и гуманность. «В 30-х годах прошлого века Россию посетила жестокая эпидемия холеры, которая унесла свыше 200 тыс. жертв и дала 43% смертности. Это было первое вторжение азиатской гостьи на территорию европейской России, где эта болезнь до того времени была почти неизвестна. Холера была завезена из Азии в Оренбург и Астрахань в 1830 г., а оттуда распространилась по всей России. 14 июня 1831 г. она дошла до Петербурга (первые два заболевания), а в конце июня в столице заболело до 400—500 человек в день. При тогдашнем населении Петербурга в 448 тыс. переболело холерой 12 тыс. человек, из которых умерло около 7 тысяч»¹⁸.

Когда болезнь появилась в Петербурге, передовые люди России, в том числе и П. А. Чихачев, включи-

¹⁶ Шуровский Г. Е. Органология животных. М., 1834. С. 38—39.

¹⁷ ЦГАНХ. Ф. 44. Оп. 2. Л. 135. Формулярный список о службе надворного советника в звании камер-юнкера Петра Чихачева.

¹⁸ Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. М.; Л., 1951. Т. II. С. 398.

лись в борьбу с этим стихийным бедствием, жертвой которого они легко могли сделаться сами.

23 апреля 1832 г. П. А. Чихачеву «за отличное усердие, оказанное им при прекращении холеры в С.-Петербурге, объявлена признательность». После участия в борьбе против стихийного бедствия для Петра Александровича наступил решающий момент выбора дальнейшего пути. Он был настолько поглощен научными интересами, что, по словам его брата, «даже не мог допустить серьезной мысли о сидячем образе жизни».

Петр Александрович как бы старался подражать своему кумиру Александру Гумбольдту, который не мог и не хотел совмещать семейный очаг с длительными и рискованными путешествиями.

В Азиатском департаменте Министерства иностранных дел П. А. Чихачев занимался преимущественно Восточным вопросом. Желая лично ознакомиться со странами Ближнего и Среднего Востока, а также Северной Африки, П. А. Чихачев посетил Египет, путешествовал по Палестине, Ливийской пустыне, Синаю и Сирийской пустыне, побывал в Константинополе.

Столица Оттоманской империи настолько увлекла Петра Александровича своим восточным колоритом, чарующей красотой проливов и сложными международными военно-политическими противоречиями, что он решил выхлопотать место при русском посольстве. В июле 1833 г. между Россией и Турцией был подписан договор, в главных статьях которого устанавливалось, что «мир, дружба и союз будут навеки существовать» между Россией и Турцией и что обе стороны будут «согласовываться откровенно касательно всех предметов, которые относятся до их обоюдного спокойствия и безопасности и на сей конец подавать взаимно существенную помощь».

В таких условиях улучшения отношений между Россией и Турцией и в то же время в условиях весьма сложных международных отношений П. А. Чихачев выезжает на службу в Турцию.

В архивах Министерства иностранных дел сохранились документы, подтверждающие, что «31 октября 1833 г. коллежский ассесор, камер-юнкер Чихачев назначается на службу в русское посольство в Константинополе». Как явствует из документов, П. А. Чихачев задержался в России из-за болезни до февраля 1834 г.,

Петр Чихачев
Рисунок К. П. Брюллова. 1835 г.

после чего отправился на русском судне из Одессы в Константинополь.

Посланник в Константинополе А. П. Бутенев в связи с этим получил следующее распоряжение: «Помощником секретаря, место которого досель занимал г-н Фок, назначить состоящего при Азиатском департаменте титулярного советника и в звании камер-юнкера Чихачева»¹⁹.

Приезд П. А. Чихачева в Константинополь совпал с торжественным открытием монумента, установленного турками в честь пребывания русских войск на Босфоре.

На одной из сторон монумента турками было высечено: «Сей обломок скалы воздвигнут в память пребывания русских войск гостями в этой долине. Да уподобится дружба между обеими державами твердости и незыблемости этого камня и да будет она долго воспевается устами друзей».

В Константинополе П. А. Чихачев наряду со своими служебными обязанностями помощника секретаря при русском посольстве занимался изучением истории и этнографии народов, населявших Малую Азию, совершенствовал свои познания в новогреческом языке

¹⁹ Архив МИД. Гл. Архив. 1833—1837 гг. Ф. IV-I. Д. № 3. Л. I.

и начал изучать турецкий и испанский языки. Здесь же судьба свела его с известным переводчиком на русский язык произведений А. Мицкевича, И. В. Гете, В. Шекспира и других Михаилом Павловичем Вронченко²⁰, превосходным геодезистом, изучавшим в то время географию Малой Азии и издавшим впоследствии ценные книги о своем путешествии по этой стране.

Общение с М. П. Вронченко вызвало у П. А. Чихачева интерес не только к путешествиям, но и к географическим наукам, а также к геодезии. Интерес этот возбуждался отчасти еще и тем, что русское посольство и летнюю резиденцию в Бююк-Дере (на европейском берегу Босфора), где жил П. А. Чихачев, всегда посещали русские и многие иностранные путешественники, художники и литературоведы, рассказывавшие захватывающие истории о путешествиях по странам Востока.

Здесь же П. А. Чихачев встречался с известным русским путешественником Вл. Давыдовым, исследовавшим страны Северной Африки, греческий архипелаг и другие районы Средиземноморья, живописцем Г. Г. Гагариным — известным в то время автором серии этнографических зарисовок, а также с талантливым флотоводцем, героем Наваринского сражения 1827 г. и русско-турецкой войны 1828—1829 гг. В. А. Корниловым. Большое впечатление произвели на П. А. Чихачева встречи с выдающимся русским художником Карлом Брюлловым, который после завершения своей грандиозной картины «Последний день Помпеи», возвращаясь из Италии в Россию, останавливался в Греции и Турции.

В 1835 г. во время нахождения К. П. Брюллова в Константинополе П. А. Чихачев неоднократно сопровождал его в поездках по наиболее живописным местам Босфора и Мраморного моря. Пребывание Г. Г. Гагарина и К. П. Брюллова в Константинополе вызвало в них желание запечатлеть восточные картины. К. П. Брюллов нарисовал также П. А. Чихачева в восточном костюме, в котором последний обычно разъезжал с различными служебными поручениями по Малой Азии, Сирии, Египту и другим странам Северной Африки.

²⁰ М. П. Вронченко известен также как член-учредитель Русского Географического общества.

В эти годы (1834—1836) он посетил не только различные города обширной Османской империи, но также Испанию, Португалию, Италию, Францию и другие европейские государства.

Уступая своему призванию, П. А. Чихачев приступил к изучению физической и историко-экономической географии. В 1836 г. он оставил службу и всецело решил посвятить себя научным исследованиям.

2 октября 1836 г. Петр Александрович отправился из Турции в Россию, имея при себе письмо посланника в Константинополе А. П. Бутенева на имя управляющего Министерством иностранных дел, в котором говорилось: «...Вы не откажете способствовать исходатайствованию ему (П. А. Чихачеву) приличной за двухлетнюю службу награды. Между тем приятно воспользоваться временем возвращения в отечество П. А. Чихачева, дабы свидетельствовать перед Вами о его дарованиях и похвальном усердии»²¹.

По возвращении в Россию П. А. Чихачев какое-то время оставался на службе в Министерстве иностранных дел, что подтверждается следующим документом: «По приказанию управляющего Министерством иностранных дел состоящего при Миссии в Константинополе второго помощника секретаря коллежского assessора Чихачева предлагаю Азиатскому Департаменту считать при Министерстве для употребления здесь по делам службы, а на его место определить Ленца»²².

* * *

По иному складывалась жизнь Платона Александровича. Выйдя в 1833 г. в отставку, он решил изучить Америку, т. е. осуществить свою мечту, возникшую у него еще в 1828 г. после прочтения описания путешествия А. Гумбольдта в Америку, когда близ Бухареста Платон Александрович находился в действующей армии.

Под созвездиями Большой Медведицы, Ориона и Южного Креста

«Желая узнать Новый Свет во всем его пространстве от Канады до мыса Горн, я,— писал П. А. Чихачев,— решился рассмотреть и изучить в различных видах эту исполинскую природу и это юное общест-

²¹ Архив МИД. Гл. Архив 1833—1837 гг. Ф. IV-I. Д. № 3. Л. II.

²² Там же. Д. № 2. Л. 13—14.

во»¹. Так, в 1835 г. Платон Александрович приступил к осуществлению этого путешествия, и был первым из русских исследователей Северной и Южной Америки.

Как видно из письма Пл. Чихачева, адресованного вице-президенту ИРГО П. П. Семенову-Тянь-Шанскому², маршрут путешествия Платон Александрович по Европе и Северной Америке избрал следующий: из Петербурга на судне он направился в Эдинбург (Шотландия), затем через Ньюкасл и Халл прибыл в Лондон и оттуда через несколько дней через Париж и Лион направился в Италию. Посетив ряд городов в Северной Италии (Турин, Милан, Венецию и Флоренцию), в мае он прибыл в Рим. Затем через Неаполь и Мессину — в Палермо, а оттуда на американском коммерческом судне отплыл в Филадельфию.

«Посетив север США, а также и Канаду (до оз. Верхнего включительно), я повернул в долину Миссисипи и Огайо и, возвратясь опять в Нью-Йорк, отправился морем в Вера-Круз. После четырехмесячного пребывания в Мехико* я проследовал в Акапулько на Тихом океане»³.

Путешествуя по Северной Америке более года, Платон Александрович дал красочное описание природы и сведения о населении. Причем природу Америки он сравнивает с природой других стран, и прежде всего России. Так, характеризуя озера и реки Северной Америки он писал: «Представьте себе непрерывную цепь из пяти огромных масс воды, которая, переходя последовательно через все возможные видоизменения, наконец суживается в одну полосу, с версту шириною, откуда низвергается с шумом и яростью — Ниагарским водопадом в озеро Онтарио и потом, обессилев уже, течет плавно к океану, прорезывая под тысячью разных углов гранитные скалы Нижней Канады. Такова р. Св. Лаврентия, которая от Квебека до истока Миссисипи, своего неукротимого соперника, широко и роскошно катит свои волны. Бег ее спокоен и величествен при устье и истоке, и только близ Ниагары, будто негодуя, видя себя сжатою в столь тесном проходе, она неистово мечется, как бы хвастая, в до-

¹ О пароходстве и озерах в Северной Америке Отч. зап. 1839. Т. III, отд. II. С. 54.

² Изв. РГО. СПб., 1892. Т. XXVIII, вып. 2.

³ Изв. РГО. СПб., 1892. Т. XXVIII, вып. 2. С. 5.

* Описание путешествия см. в конце книги.

казательство своей исполинской силы, одним из самых восхитительных феноменов природы.

Кажется, будто сама природа, удивленная тем, что произвела подобное чудо, отступилась от обязанности довершить его; вся творческая сила ее будто истощилась над созданием этой огромной и величественной водной равнины, которая поглощается бездной океана с высоты 164 футов... Эти живописные водные равнины различаются одна от другой как своим цветом, так и качеством. Самое прекрасное и величественное из них — озеро Верхнее, имеющее 459 миль в длину и 129 в ширину, глубина его 900 футов. Оно принимает в свое обширное лоно до сорока разных рек, которые потом переливаются в озеро Гуронское...

Из всех озер, когда-либо виденных мною, ни одно, сколько я помню, не имеет входа более величественного, как вход в озеро Верхнее. С одной стороны — берега песчаные и утесистые, с другой — усеянные вековыми соснами, и посреди расстилается пред взором путешественника озеро во всем своем блеске и неизмеримом протяжении. Лучший вид этого великолепно-го бассейна открывается с оконечности мыса Белой Рыбы, но, подобно океану, он ускользает от жадных взоров наблюдателя, теряясь в синеве туманной дали»⁴.

Описав красоты Великих озер, Платон Александрович дает сравнительную характеристику рек. «Во время пребывания в Северной Америке мысль моя не переставала обращаться к моему Отечеству... Но если Новый Свет благодетельствован небом в отношении к его физическому образованию, если он наделен реками, каковы Миссисипи, Огайо, Миссури и Св. Лаврентия, на которых царствуют промышленность и дух предприятий, то на другом конце земного шара земля не менее благодатна, и без сомнения Волга с ее множеством побочных рек, как цепь соединительная между морями Каспийским и Балтийским, Днепр и Двина, между Черным морем и Ригию, соединение Немана и Вислы, сливающихся устьями у порта Виндавского, в Сибири Обь, Енисей и Лена являются достойными соперниками рек американских.

Наши степи не то же ли самое, что их саванны? Наши сибирские промышленники, которых страсть к

⁴ Отеч. зап. 1839. Отд. II. С. 61—66.

охоте и заманчивость кочевой жизни перебросили к берегам Охотского моря и далее, наши внутренние губернии могут поспорить со штатами, лежащими на великой плоскости рек Миссисипи и Огайо в плодородии и богатстве»⁵.

Касаясь населения США, Пл. Чихачев отмечал, — «что цель и образ жизни жителей так отличен от Европейского, что внимание путешественника, в особенности сначала, бывает сильно поражено... У них весьма мало прошедшего; действительность — исключительный предмет их внимания; и если у них до сих пор нет ни дворца Питти, ни Ватикана, зато они богаты своими богоугодными и тюремными заведениями...

Подобно медленной, но полной и мощной волне, рожденной сильной бурей, американец все гонит перед собой, отбрасывая индейцев к западу, за Миссисипи, и стесняя границы Мексики к Техасу. Страсть к богатству и дух предприимчивости служит ему путеводителями... Тут нет ни тактики, ни правильных сражений. Вы видите одних волонтеров, которые с винтовкой в одной руке, с топором в другой гонят перед собой без различия и индейца и бизона (дикого быка), живущих в лугах или лесах»⁶.

После полуторугодового путешествия по Северной Америке из Гуаякиля (главного портового города Республики Эквадор) Пл. Чихачев на лошаках отправился до ее столицы — Кито. Тут, очарованный дивной природой долины Чильйо он пробыл несколько дней и затем решил достичь столичного города Колумбии — Боготы, чтобы затем направиться в один из портов Венесуэлы на Атлантике. «Но смуты, беспрестанно возникавшие тогда во всех южноамериканских республиках, помешали мне, — пишет Пл. Чихачев, — продолжить мой путь, и я был вынужден вернуться в Гуаякиль, где нашел английскую шхуну, доставившую меня в Кальяо». Сделав новую, неудачную по той же причине попытку пересечь Анды через Лиму и Куско и таким образом достичь Боливии, Платон Александрович вернулся в Кальяо и на французском военном корвете прибыл в чилийский порт Вальпараисо.

⁵ Там же. С. 68—70.

⁶ Там же. С. 57—58.

«Высадившись в этом порту,— пишет Пл. Чихачев,— я пустился один через Сант-Яго в дальнейший путь через Анды. После больших усилий и лишений в Андах и Пампах в течение одного месяца я наконец добрался до Буэнос-Айреса. В тогдашнее время передвижение производилось исключительно на совершенно необъезженных лошадях, выхватывавшихся гаучо из табунов посредством аркана; другого аллюра, кроме быстрого галопа и шага, не существовало. Пища ограничивалась бараниной и матэ (род чая), а ночевали в степи на открытом воздухе»⁷.

Свои воспоминания о поездке через буэнос-айресские пампы Платон Александрович Чихачев начинает с выдержки из произведения английского философа лорда Бэкона: «Путешествия для молодых людей составляют часть воспитания; для взрослых — часть опытности... Путешественник не должен менять свои народные нравы на иностранные: он должен только стараться перенести в свое отечество цветы тех знаний, которые приобрел в странах иноземных (Lord Bacon, *Essays Civil and Moral*)»⁸.

Не касаясь описания природы и населения северо-западных государств Южной Америки, сделанного первым из наших соотечественников, путешествовавшим по латиноамериканским странам, и в частности по Эквадору, Колумбии и Перу, перенесемся на юго-запад этого материка, к портовому городу Чили Вальпараисо. «В начале января 1837 г. я прибыл в Вальпараисо⁹ на военном английском корвете... Тридцать пять дней провел я на корвете в чудеснейшую погоду, на прекраснейшем из морей, наслаждаясь вполне чудными ощущениями, доставляемыми тропическим небом, наслаждаясь всеми удобствами, какие только самый утонченный комфорт может перенести на тридцатипушечный корабль.

Я был еще молод,— писал Платон Александрович,— поэзия жизни была еще мне доступна, душа жадно порывалась ко всем новым ощущениям. Я жаждал не только знания, жаждал видеть и чувствовать то, чего еще не видел и не чувствовал; неизвестное имело для меня прелесть неизъяснимую, а препятст-

⁷ ИРГО. 1892. Т. XXVIII, вып. 1. С. 5.

⁸ Отеч. зап. 1844. Т. XXXIV, отд. II. С. 1.

⁹ Valparaiso состоит из слова «val», долина, и «paraiso», рай; следовательно, значит «Райская долина».

вия лишь раздражали мое любопытство. Торжество ума и воли человеческой над грозными неожиданными опасностями, борьба трудная, ежечасная — все это еще улыбалось моему юному воображению. И я покинул гостеприимный флаг св. Георгия, прикрывавший меня на Тихом океане, и через Кордильеры и Пампы направил путь свой к устью Рио-де-ла-Платы»¹⁰. Через пару дней пребывания в этом полуразрушенном от землетрясений 1833, 1834 и 1835 гг. городе Платон Александрович нанял верховых лошаков и отправился один с проводником в Сант-Яго — столицу Чили, расположенную у гранитных и известковых скал отрогов Анд, увенчанную великолепным вулканом Аконкагуа (высшая точка Южной Америки).

Столица окружена роскошными садами и огородами, украшающими окрестность широким густо-зеленым ковром. Посетив исторические памятники, музеи и прекрасную аламеда — эту грандиозную миниатюру знаменитого мадридского «Прадо», Пл. Чихачев на лошаках рано утром покинул город, выехав в прекрасную долину Майио, затем, проехав реку по висячему мосту, сделанному из кож и веревок, направился к Андам.

«Вокруг нас торчали гранитные отвесные скалы, изредка виделись еще кое-где пятна желтоватой зелени и тощие, искривленные кустарники. Земляные глыбы, камни, скатившиеся с высоты и беспрестанно смываемые водопадами, бегущими с вершины гор, иногда заваливали нашу тропинку и заставляли спотыкаться лошаков. Все вокруг принимало вид суровый и величественный. Мы вступали в область Кордильер. Последние лучи солнца, косвенно скользя по бокам этих колоссов, высвечивали их золотистыми и фиолетовыми оттенками. Казалось, небо бросало им последнюю свою благосклонную улыбку. Невыразимое чувство тоски, смешанное с благоговением, овладевает душою по мере того, как взбираешься на эти кручи. Здесь расстаешься, кажется, навсегда с миром обитаемым и вступаешь в область мертвого уединения; с каждым шагом по кордильерским косогорам все более и более развертываются торжественные, величественные, но угрюмые картины; с каждым шагом прощаешься со всеми прелестями гостеприимной природы. Сердце сжи-

¹⁰ Отеч. зап. 1844. Т. XXXIV. Отд. II. С. 11.

мается, воображение теряет свою живость, оно как бы оковано ужасной действительностью, возле которой всякая фантазия превращается почти в ребячество. Невольно взор делается сумрачным, неподвижным; исчезает вся нега, вся роскошь тропического неба; чувствуешь, что находишься под влиянием какой-то дикой, необоримой власти; что в каждую минуту жизни самое дыхание должно покупать беспрестанным напряжением внимания, непоколебимым хладнокровием. Здесь малейшая рассеянность наказывается смертью, один неверный шаг — и ты добыча бездонной пропасти.

Лошаки, вытянув шею, расширив ноздри, казалось, обнюхивали дорогу и с удивительной ловкостью и терпением подымались по бесчисленным извилинам, означавшим издали горные тропинки»¹¹.

Большое впечатление на Пл. Чихачева произвела картина звездного неба. Он пишет, что никогда самое пылкое воображение не может представить себе великолепие тропического неба, озаренного сверкающим светом миллионов миров, теряющихся в бесконечных пределах Вселенной. Он отмечает, что красивейшее созвездие Южный Крест — величественный соперник экваториального созвездия Орион — принимает по праву смиренную дань восхищения. Через три дня Пл. Чихачев приблизился к высшей точке перевала. «Величественная панорама, внезапно открывшаяся перед взорами нашими, — вспоминает Пл. Чихачев, — превзошла все ожидания. Пред нами были видны те самые вершины, которые два дня тому назад, с Майпоской долины, нам казались неприступными (темные, густые тучи, громовые удары грозно гремели над ними), теперь они смиренно тянулись у наших ног... Вулканы высились на белоснежных вершинах Анд и придавали им характер еще более торжественный. Долго, немой от удивления, стоял я, наслаждаясь этой великолепной картиной, но взору моему представился другой пункт Анд, еще превосходнее, а именно ущелье Квитских Кордильеров, откуда открывается вид на очаровательную долину Чильйо. Там взор постепенно, от самого роскошного пояса экваториальной растительности, где цветут пальмы, сахарный тростник, душистая ваниль, переходит к дикой области альпийских лугов, к громадным ледникам Анд, увенчанных вулка-

¹¹ Там же. С. 17.

нами, пылающая лава и густой дым которых величаво расстилается по белым снеговым куполам.

Далее Пл. Чихачев отметил, что, как ни трудно было подниматься на Анды, спускаться оказалось еще труднее. Снежные стены по обеим сторонам дороги часто принуждали скидывать ноги почти в уровень с ушами лошака. Местами спускаться приходилось по краю огромных гранитных глыб, висевших над безднами, по дну которых с неистовым ревом неслись талые воды.

С вершины Парамильйо перед взором Платона Александровича впервые раскрылась беспредельная даль памп. Ему показалось, что это зеленый океан, в котором в виде острова стоял город Мендоса.

От Мендосы до Буэнос-Айреса Пл. Чихачеву предстояло проскакать по Пампасской низменности, теперь уже на лошадях, около 1200 верст. Степные кони пускаются вскачь, как скоро ездок вставляет одну ногу в стремя. В пути очень часто встречались огромные табуны диких лошадей. «История этих табунов,— пишет Пл. Чихачев,— довольно любопытна. Лошади и рогатый скот ввезены сюда испанцами между 1530 и 1553 годами и благодаря изобилию пастбищ размножились до чрезвычайности. Пампасский конь не очень силен, не очень росл; легкость на бегу и гибкость его членов поистине изумительны. Думаю, он проворнее своего степного азиатского собрата, хотя и менее способен выносить продолжительный труд. Впрочем, он все-таки кажется мне породой гораздо ниже туркменской лошади»¹². Гаучо¹³ без лошади немислимы. Они превосходные всадники и так же твердо держатся в седле, как наши казаки или калмыки. Здесь, как и в России, на пути создан ряд почтовых станций с ночлежками. Как описывает Платон Александрович, как-то, проскакав около 70 верст, он, изнуренный, улегся на ночлег у почтовой хижини. «Ночью на меня напали москиты, как саранча; я закрыл голову пончо — жар невыносимый; в отчаянии бегу в хижину — здесь блохи и клопы с жадностью

¹² Там же. С. 31.

¹³ Гаучо (Gauchos) — потомки испанцев. Эта этническая группа произошла от браков испанцев с индейскими женщинами. Гаучо первоначально вели бродячую жизнь, занимаясь пастушеством, хищением и перепродажей скота. Обычно их нанимали проводниками во время поездок по пампам.

впиваются в мое тело... Женщины, дети, старики, собаки — все это лежало вместе как попало».

На третий день прибыли в Сан-Луис. У редких домов этого так называемого города были окна. Строения большей частью из глины, окружены садами, зелень которых была пожрана саранчой. Бич памп в течение двух или трех месяцев в году — саранча совершает и здесь, как в Старом Свете, свои опустошительные переселения. Набег ее ознаменовывается истреблением всей растительности; она пожирает даже соломенные кровли домов. Другой бич обширных степей — муравьи, густые фаланги которых столь же страшны, как и фаланги саранчи. Муравьи выгоняют даже индейцев из жилищ. В пампах удобен один только способ путешествия — верховая езда. И хотя верховая езда беспокойна и утомительна, но зато она отрадна душе, когда скачешь во всю прыть по этим необозримым равнинам, а местами встречающаяся еще не выжженная солнцем волнистая трава и курчавые кусты альгарробы вышиной от трех до четырех футов гнутся под ногами бодрого бегуна.

Одно из ободряющих сначала, а затем утомляющих явлений природы — это беспрестанные миражи, особенно в первой половине дня. Как солнце двигалось к полудню, мираж исчезал.

«Что-то грустное было в зрелище волшебных действий земного отражения в этих необычных пустынях, где ничто не двигалось, кроме нас, — отмечал Пл. Чихачев. — После полудня на смену миражам приходила огненная жара. Градом катился с нас пот, и галоп бешеных лошадей, покрытых пеной, поддерживался лишь ударами острых шпор».

Еще одно бедствие подстерегало путешественников по этой земле — это набеги индейцев. Поэтому глаза гаучо постоянно всматриваются в малейшее движение, замеченное на горизонте памп. «Всегдашнее напряжение зрения, к которому гаучо привыкают с малолетства, до такой степени изощряет его, что они ясно видят предметы, совершенно ускользающие от глаз европейца, и которые не может скрыть от них даже ночная мгла».

Проскакав еще три дня от Сан-Луиса, путешественники прибыли к небольшому, огражденному рвом, колючим кустарником и алоэ сторожевому посту, состоящему из двух-трех жалких лачуг, в которых юти-

лись человек пятнадцать гаучо с женами и детьми. На вопрос, нет ли чего поесть, один из обитателей указал на целого ягненка с кожей и шерстью, жарившегося на горячем пепле. Это называется здесь *сагне еп сиегос*, т. е. мясо в коже. «Как ни странно может показаться вам кухонный процесс, чрез который проходит это мясо, прежде чем дойти до вашего рта, но оно чрезвычайно сочно и вкусно»¹⁴. Чай матэ служил им напитком и приправой.

На следующий день рано утром Платон Александрович отправился вместе с гаучо на охоту за страусами. Вместо ружей у каждого гаучо имелись шары, закрепленные на веревке, которые легко бросались в ноги страуса. Если шары (болы) удачно обвивали ноги страуса, птица падала и являлась добычей охотника.

На двенадцатый день Пл. Чихачев прибыл к городишку на берегу Ла-Платы. Здесь, особенно в воскресные дни, мужчины с большим интересом участвуют в азартных играх. Гаучо, с ножом за поясом, с пахилью во рту, подолгу сидят на пятках и проигрывают в карты все свое имущество — любимого коня, шляпу, шпоры, рубашку. Патры (священники) наравне с другими участвуют в этих безнравственных игрищах. Другое, не менее азартное занятие — кровавый бой петухов. И в нем патры обязательные участники. Здесь, как и в картежной игре, много проигрывается и выигрывается.

Вечерами, не только в праздничные дни, на площадях образуются группы плясунов, под звуки гитар и звонкого шелканья кастаньет проявляется добродушная, беспечная веселость. «Фанданго, — пишет Пл. Чихачев, — самая любимая пляска южных американцев. В ней есть что-то важное, даже меланхолическое, как в томной качуче; но вдруг фанданго превращается в пляску бешеную, неистовую, как неаполитанская сальтарелла, — словом, эта пляска выражает все оттенки страстей самых пламенных и самых нежных. Здесь и невольные порывы, и задумчивость, и радость, и грусть, и надежда, и отчаяние. Фанданго, исполненное с такой энергией, которая возможна только жителям южных стран, действительно производит не-

¹⁴ Отеч. зап. 1844. Т. XXXIV, отд. II. С. 1.

выразимое, очаровательное впечатление, при котором забываешь всю темную сторону здешнего быта»¹⁵.

Перед отъездом в Буэнос-Айрес Пл. Чихачев решил ознакомиться с бойнями и саладерами, т. е. местами, где солят и супат говядину, а также где ведется первичная обработка шкур. От двух до восьми тысяч штук рогатого скота обрабатывается ежедневно. Этот вид деятельности составляет важнейшую отрасль внешней торговли Буэнос-Айреса и Монтевидео. Вокруг эстанция (род огромных скотных дворов, где содержат, бьют и солят) находятся раздельно огромные груды шкур, мяса и костей. Кожи и мясо сразу же осыпаются толстым слоем соли и оставляются кучами в степи дней на десять-двенадцать. Солонина свободно продувается воздухом, и по истечении этого времени процесс сушения и соления мяса считается законченным. В нескольких шагах от бойни стая псов с глазами, налитыми кровью, ждет, когда настанет ее очередь в этом пиршестве. Безобразные гальинасы, каракары и другие хищные птицы тысячами собираются около саладеров; они наполняют воздух криком и с нетерпением ожидают ночи, чтобы сменить человека и псов и получить свою часть в общей добыче.

«Вид подобной соляной пристани, напоминающей некоторым образом, только в гораздо больших размерах, наши рыбные ватаги на устьях Волги и на северо-восточных берегах Каспийского моря, — пишет Пл. Чихачев, — производит весьма неприятное впечатление. Ночью жалобный стон скота, запертого без корма и воды в продолжение двух или трех суток в огромных загородах; днем ужасный рев разъяренных быков, борющихся в отчаянном исступлении со своими убийцами; дикие крики и лютые насмешки окровавленных гаучо — все это до крайности отвратительно, особенно когда подумаешь, что посреди этой неистовой резни человек беспрестанно рискует своей жизнью для того только, чтобы выручить какой-нибудь рубль или два за работу целого дня»¹⁶.

На третьи сутки по выезде из Кабеса дель-Гигро, находящегося в 250 верстах от Буэнос-Айреса, Платон Александрович прискакал измученный и грязный в столицу Аргентины, где пробыл 10 суток, а затем на

¹⁵ Там же. С. 61.

¹⁶ Там же. С. 63.

английском военном корабле, с которым он расстался в Вальпараисо, прибыл в Монтевидео. «В ту же самую ночь, пользуясь благоприятным легким ветерком, мы,— пишет Пл. А. Чихачев,— подняли паруса и направились к роскошным берегам Бразилии».

В заключительной части своего наброска¹⁷ о путешествии по Северной и Южной Америке Платон Александрович особое место отвел анализу завоеваний европейцами Нового Света и отношению их к аборигенам этой страны. «Движимые более духом корысти, чем другим каким-нибудь побуждением, испанцы и англичане в разные времена основали огромные державы на двух концах вселенной... Оба завоевания шли быстро, но в обоих не любовь к человечеству выбирала средства, не она решила участь покоренных народов... Они жаждали одного — золота во что бы то ни стало, и тысячи индейцев, рожденных в роскошном климате знойного пояса, безмолвно гибли в тяжелых подземных работах — в угоду нетерпеливому корыстолюбию завоевателей. Обязанность работать в рудниках, называемая *mita*, тяготела на всех индейцах. Часто индейцы, жившие на расстоянии тысячи верст от рудников, в определенное время должны были покидать свои жилища, семейства и отправляться на каторжную работу»¹⁸.

Далее Пл. Чихачев отмечает, что не прошло и полустолетия с момента утверждения власти победителей, «как от фанатического эгоизма и ненасытного корыстолюбия, поддерживаемых огнестрельным оружием» туземное население значительно уменьшилось, а земли отцов их были самовольно отторгнуты. «Они,— пишет Платон Александрович,— всюду неумолимою рукой старались утвердить свои понятия, свои учреждения, свои нравы, без малейшего внимания к местным понятиям, к местным нравам, к местным потребностям»¹⁹.

Пл. Чихачев в заключение отмечает, что чаша терпения аборигенов переполнена и что они и ныне всюду, где представляется возможность, сопротивляются.

¹⁷ Как отметил Пл. Чихачев, в конце 1838 г. в Париже у него украли большую часть его рукописей. Поэтому ему пришлось делать лишь наброски воспоминаний.

¹⁸ Отеч. зап. 1844. Т. XXXIV, отд. II. С. 69.

¹⁹ Там же. С. 68.

Восхождение на пик Ането

После нелегкой Американской экспедиции, находясь на отдыхе в Испании, Платон Чихачев решил покорить самую возвышенную точку Пиренеев — вершину Ането, венчающую массив «Проклятые горы» Маладетты.

Попытки посетить вершину многих натуралистов, таких, как Ремон, Шоссанк, Кордье, д'Арбанер, Парро, а также прославленных охотников за горными исардами оказывались безуспешными или заканчивались трагически, как это произошло с искусным проводником Барро, погибшим в 1824 г. в трещинах ледника.

Жители близлежащих мест рассказывали самые ужасные истории о горных вершинах Маладетты и дали им название «Проклятые горы», а все туземные проводники считали восхождение на Маладетту дерзостью.

«Научное любопытство, хотя и смешанное с чувством страха,—пишет Платон Чихачев,— взяло верх, и я думал, что для науки, занимающейся изучением горных вершин, весьма важно определить точным образом настоящее положение этого неведомого пункта».

С этой целью Платон Александрович 18 июля 1838 г. прибыл в г. Бенаске, который расположен в ущелье на берегу высокогорного озера. «Из этого-то ущелья, пробитого точно дверь сквозь горный хребет, увидели мы впервые ужасного врага, с которым я решился вступить в страшную борьбу. Рассматриваемая с этой точки Маладетта со своим громадным ледником является в надменнейшем и грознейшем виде, чем с южной стороны»¹.

На следующий день экспедиция направилась в горы и сравнительно легко достигла долины Предов, пересекла ее и вступила на широкое каменистое подножье Маладетты. «Общий вид этой страны казался весьма дик, это было такое беспорядочное нагромождение пород, столь полный хаос с живыми и резкими гласисами, где ноге не на чем было утвердиться, что после пятичасовой ходьбы, перескакивая с одной скалы на другую, изнуренные усталостью, мы расположились на отдых...»

¹ Отеч. зап. 1842. Отд. VIII. № 12. С. 89.

20 июля в три часа утра группа была уже на ногах, готовая к восхождению. «Небо казалось ясным и обещало хороший день; не так случилось на деле. Скоро туманы, беспрестанно наносимые ветром, поплыли вдоль щетинистого гребня Маладетты и покрыли наконец ее вершину широким облаком. Между тем мы, после двух часов ходьбы, выбрались на небольшую площадь, где находились три озера, соединенные между собой. Озера эти не показывали никакого признака оттепели — явление, достойное замечания, потому что на значительнейшей высоте встретили мы потом четвертое озеро, не замерзшее. Рассеянные и разбитые в куски земляные осыпи лежали у подножия южного ледника, к которому мы тотчас подошли. Ледник этот был совершенно покрыт снегом и только изредка выказывал свой синеватый хребет, вздувшийся огромными скупьями, которые прорезывались широкими и глубокими трещинами. Он походил больше на то, что в Швейцарии называют *hautt névéé*, чем на собственно — так называемый — ледник; поверхность его оказалась тверда, и это заставило нас обуться в железные скобы. В продолжение слишком двухчасового восхождения мы собрали множество насекомых, которые лежали в оцепенении на снегу и которых, конечно, ветер перенес на этот ледник; я обозначил названия этих насекомых в донесении, посланном мною в Институт.

Теперь воздымался перед нами главный гребень всей цепи. Надо было подняться на него, чтоб дойти до подножия самого конуса. Когда мы на него всходили, страшный вихрь едва не сбросил нас в небольшой бассейн, наполненный водою, находившийся на другом боку и служивший, по-видимому, резервуаром для истоков северного ледника. Ледник обрывисто возвышался над берегами этого миниатюрного озера. В вертикальном своем сечении он образовал тут плотную снеговую стену от 30 до 35 метров толщины; ее зеленые верхушки виднелись несколько дальше.

Тотчас, перейдя главный гребень, достигли мы крутого ската, составляющего основание пика Ането. Несколько мгновений достаточно было нам, чтоб добраться до зернистых, но худо прикрепленных зубцов его бока. Они осыпались, как скоро мы хотели по ним вскарабкаться, не держались ни под руками, ни под ногами; таким образом, все усилия к восхождению

были тщетны. Мы принуждены были остановиться. Со всех сторон облекал нас густой туман; мы могли заблудиться; послали проводников отыскивать какую-нибудь дорогу к вершине...

Тоснота, овладевшая мною при переходе гребня, почти совершенно миновала; когда воротились проводники, я готов был пуститься с ними в путь. Скоро нам посчастливилось найти укрытое в трещине скалы прекрасное маленькое гвоздичное растение — бесствольную силену (*Silene acaulis*), которой семя занесено было на такую высоту, вероятно, птицею или ветром. Мы находились слишком на 400 метров выше черты вечных снегов!.. Бесствольная силена — одно из прелестнейших растений Альпийских и Пиренейских гор. Ее листья, собранные в густой дерн, образуют пучки прекрасной зелени, из середины которой торчат там и сям очаровательные пурпуровые цветочки.

Час довольно усиленной ходьбы по мучнистому снегу (довольно похожему своей рассыпчатостью на тот, какой я видел в Америке, на скатах Котопахи и Чимборасо) привел нас на острую оконечность, где ледник, слизываемый (если можно так выразиться) действием солнечных лучей и окружающего воздуха, мало-помалу исчезал и где показались обломки гранита разнообразной формы. Мы думали было, что достигли столь желанной вершины; но скоро сквозь просвет в тумане увидели обнаженную иглу, стрелой торчавшую на 7 или 8 метров (21—24 фута) над нами. Проводники наши тотчас бросились туда и, цепляясь по узкому, отвесному, окруженному глубокими пропастями скату, минут через десяток добрались наконец до верховной точки Проклятых Гор, т. е. высочайшей точки Пиренеев!!!.. Вскоре и я оказался там же.

То была минута торжества для всех, и мы поспешили означить это место небольшою башенкой, наскоро сложенной из камней, валявшихся у нас под ногами.

Туман время от времени рассеивался и открывал нам сквозь свои широкие просветы зрелище, которым не могли насытиться наши глаза, — зрелище, которого я не возьмусь описывать, потому что язык человеческий слишком слаб для начертания столь возвышенных образов и для изображения столь глубоких ощущений).

Как известно, это восхождение на пик заняло 4 дня и 3 ночи. Так, высочайшая точка Пиренеев была впервые покорена русским естествоиспытателем Платоном

Александровичем Чихачевым. Ему удалось посредством барометрических измерений установить, что высота пика Ането равна 3370,9 м. Последующие более совершенные измерения уточнили абсолютную высоту пика Ането — 3404 м. Пл. А. Чихачев измерял температуру воды встречавшихся на пути ручьев и озер, а также температуру воздуха на разных уровнях. Платон Александрович собрал первые коллекции растительного мира, а также насекомых района верхней Маладетты.

Снова вместе

Зимой 1838 г. в Петербурге после пятилетней разлуки вновь встретились братья Чихачевы — Петр Александрович и только что вернувшийся из своего полного приключений путешествия по Южной Америке Платон Александрович.

Еще молодые по возрасту, но с вполне сформировавшимся гражданским сознанием, братья Чихачевы твердо решили приступить к исследованию почти неизвестных районов Сибири и Средней Азии, а главное — достичь таинственного Тибета. Разработав план экспедиции в глубь Азии, Пл. Чихачев обратился в Академию наук с просьбой поддержать перед царским правительством их намерения. «Сообщение г-на Пл. Чихачева, — писал академик К. Бэр, — о намерении предпринять путешествие в глубь Азии и, возможно, даже добраться до самого Тибета встретило горячий отклик в Академии»¹.

В марте 1839 г. выдающиеся в то время русские академики К. Бэр, А. Купфер, Э. Ленц, Х. Фрей и Я. Шмидт обратились со специальным обширным письмом к царскому правительству, в котором писали: «...научная экспедиция, задуманная г-ном Пл. А. Чихачевым, заслуживает внимания Академии и Родины, ибо он первый всесторонне образованный чисто русский человек, который не во исполнение правительственного поручения, а по собственному почину и личному побуждению, желая отдать свои силы и знания на благо науки и Родины, стремится рискнуть и осуществить данную экспедицию, опасности которой всем известны...»²

¹ Архив АН СССР. 1839. Ф. 2. Оп. № 9. С. 8.

² Там же. С. 10.

Но ни личные обращения Пл. А. Чихачева, ни письмо, подписанное академиками, не могли убедить царское правительство в целесообразности экспедиции. Оно не считало нужным поднять роль отечественной науки, не верило в творческие силы русских исследователей, поэтому отнеслось к задуманной экспедиции с недоверием и даже с пренебрежением. Особенно большие препятствия чинил министр иностранных дел России граф Нессельроде. «То было странное время,— писал Пл. А. Чихачев,— период, так сказать, скрытого гонения на все, что могло привести к освещению почти неизвестного материка и вполне естественных и столь важных интересов России на Востоке»³.

Мысль об экспедиции на Памир не оставляла Платона Александровича. Узнав, что в конце 1839 г. из Оренбурга должна направиться экспедиция русских войск под командованием генерал-адъютанта Василия Алексеевича Перовского, которого Платон Александрович хорошо знал по русско-турецкой войне 1828—1829 гг., Пл. А. Чихачев добился прикомандирования к этой экспедиции с тем, чтобы, дойдя вместе с ней до Хивы, продолжить оттуда свой путь по собственному усмотрению и на свой страх. К экспедиции были также прикомандированы с научными целями член-корреспондент Петербургской АН В. И. Даль, собиравший лингвистический и фольклорный материал, выпускник Царскосельского лицея Николай Владимирович Ханьков и др. Хивинская экспедиция закончилась неудачно. Платон Александрович, дойдя до подножия Устюрта, был вынужден летом 1840 г. вернуться в Оренбург.

Постигшая неудача не отняла у Пл. А. Чихачева надежд на будущее.

Вернувшись в Петербург, он, по совету врачей, выехал в Алжир для поправки здоровья, сильно подорванного ужасной зимой 1839/40 г. Через три месяца Пл. Чихачев приступил к подготовке новой самостоятельной попытки пробраться в район Памира. С этой целью он подобрал себе напарника, Н. И. Кашкарова, и прибыл с ним в Париж, где они прослушали лекции по астрономии известного ученого академика Д. Ф. Араго, Эли де Бомона, затем в Берлине Карла Риттера, И. Энке. Возвратившись в Россию, Платон Александрович продолжил занятия по астрономии в

³ Изв. ИРГО. 1892. Т. XXVIII, вып. 2. С. 6.

Пулковской обсерватории под руководством академика Василия Яковлевича Струве и его сына Отто Васильевича. Кроме того, Платон Александрович приступил к детальному изучению имевшихся литературных источников не только на русском, но и на различных иностранных языках, в которых в той или иной степени затрагивался вопрос о Средней Азии и о Памире ⁴.

Несмотря на солидную подготовку к задуманной Памирской экспедиции, дела шли плохо из-за всегдашней неприязни министра иностранных дел графа К. Нессельроде, уже несколько десятилетий руководившего внешней политикой России, хотя он не знал даже русского языка, да и интересы России в Азии его мало трогали. Так, попытки Платона Александровича не находили поддержки у этого занимавшего большой пост человека, маленького роста, с птичьей головой, с крючковатым носом, «карманного министра» Николая I. Как отмечал Платон Александрович, Нессельроде неоднократно придирался к нему то за вольное толкование неудачного Хивинского похода, то по поводу статьи о бассейне Амударьи и Сырдарьи, то за сравнение К. Нессельроде с министром иностранных дел Адольфом Тьером, на которого он действительно был похож не только ростом и лицом, но и манерами.

Под небом Италии

В 1839 г. Петр Александрович Чихачев по рекомендации Александра Гумбольдта решил приступить к изучению природных богатств, и прежде всего геологии, Апеннинского полуострова. «Невозможно без воссоздания исторического прошлого,— писал он,— разбраться в облике настоящего, ибо далекое прошлое и современное связаны между собою непрерывной нитью».

«Единственной целью в нашей экспедиции,— писал П. А. Чихачев,— было обратить внимание современных геологов и вообще естествоиспытателей, которых любовь к науке влечет в самые отдаленные страны, на необходимость изучения района, находящегося в самом

⁴ Как известно, Платон Александрович в 1849 г. опубликовал солидную статью «Об исследовании вершин Сыр- и Амударьи и нагорной площади Памир». См.: Записки ИРГО. Кн. III. С. 50—70.

центре полуострова, являвшегося когда-то колыбелью науки и искусства»¹.

Интерес к изучению естественных богатств многих стран, в том числе и Италии, был вызван главным образом тем, что в первой половине XIX в. в условиях быстрого роста промышленного капитализма геология как наука продвинулась значительно вперед.

Промышленный переворот, начавшийся в Англии, создавал необходимые условия быстрому развитию естественных наук, особенно геологии и отпочковавшейся от нее еще совершенно новой науки — палеонтологии. Среди ученых уже почти не вызывала сомнения, как указывал Ф. Энгельс в «Диалектике природы», «наличность образовавшихся друг после друга и расположенных друг над другом геологических слоев...»².

В науке уже считалось пройденным этапом положение о находках ископаемых в пластах горных пород, вызывавшее большие дискуссии еще в конце XVIII и отчасти в самом начале XIX в. Во второй четверти XIX в. среди передовых ученых считалось общепризнанным, что окаменелости являются остатками живших когда-то организмов. Геологи к этому времени стали широко применять палеонтологический метод при определении возраста слоев по сохранившимся в них ископаемым остаткам животных и растений. Появились хронологические и классификационные таблицы.

Выдающиеся ученые того времени — А. Гумбольдт и Боннар в Германии и во Франции, Бекленд, Конибир, Лабеш в Англии — дали весьма полные таблицы геологических формаций. Последним итогом достижений того времени, как об этом писал Ж. Кювье, была «Таблица геологических формаций в порядке напластования», составленная Александром Гумбольдтом³.

Хотя в рассматриваемый нами период естественные науки значительно продвинулись вперед, они далеко еще не освободились от влияния теологии. Большинство геологов, палеонтологов, ботаников, зоологов вплоть до конца 50-х годов прошлого века продолжали при-

¹ *Tschihatcheff P. Coup d'oeil sur la constitution geologique des provinces meridionales du Royaume de Naples. Suivi de quelques notios sur Nice et ses environs. Berlin, 1842. P. 176.*

² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 351.*

³ Таблица А. Гумбольдта впервые была помещена в 1812 г. в работе Ж. Кювье «Рассуждение о переворотах земного шара».

держиваться библейской истории сотворения мира — креационизма, т. е. веры в то, что виды животных, растений и вся природа в целом были сотворены богом.

«Не забудем,— писал Ф. Энгельс в своем труде «Диалектика природы»,— что, хотя прогресс науки совершенно распатал это устарелое воззрение на природу, вся первая половина XIX в. все еще находилась под его господством...»⁴

В своей работе, написанной в результате экспедиции 1839—1841 гг., «Взгляд на геологическое строение южных провинций Неаполитанского королевства» Петр Чихачев не придерживается формально победившей на Парижском диспуте реакционной теории. Сделанные в то время П. А. Чихачевым выводы о постепенном переходе ископаемых из одной формации в другую, о беспрерывно действующих естественных силах, постепенно изменяющих облик земного шара, так же как и о существовании Земли и жизни задолго до существования человека, опубликованные в начале 40-х годов прошлого века, и до сих пор поражают нас своей смелостью и прогрессивностью. При этом следует помнить, что и в царской России, во времена Николая I, высказывания такого рода рассматривались не иначе как посягательство на основы существующего строя.

Маршруты путешествия

В конце февраля 1839 г. П. А. Чихачев приехал на самый большой остров Тирренского моря — Сицилию. Здесь он прежде всего приступил к изучению минералогического состава и условий залегания пород Катанийской низменности, расположенной к югу от огромного действующего вулкана Этна, возвышающегося над восточным берегом Сицилии.

Исследовав этот район, он направился к горам Неброди, сложенным в основном песчаником конгломератом и глиной. В отдельных местах этого хребта П. А. Чихачев обнаружил кварцитовые песчаники. Придерживаясь северо-западного направления, он пересек горы Ле-Мадоние, по его определению сложенные в основном теми же породами, что и горы Небро-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 350.

ди, с включением известняковых глыб, образующих местами огромные скалы.

Затем, спустившись по известковым породам к живописному сильно расчлененному району прибрежной зоны северной Сицилии, в окрестностях Палермо он изучил условия залегания пород, составил стратиграфические схемы, а также пополнил свой гербарий некоторыми видами растений. В осадочных породах этого района П. А. Чихачев обнаружил множество ископаемых, в том числе и кости давно вымерших животных.

«В бытность нашу в Сицилии,— пишет П. А. Чихачев,— мы имели возможность изучить осадочные слои костеносной брекчии грота де Мардольче близ Палермо, так же как и костеносные осадочные слои Джирдженте».

Пройдя северное побережье Сицилии от Палермо до Мессины, П. А. Чихачев обратил особое внимание на северо-восточную часть острова. Он определил, что эта часть сложена гнейсами, гранитом, слюдяным сланцем и другими «первичными»¹ породами. Предгорная же полоса Мессинского пролива сложена третичными породами.

Переехав из Мессины в Реджо-ди-Калабрия, уже на Апеннинский полуостров, П. А. Чихачев приступил к изучению состава пород и условий их залегания на западном побережье провинции Калабрия-Ультра-прима. Прежде всего им была установлена идентичность пород прибрежных зон районов Реджо-ди-Калабрии и Мессины. П. А. Чихачев отметил, что когда с восточной стрелки Сицилии попадаешь в пределы Калабрии, то поражаешься тем, что в Реджо-ди-Калабрии находишь те же самые третичные осадочные слои, какие только что наблюдал в Мессине².

Исследовав все побережье Мессинского пролива в районе Реджо-ди-Калабрии, он установил, что эти сравнительно молодые осадочные слои соприкасаются на востоке и севере непосредственно с древними, «первичными» формациями, сложенными из гранита, гнейса и слюдяного сланца, а начиная от г. Сцилла и вплоть

¹ Термин «первичные», или «первозданные», породы заимствован П. А. Чихачевым у Вернера. Сюда входили гранит, гнейс, слюдяные и другие сланцы, кварциты, кристаллические известняки, порфиры и т. д., не заключавшие в себе окаменелостей.

² *Tchihatcheff P. Coup d'oeil sur la constitution... P. 117.*

до г. Пальми древние породы непосредственно подходят к морю, образуя здесь гранитные берега. Затем эти древние породы прерываются глубоко вдающимися в материк напластованиями третичных осадочных пород, «образующих как бы залив в западной части первичных формаций Калабрии-Ультра-прима».

Достигнув, таким образом, северных границ Калабрии-Ультра-прима, П. А. Чихачев стал спускаться на юг, к г. Серраида, по живописной долине реки, берущей начало у г. Серра. Составив стратиграфические схемы залегания пород, он направился к г. Стило. Здесь им было установлено, что «первичные» формации уже «не соприкасаются на поверхности непосредственно с третичными отложениями, а отделены от них породами, образующими „караираг“, или коралловый известняк, глины, оолиты и др.».

П. А. Чихачев не ограничивается только описанием пород и условий их залегания. Он обращает внимание также на разработку полезных ископаемых, описывает уровни работы, состояние техники и т. п. Так, недалеко от г. Стило, в местечке Пеццано, он ознакомился с работками залежей бурых железняков. «К сожалению, геолог не может извлечь почти никакой пользы из исследования рудников, отстоящих на расстоянии часа ходьбы от Пеццано, ввиду действительно жалкого их состояния и плохого оборудования... Посещая эти печальные памятники варварства, мы невольно чувствовали себя перенесенными в среду арабских племен Алжира, которые занимаются добычей железа... методы, применяемые этими детьми пустыни, ничуть не примитивнее тех, которые применяются в рудниках Пеццано.

Всякий раз, когда в галерее рудника появится струйка воды, что порой объяснимо характером местности, горняки отступают перед этим злейшим врагом, немедленно прекращают работы и отправляются в другое место, где пробивают такую же жалкую и плохо оборудованную галерею, как и первую, которую также бросают в случае появления воды. И так повторяют до тех пор, пока не встретят совершенно сухих пластов... Артиллеристам, вероятно столь же мало привычным обращаться с фитилем, как и с молотом горняка, поручено руководить работами, и они проводят каждый на свой лад. Такое положение вещей тем более прискорбно, что оно мешает правительству использовать

громадные преимущества, какие могли бы быть при правильной постановке дела. Кроме того, что добыча их требует самых простых приемов, гидроокислы железа находятся здесь в изобилии»³.

П. А. Чихачев посетил города Ветера, Лука, Афдорико, когда он пересекал горы Грами, Молети, и обнаружил узкие полосы мезозойских отложений, называвшихся в те времена породами «вторичной формации», тянущейся вдоль всего восточного края древнего, «первичного» Калабрийского массива. На протяжении этой узкой полосы местами им были обнаружены залежи каменного угля. Особенно богатыми в этом отношении оказались горы Джерас в окрестностях Аньяно.

П. А. Чихачев составил стратиграфические схемы залегания углей, мергелей, песчаников, известняков в различных зонах местности. Он производил сравнение условий залегания угля этого района с другими районами Европы (Йоркширский Мурленд — Англия, Тарантез — Сардиния и др.).

Исследовав угольный район гор Джерас, П. А. Чихачев направился на юг полуострова, где изучил известняки окрестностей Бове и Капле-делла-Арми, после чего прошел все восточное побережье Калабрии-Ультра-прима и значительную часть восточного побережья Калабрии-Ультра-секунда.

В результате двухмесячного исследования Калабрии-Ультра-прима П. А. Чихачеву удалось установить районы залегания различных по своему возрасту пород. Им были определены и исследованы месторождения полезных ископаемых, составлены стратиграфические схемы и, что особенно важно, геологическая карта провинции, мало чем отличающаяся от современных геологических карт этого района.

Из г. Катандзаро П. А. Чихачев отправился на запад, в Никастро, а затем через города Ночиру, Марторано, Сивуто в Амантеа.

Пройдя по побережью населенные пункты Санта-Лучило, Паола, Фоскалдо, Гуардиа, Цараро, Анджело вплоть до Гиретты, он направился на юго-восток, к Айато, затем через Поликастрелло, Альтомонте достиг населенного пункта Лунгро, известного разработками соли.

³ Ibid. P. 43—44.

П. А. Чихачев отмечает, что изучение условий залегания соленосных осадочных слоев в различных странах представляет большой интерес. Можно проследить образование таковых в Европе, начиная с самых молодых формаций и кончая древними. Например, в осадочных слоях Польши, в Величке, они лежат на глинистом сланце, в Германии — в пестром песчанике, в Испании — в зеленом песчанике, в Австрии — в юрской формации и т. д.

Исследуя эти районы, П. А. Чихачев пришел к выводу, что богатые осадочные слои соли имеются не только в Лунгро, Альтамонте и Аквиформозе. Как это подтвердилось в дальнейшем, предположение П. А. Чихачева о наличии больших залежей соли на значительной площади этого района, основанное на существовании большого количества солевых источников, оказалось совершенно справедливым. Интересно отметить, что П. А. Чихачев не обошел и социальный вопрос, связанный с использованием природной соли. Он отмечает, что, несмотря на обилие природной соли, население не имеет права пользоваться ею для своих нужд.

«А между тем,— пишет П. А. Чихачев,— бедняк, живущий в данном районе, должен платить за „ротуло“ соли (приблизительно 1,5 французского фунта) 12 грани (около 12 сантимов), тогда как вокруг него соли столько, что не требуется другого усилия, как только наклониться и взять ее. Но дело в том, что добыча соли — это монополия правительства, которому только солеварня Лунгро приносит ежегодно прибыль в размере 50 000 дукатов»⁴ (примерно 250 000 франков.— В. Ц.).

Из г. Лунгро П. А. Чихачев направился на северо-восток, к небольшому известняковому хребту. Хребет этот между Саррацино и Кастровиллари снижается и образует дугу.

Здесь П. А. Чихачев исследовал горы Парато, Муллета, Мулла, Роза, Коццо-ди-Полинтино, Монте-Полино, Монте-Кассано и др. Особое внимание он обратил на две последние — Монте-Полино, находившуюся на севере от г. Кастровиллари, и Монте-Кассано.

«Горный хребет Монте-Полино,— пишет П. А. Чихачев,— один из самых интересных и самых высоких всего королевства. Это — огромная масса, состоящая

⁴ Ibid. P. 139.

главным образом из черного известняка; его кульминационная точка — самый Монте-Полино возвышается в четырех часах пути к северу от Кастровиллари. Большую часть года он покрыт глубоким снегом, так что в мае месяце, когда мы там находились, даже средние его районы оказались недоступными. От этой центральной точки расходятся по всем направлениям высокие горные цепи, пересекаемые волнообразными, извилистыми долинами. Местами этот лабиринт изборозжен жуткими пропастями, причем неровные края их как бы подчеркивают величавую красоту этого скопления гигантов, навалившихся один на другой. То, что для геолога представляет интерес, это определить, что вся восточная часть этой системы гор, такой обширной и сложной, состоит из совершенно другой породы, чем та, которая образует собственно Монте-Полино, и в то же время связана с ней почти неуловимыми переходами. Это мергелевые и известково-песчаниковые породы»⁵.

Обогнув населенный пункт Порсима, П. А. Чихачев спустился к горе Монте-Кассано, после чего по долине р. Роганнело, сбегаящей с Монте-Полино, попал в местечко Эврополи. Отсюда он направился на юго-запад, к г. Санто-Марко, а затем спустился на юг, к г. Козенца.

Из Козенцы П. А. Чихачев посетил Бизиньяно и через Кастилвине, то придерживаясь берегов р. Крати, то значительно удаляясь от нее, исследовал многочисленные эрозионные ущелья ее притоков. Здесь ему удалось собрать большое количество окаменелостей ископаемых флоры и фауны и, используя палеонтологический метод, установить возрастное различие отдельных зон долины Крати. Из Бизиньяно П. А. Чихачев, пройдя Санто-София, Санто-Деметрио, Терраново, достиг г. Специно-Альбианесс, откуда направился к побережью залива Таранто.

Затем П. А. Чихачев исследовал районы Александрии, Кастрореджио, Гриардано, Амендолары и район, расположенный между мысом Спулио и г. Рокка-Империале. Он также посетил множество отдельных гор, испещряющих этот район, который, «насколько мы знаем, — пишет П. А. Чихачев, — еще не посещался ни одним исследователем»⁶. Здесь им был составлен ряд

⁵ Ibid. P. 61—62.

⁶ Ibid. P. 96.

орографических и стратиграфических схем. Затем П. А. Чихачев исследует горный хребет Сан-Паоло, один из наиболее высоких хребтов в этой местности.

«Нижние районы горной цепи образованы из чрезвычайно плотного песчаника, зерна которого обладают различной окраской и придают породе облик гранита. Местами горы Сан-Паоло образуют плато, напоминающее величественные ландшафты Швейцарских Альп. Прекрасные леса из *Pinus abies* придают ландшафтам строгий характер наших северных районов. Множество прозрачных ручейков вырываются и бегут журча между вековыми стволами и крутыми скалами, склоны которых украшены густым покровом мха и лишайника. Среди зеленеющего ковра, который они образуют, поднимаются головки анемонов (*Anemone coronaria*), лютиков (*Ranunculus ficaria*), нарциссов, гиацинтов и жонкилей (*Narcissus tacetta junquilla*) и т. д. с их влажными стебельками, тогда как на снежном покрове ослепительной белизны (это было 25 мая) сидела маритима (*Silla maritima*) простирает свои нежные лепестки, голубая окраска которых так приятно выделяется среди всей этой белизны зимней картины...».

Затем П. А. Чихачев описывает величественный вид, открывающийся с высот горного хребта Сан-Паоло, откуда хорошо прослеживаются дорога, по которой ему пришлось следовать, и холмы, постепенно теряющиеся в безбрежных равнинах Таранто, Бари и др. «...Далее волны Адриатики сливаются с лазурью горизонта, и кажется, что стоишь со всеми этими вершинами и пиками как бы в самой середине океана»⁷.

В обширном районе, простирающемся на северо-восток и северо-запад от Рокка-Империале, П. А. Чихачев в течение июля 1840 г. изучал главным образом наносные породы, образованные здесь от «постепенного разрушения под влиянием текучих вод Апеннинской горной системы».

«Образование наносных земель происходит в большом масштабе вдоль всего этого побережья, чему, очевидно, особенно способствует множество маленьких речек и потоков, которые его пересекают. Летом они совершенно пересыхают, а в зимние месяцы изобилуют водой, несущей с собой в большом количестве разрушившиеся горные породы, непрерывно приносимые с высоких гор, откуда эти реки берут начало, которые они отлагают вдоль побережья»⁸.

Продвигаясь на северо-запад, П. А. Чихачев пересек горы Аспрелла, Серра-ди-Санто-Кроче, Миральда и целый ряд других. Он взшел на самую высокую вершину гор Миральда-Алти, покрытую почти круг-

⁷ Ibid. P. 98.

⁸ Ibid. P. 95—96.

лый год снегом. На склонах гор Серради, Серра-ди-Санто-Кроче, вблизи г. Латрониче, им были изучены залежи белого мрамора исключительной красоты, несколько напомнившие ему мрамор карьера Петелика в Греции, который до этого он посетил, возвращаясь из Палестины.

После Латрониче П. А. Чихачев исследовал горный район Капель-Саррацино, до него не подвергавшийся исследованию ни геологами, ни ботаниками. Таким образом, описание естественных богатств и природных условий района Капель-Саррацино впервые было сделано П. А. Чихачевым.

«С трудом можно представить себе,— пишет П. А. Чихачев,— более яркую картину опустошения и хаоса, чем то, что представляет собой этот район, где расположено небольшое местечко Капель-Саррацино. С какой бы стороны не подойти к этому месту, приходится то долго пробираться через пропасти и бешущие потоки, то карабкаться на хмурые скалы. Отдаленный таким образом от остальной части человечества и живущих почти в недоступном районе, бедный обитатель Капель-Саррацино, по-видимому, и не знает, что по ту сторону горных заслонов, блокирующих его со всех сторон, существуют люди, есть города. Довольствуясь тем, что в течение нескольких месяцев пользуется благами летнего солнца, он не жалуется на то, что большую часть года его окружают глубокие снега и льды»⁹.

В районе Капель-Саррацино П. А. Чихачев пополнил свой гербарий редкими видами растений, среди которых особенно следует отметить... несколько видов «эхиума (*Echium*), из которых один вид до сих пор неизвестен»¹⁰. Определив состав пород и составив ряд стратиграфических схем, П. А. Чихачев отправился на восток, к долине р. Агри, затем, пройдя Арканджетто, Турси, поднялся вверх по долине р. Саландреллы к г. Феррандина. Исследовав районы Мильонико, Матера и Монтеполоса, П. А. Чихачев достиг области мергелевых и известково-песчаных толщ провинции Базиликата. Спустившись на юг примерно по линии соприкосновения третичных осадочных слоев с мергелевыми и известково-песчаными, он оказался в районе Марсико Ветери, откуда направился к верховью р. Диано, по долине которой дошел до места слияния Диано с р. Негро, после чего повернул на восток и вновь оказался в провинции Базиликата. Пройдя населенные пункты Аулетта, Романьено, Пичерио, П. А. Чихачев

⁹ Ibid. P. 66.

¹⁰ Ibid. P. 67.

достиг главного города провинции — Потенцы. Из Базиликаты он направился к провинции Принчипата-Ультра. Здесь, на границе двух провинций, им был исследован вулканический конус Монте-Вультуре. «Почти в самый момент перехода из Базиликаты в столицу, — пишет он, — перед путешественником внезапно открывается величественный образ вулканического конуса. Это Монте-Вультуре. Сам Монте-Вультуре стоит на обширном горном плато третичной формации, которое служит ему основанием и верхние районы которого, покрытые вулканическим туфом, образуют истинный район вулкана... Вокруг вулкана простираются пласты вулканического туфа толщиной от 50 до 80 футов»¹¹.

П. А. Чихачев углубленно изучает этот вулканический конус, изолированный от других вулканических районов Италии. Он восходит как на вершину самого Монте-Вультуре, так и на вершины ряда сопредельных гор, определяет состав пород, составляет стратиграфические схемы, исследует группы пресноводных озер, расположенных в верхних областях района. По палеонтологическим остаткам, стратиграфическим особенностям и минералогическому составу пород П. А. Чихачев определил возраст вулкана и сопредельных с ним районов. Нанеся контур вулкана Монте-Вультуре на геологическую карту, П. А. Чихачев приступил к исследованию провинции Принчипата-Ультра. Из Мелдоны он направился к г. Клитри, затем на Сент-Анджело, Ариано, Бовино, Трия, Фоджиз и в район Монте-Гаргано.

«Эта местность, такая любопытная и совершенно неизвестная до сего дня, была исследована нами в декабре и январе прошлого года», — писал П. А. Чихачев в 1844 г.

Здесь им было установлено, что массив Монте-Гаргано, вдающийся полуостровом в Адриатическое море, представляет собой как бы изолированную от Апеннинской системы гор область, отделенную от последней третичными осадочными формациями.

Исследовав Монте-Гаргано в минералогическом и стратиграфическом отношении, П. А. Чихачев изучил также озера этого района. Особого внимания заслуживает написанная им история образования оз. Лесине,

¹¹ Ibid. P. 161—162.

расположенного в северо-западной части Монте-Гаргано.

В феврале и марте 1840 г. П. А. Чихачев пересек с востока на запад провинции Капитаната, Принчипата-Ультра и Терра-ди-Лаворо, пройдя через города Сан-Северо, Волтураро, Монтефуско, Авелано, Беневенто, Телесе, Пиедимонте, Аффиле, Германо, после чего спустился по долине р. Гарильяно к обширной вулканической зоне Неаполитанского района.

П. А. Чихачев в течение четырех месяцев изучал окрестности Неаполя, особенно район Рокка-Монфина, флегренские поля, вулкан Везувий, острова Искья, Капри и др.

Таким образом, четырехмесячным исследованием окрестностей Неаполя П. А. Чихачев закончил свою первую часть научного путешествия по южным провинциям Неаполитанского королевства, длившегося с февраля 1839 г. по август 1840 г.

В результате экспедиции, длившейся полтора года, была впервые составлена геологическая карта, охватывающая южные провинции Неаполитанского королевства: Калабрию-Ультра-прима, Калабрию-Ультра-секунда, Калабрию-Читра, Принчипата-Читра, Базиликату, Принчипата-Ультра и значительную часть провинций Капитаната, Терра-ди-Лавура и Терра-ди-Бари.

Пользуясь установившейся в то время таблицей геологических формаций¹², П. А. Чихачев «состав твердого грунта этой части Апеннин» подразделяет на следующие четыре вида.

- I. Первичные формации.
- II. Вторичные формации.
- III. Третичные формации.
- IV. Вулканические породы.

В то же время он считает, что такое деление не может удовлетворить современного геолога, и относит классификацию «вторичные породы» к «туманным названиям», а «третичные» к «не менее неясной» классификации. Поэтому при описании самих пород он дает более дробное возрастное деление «вторичной» и

¹² Речь идет о классификации геологических формаций А. Гумбольдта. По современной терминологии ее расшифровал акад. А. А. Борисяк. См.: комментарии к книге Ж. Кювье «Рассуждение о переворотах» (С. 323—324).

«третичной» формаций, выделяя в геологических периодах эпохи и яруса. Кроме того, П. А. Чихачев ввел совершенно новый для этого района термин «четвертичный период». Кроме того, он определил возраст вулканических толщ.

Большая заслуга П. А. Чихачева и в том, что он с удивительной точностью нанес на геологическую карту ареал древних, «первичных» пород и дал подробное описание залегания, минералогического состава пород, а также изготовил ряд характерных для данной формации стратиграфических схем.

П. А. Чихачевым было определено, что «первичные» породы, состоящие из гнейса, гранита, слюдяного кварца, хлористого и талькового сланца и т. д., образуют два, отдаленных друг от друга значительных массива. Первый массив образует самый южный район полуострова и состоит исключительно из слюдяного сланца и гнейса. Он простирается от Мессинского пролива до сужения, образованного заливами Санта-Эвфимия и Скуиллачским, расположенными один против другого.

Как гнейс, так и слюдяной сланец образуют асимметричные массы, пересекающие Калабрию-Ультраприма с северо-востока на юго-запад. Многочисленные остроконечные горные вершины поднимают со всех сторон свои голые, лишенные растительности пики и придают всему району дикий и часто очень живописный вид. Пласты весьма изогнуты, пробиты и разорваны трещинами. Горы не лишены металлоносных пород.

Второй массив «первичных» пород начинается к северу от перешейка, образованного заливами Санта-Эвфимия и Скуиллачским, и простирается до севера Четраро вдоль западного побережья, и до областей, расположенных на восточном берегу Калабрии-Ультра-секунда. Его породы более разнообразны и состоят из гнейса, гранита, сиенита, серпентина, хлорита, талькового сланца и др.

П. А. Чихачев установил, что в этой части Апеннинского полуострова больше районов с выходом древних, «первичных» пород нет.

Осадочные слои, отнесенные П. А. Чихачевым к породам «вторичной» формации, им делятся на две основные группы — юрскую и меловую.

Как в первой, так и во второй группе П. А. Чихачев дает еще более дробное возрастное деление пород. Так, например, в юрском периоде он выделяет верхний

ярус, как хронологически более молодой по сравнению с другими породами периода. Меловой период П. А. Чихачев делит на два яруса — нижнемеловой и верхнемеловой. Как известно, такое деление мелового периода (на верхний и нижний) сохранилось и до наших дней.

Рассматривая процесс образования Апеннинского полуострова не с библейских позиций, проповедуемых креационистами, а с материалистических позиций, П. А. Чихачев пытается представить форму полуострова в далеком прошлом.

«Рассматривая на карте отрезок, охватывающий вторичные формации в континентальных провинциях Неаполитанского королевства, поражаешься своеобразным очертаниям, которыми обладала эта часть полуострова в ту эпоху, когда он был образован только вторичными формациями.

В ту пору, о которой мы говорили, пространство, занимаемое в наши дни частью Калабрии-Ультра-секунда, простирающееся от Четраро до Тарантского залива, должно было равняться лишь ширине Мессинского пролива, т. е. примерно четверти той ширины, которую оно имеет в наши дни, и хотя массы вторичных формаций расширяют область по мере продвижения к северо-западу, однако они достигают ширины, занимаемой полуостровом в наши дни, только приблизительно в районе провинции Абруцци. До тех пор полуостров должен был обладать приблизительно одной третьей нынешнего размера, остальное (т. е. две трети королевства, а именно провинции Таранто, Бари, большая часть Базиликаты, Капитанаты, Принчипато и Терре-ди-Лаворо) обязано своим возникновением лишь осадочному слою разрушившихся горных пород, которые отдавали океану массу вторичных формаций, ибо волны его разбивались как раз у их подножия»¹³.

П. А. Чихачев отмечает, что третичные осадочные слои с поразительной точностью дают представление о древних берегах моря, где постепенно образовывалась данная формация. Так, например, «вдоль волнистой линии, очерчивающей северо-восточную границу, юрский известняк представляет собой контуры берегов той части океана, которую занимают в наши дни провинции, расположенные между заливом Таранто и горами

¹³ *Tchihatcheff P. Coup d'oeil sur la constitution... P. 33–34.*

Абруцци. В нескольких местах этого длинного ряда масс известняка следы действия волн проявляются так ясно, что кажется, будто стоишь на вершине одной из этих источенных волнами скал и чувствуешь медленное, но прогрессивное влияние волн, разбивающихся у их подножия.

Некоторые места этого древнего побережья подвергались более эффективному разрушительному влиянию волн, чем другие, так что в конце концов однообразная береговая линия была значительно нарушена. Обвалы, местные перемещения коры и т. д. могли способствовать вторжению моря, которое таким образом смогло проникнуть внутрь материка и образовать заливы и бассейны»¹⁴.

П. А. Чихачев особенно тщательно изучил размещение различных типов третичных отложений, так как они в отличие от мезозойских толщ изобилуют ископаемыми, позволившими ему, применяя палеонтологический метод, более точно определить их место в геологической летописи этой части полуострова.

Среди различных молодых осадочных слоев П. А. Чихачев выделил песчано-мергелистые пласты, относя их к четвертичному периоду. Так, например, «в кастильоне, недалеко от правого берега Крати,— пишет П. А. Чихачев,— песчаник, принадлежащий, несомненно, к более недавнему периоду, может быть четвертичным, как это подтверждают многочисленные ископаемые *Pecten Yacobeus*, которые в нем заключены...»¹⁵. «Живые экземпляры этого вида моллюсков встречаются в изобилии как в Неаполитанском заливе, так и во всем Средиземном море. Когда задумаешься над этим вопросом, то поражаешься чрезвычайно недавней эпохой песчано-мергелевых формаций. Кажется, видишь, как вот-вот поднимется из-под морского дна весь этот колеблющийся район, образованный исключительно из такого рода осадочных слоев»¹⁶.

Кроме осадочных пород, П. А. Чихачев изучил вулканические отложения района, разделив их на две группы. В одну из них им были отнесены лавы и трахиты любого возраста. Породы этой группы обладали свойством текучести. Ко второй группе он отнес различные туфы.

¹⁴ Ibid. P. 118—119.

¹⁵ Ibid. P. 130.

¹⁶ Ibid. P. 147.

П. А. Чихачев обратил внимание на то, что по характеру залегания туфы, несмотря на их «плутоническое происхождение», напоминают осадочные слои «нептунического свойства». Такой характер они приобрели под действием вод и других внешних сил.

«Среди многих явлений, чрезвычайно интересен для геолога неаполитанский туф. Весьма вероятно, что извержения ненамного предшествовали действию нептунических агентов, которым осадочные слои подобного рода обязаны своим образованием. Итак, в некоторых районах из этих последних, а именно в районах Поццуоли, Искьях, встречаются ископаемые, отдельные виды которых по свежести и сохранности почти без исключения относятся к особям, живущим в наши дни в морских водах, омывающих эти осадочные слои, содержащие их. Это, несомненно, одно из неоспоримых доказательств, свидетельствующих о фактах самых молодых, которые могли бы нам предоставить геологические летописи»¹⁷.

По характеру залегания туфов, наличию в них и в слоях, ими покрытых, ископаемой флоры и фауны, а также по свойствам лавовых пород, условию их залегания и другим признакам П. А. Чихачев воссоздает историю вулканизма в изучаемых районах, устанавливает хронологическую последовательность извержений вулканов Монте-Вольтуре, Рокка-Монфина, Везувия и Монте-Нуово.

Материалистический подход к явлениям природы и широко использованный им палеонтологический метод при определении возраста пород позволили П. А. Чихачеву опровергнуть сложившееся неправильное мнение о непрерывности и единстве в геологическом отношении Апеннинской горной цепи, тянущейся якобы вплоть до южной оконечности полуострова. Он первым определяет, что южная часть Апеннинского полуострова — район наиболее древних геологических образований.

«Итак, — пишет П. А. Чихачев, — Апеннинская горная цепь простирается лишь до западного побережья провинции Калабрии-Читра (примерно 29°24' с.ш.), а отнюдь не так, как обозначено на всех наших картах, т. е. вдоль полуострова до его южной оконечности, хотя географ и желал бы видеть здесь только отрог

¹⁷ Ibid. P. 13—14.

горной цепи, образованный из совершенно различных горных пород, как это имеет место со слюдяным сланцем и апеннинским известняком. Тем не менее признание существования непрерывной цепи, простирающейся до оконечности полуострова, совершенно ошибочно и произвольно с геологической точки зрения, как и с точки зрения топографической, ибо Апеннинская горная цепь, даже будь она продолжена за пределы той точки, где геолог признает ее окончание, резко прерывается перешейком Санта-Эвфимия, самые третичные холмы которого достигают всего 700—800 футов.

Но это не единственная ошибка, которую изучение данной местности вскрывает почти на каждом шагу в географических картах, предназначенных для изображения данных районов, столь же мало известных географу, как и геологу.

Если последнему в его трудах предстоит все создать, не имея почти никаких данных в ранее сделанных работах, на которые он мог бы опираться, то первому придется все переделать, настолько работы его предшественника изобилуют ошибками»¹⁸.

Закончив исследование южных провинций Неаполитанского королевства, длившееся полтора года, П. А. Чихачев направился к северной оконечности Апеннинской горной системы, где приступил к изучению районов Ниццы и Турина.

Окрестности Ниццы исследовались и до путешествия П. А. Чихачева многими учеными — геологами, ботаниками и т. п. Среди ученых-естествоиспытателей, изучавших в той или иной степени район Ниццы, следует отметить прежде всего знаменитого французского ученого Кювье, исследовавшего его в 1830 г.

Большую исследовательскую работу провели также геологи-палеонтологи Сисмонди, Риссо и многие другие. Хорошо изучив всю существующую литературу по району Ниццы, П. А. Чихачев все же решил вновь подвергнуть этот район исследованию на базе новейших достижений в области геологии и палеонтологии.

На протяжении десяти месяцев, начиная с августа 1840 г., П. А. Чихачев шаг за шагом изучает сравнительно небольшой район побережья Лигурийского моря

¹⁸ Ibid. P. 38—39.

от устья р. Вар до северо-восточных окрестностей Монако.

Как географ П. А. Чихачев не ограничивает свое исследование проблемами геологии и палеонтологии. Он также занимается изучением флоры, климата и пытается дать комплексное описание района.

Исследовав район Ниццы, П. А. Чихачев пришел к выводу, что в целом он сравнительно молод. В нем вовсе отсутствуют палеозойские и более древние породы (гранит, гнейс, слюдяной и кремнистый сланцы).

Район этот образован только мезозойскими и третичными толщами. Мезозойские отложения представлены юрскими и меловыми осадочными слоями.

Для известняка этого района П. А. Чихачевым отмечена характерная в той или иной степени доломитизированность. Во всех его работах, при определении возраста тех или иных осадочных пород им учитывается не только минералогический состав или стратиграфическое строение, но и палеонтологический фактор. Так, например, в юрских осадочных слоях между мысами Росси и Эстель он обнаружил ископаемые, характерные для зеленых песчаников. «Скалы известняка пронизаны во многих местах кольчатыми червями, совершенно идентичными с породой Аннелидов, которая встречается в зеленом песчанике». Это явление натолкнуло его на весьма смелую мысль о постепенном развитии природы, — мысль, идущую вразрез с господствовавшим в то время идеалистическим воззрением метафизиков-креационистов, последователей Ж. Кювье. В этом отношении особенно упорствовал французский палеонтолог-стратиграф Д'Орбиньи, с которым П. А. Чихачев неоднократно встречался во Франции и других странах Западной Европы.

Д'Орбиньи, как и другие креационисты, настаивал на том, что «никакие виды не могут переходить из одного яруса в другой, непосредственно за ним следующий».

П. А. Чихачев же, наоборот, доказывал несостоятельность теорий Кювье и Д'Орбиньи и приводил в работе примеры, свидетельствующие о возможности постепенных переходов ископаемых из одного яруса в другой. Так, например, исследуя ископаемых полуострова, он пришел к выводу, что присутствие в юрских известняках тех же ископаемых, которые встречаются в зеленом песчанике, свидетельствует о переходе окаме-

нелостей одной ф́ракции в другую. Факт перехода настолько убедительно подтвержден последними изысканиями, что *«нельзя больше придерживаться в наши дни,— пишет П. А. Чихачев,— теории резких разграничений, которую многие палеонтологи, пользующиеся заслуженной славой, считают возможным установить в качестве непреложного закона»*¹⁹ (подчеркнуто нами.— В. Ц.).

Интересно также отметить, что при описании ф́орм поверхности района П. А. Чихачев касается и их происхождения. В этом отношении он не является сторонником нептунистов или плутонистов. П. А. Чихачев считает, что на изменение ф́орм поверхности «действуют совместно и одновременно все силы, ибо целый ряд явлений не может быть объяснен отдельно взятым фактом».

Так, например, при описании склонов горы Монте-Кальво П. А. Чихачев подчеркивает, что они приняли современную ф́орму в результате «периодических подземных толчков. Множество ущелий и холмов, испещряющих склоны, образовано под действием бурных потоков, завершающих дело подземных толчков»²⁰.

Исследовав известняки — геологически более древние осадочные породы юрской ф́ормации, П. А. Чихачев дает подробную характеристику осадочным породам мелового периода, доказывая на многих примерах их относительную молодость. Кроме того, П. А. Чихачев, основываясь на стратиграфических особенностях, выделяет различные по возрасту меловые ф́ормации, т. е. делит меловой период на верхний и нижний ярусы.

«К счастью, это предположение полностью подтвердилось палеонтологическими свойствами; — обстоятельство, имеющее вдвойне важное значение, ибо прежде всего во всей Апеннинской горной цепи ископаемые чрезвычайно редки, и потом меловые отложения этого района, которые мы можем теперь отнести к зеленому песчанику, являются для нас до известной степени оправданием того, что мы отнесли к таковым отложения южной провинции Неаполитанского королевства, хотя и лишённые ископаемых, но в то же время в точности подобные ниццкой породе во всех других отношениях»²¹.

¹⁹ Ibid. P. 194.

²⁰ Ibid. P. 199.

²¹ Ibid. P. 208.

Наиболее мощные пласты меловых отложений П. А. Чихачевым зафиксированы в области р. Пальоне. Интересно отметить, что в этом районе осадочные породы почти нигде не залегают горизонтально, а в большинстве случаев их первоначальное состояние в последующем было значительно нарушено.

Третичные осадочные породы, состоящие из конгломерата глины и мергеля, залегают главным образом в устье р. Вар. Они также, по определению П. А. Чихачева, различны по своему составу и возрасту. Осадочные слои глины и мергеля более поздние по возрасту, чем слои конгломератов. В целом третичные слои этого района богаты ископаемыми остатками. Так, например при изучении долины р. Маньяне Петром Александровичем Чихачевым были обнаружены различные ископаемые.

П. А. Чихачев пишет, что долина Маньяне тянется параллельно долине р. Вар. Через нее переброшен мост, соединяющий шоссе, ведущее из Ниццы во Францию. На правом берегу реки поднимается мощный пласт голубоватой глины, которая разрабатывается для изготовления кирпича. Эта мощная масса отличается симметричным строением, лежит на конгломерате и содержит довольно большое количество ископаемых (очень часто только субископаемые). Эти породы очень однообразны, в них включены весьма ломкие ракушки. Особенно много среди них *Vuccinum*, *Arca nitida* Brog. Глинистые осадочные слои, содержащие данные ископаемые, богаты наземными раковинами, распространенными в этих местах, а именно *Cyclostoma elegans*, *Helix vermicularis*, *Volimus deccolotus*. Гладкая и совершенно свежая поверхность их ничем не уступает внешнему облику живых ракушек. Местами они встречаются в толще глины, смешиваясь там с особями действительно ископаемыми.

Распределение ископаемых остатков в районе Ниццы, как это установил П. А. Чихачев, далеко не равномерное. Одни пласты обладают ими в большом количестве и дали возможность собрать большую коллекцию, другие же оказались почти совершенно лишенными таковых.

П. А. Чихачев приводит свыше 200 различных видов ископаемых, собранных им лично в различных местностях распространения третичных осадочных слоев в районе Ниццы.

Интересно отметить, что поиски ископаемых П. А. Чихачевым велись не только на поверхности, но также при рытье глубоких колодцев, где осадочные третичные слои находятся под толстым покровом четвертичных отложений.

Кроме ископаемых третичных осадочных слоев, им приводится огромный список ископаемых мелового периода «вторичной» осадочной формации. Причем нахождение некоторых из видов, как, например, *Pectunculus anritus*, *Ammonites heterophyllus* было еще отмечено в меловых осадочных слоях.

«Мы не знаем, чтобы этот вид *Pectunculus* когда-либо встречался во вторичных формациях,— пишет П. А. Чихачев,— однако мы можем гарантировать достоверность этого факта, так как все ископаемые, которые мы здесь приводим, взяты не со слов других исследователей, а были собраны исключительно нами в местах их залеганий»²².

П. А. Чихачев сопоставляет условия залегания ископаемых меловой формации района Ниццы с районами Саксонии и Северной Германии. Кроме составленной П. А. Чихачевым геологической карты района Ниццы и стратиграфических схем, им приводится большой перечень растений, цветущих в зимний период. Им также обосновывается схема вертикальной зональности растительности района Ниццы.

Весьма важно отметить, что П. А. Чихачев уже в то время свою исследовательскую работу целиком и полностью строит на еще совершенно новом палеонтологическом методе, предложенном англичанином Г. Смитом и французом Ж. Кювье. П. А. Чихачев с исключительным вниманием изучает различные виды ископаемых остатков на юге Апеннинского полуострова и в районе г. Ниццы, как флоры, так и фауны, сопоставляет их с идентичными видами других районов и государств. На основании сопоставления окаменелостей он изучает историю земной коры исследуемых районов. «Палеонтология,— писал он,— есть краеугольный камень истории нашей земли». П. А. Чихачев занимается не только расчленением и сопоставлением различных видов ископаемых, но и пытается изучить условия образования пород. Он хочет понять, какова

²² Ibid. P. 204.

была действительность далекого прошлого, в условиях которой отложились те или иные осадки.

Палеонтологические коллекции П. А. Чихачева, собранные в Сицилии, в южных районах Неаполитанского королевства, в окрестностях Турина, в долине р. По, в районе Ниццы и других местностях, содержат не только раковины моллюсков, отпечатки рыб и т. п., они включают также остатки жвачных и млекопитающих животных. В зависимости от видов животных, обнаруженных в тех или иных слоях, он определяет возраст слоев, находит их место в хронологической таблице истории Земли.

«Осмотр остатков млекопитающих животных,— пишет П. А. Чихачев,— которые встречаются как в Сицилии, так и в бассейне Арно, По, Виченцы, Вероны, а также в Риме, на мысе Палинуро, и т. д., послужил нам лишним подтверждением мнения, высказанного знаменитым автором «Letaea» много раньше нас в его ученом труде о третичной формации Италии, а именно что они представляют между собой с палеонтологической точки зрения очень большую аналогию, из чего можно заключить, что костеносные осадочные слои полуострова относятся в большей или меньшей степени к одной и той же геологической эпохе, а именно к более поздней, чем гипсы Монмартра. На самом деле во всех костеносных осадочных слоях Италии главную роль всегда играют следующие: *Ursus speleus*, *Felis spelea*, *Felis antiqua*, *Elephas meridionalis*, *Hippopotamus major*, *Rhinocerus leptorbinus*, *Cervus giganteus*.

Разница заключается лишь в том, что в одних осадочных слоях преобладают плотоядные млекопитающие, а в других — жвачные животные, толстокожие, многокопытные и т. д.

Брекчия Ниццы, например, относится к последнему случаю. Кроме того, в ней нами было обнаружено несколько обломков зубов, могущих принадлежать *Bos griscus* или какому-нибудь близкому виду породы *Bos*»²³.

Что касается наблюдений П. А. Чихачева над остатками ископаемых растений, то и в этом отношении он использовал отпечатки листьев, стволы и т. п., чтобы определить возраст тех или иных пород или подкрепить свои выводы, сделанные на основании других показателей. П. А. Чихачев неоднократно дает описание некоторых ископаемых флоры, сопоставляет найденные виды с существующими или уже исчезнувшими видами растений. Так, например, исследуя район, расположенный северо-западнее Кастиерро, он вдруг обнаружил в горном хребте Пьяно-ди-Гравино в долине р. Роканелла (впадающей в Агри), остатки

²³ Ibid. P. 237.

уже не существующей флоры. В районе же Палермо П. А. Чихачев обнаружил остатки растений, напоминающие виды, произрастающие еще в настоящее время.

«Вдоль левого берега реки,— пишет П. А. Чихачев,— простирается горный хребет средней высоты Пьяно-ди-Гравино, который уже не сложен конгломератами, но состоит из довольно плотного известняка с множеством отпечатков листьев; у последних извилистые и зубчатые края, подобно листьям нашего дуба, хотя и сильно отличающиеся от него. Этот вид принадлежит если не к другому семейству двудольных, то по крайней мере к породе, подобной дубу (*Quercus*), отличной от дубов нашей зоны, либо совсем к другой породе чашконосных вообще.

Несколько веток и даже стволов, принадлежащих к ряду экзотических растений, как бы завязли в известковой массе, которая часто попадает в виде осадочных слоев, инфильтрировавшихся подобно тем, которые мы видим в арагоните Карлсбада (в настоящее время Карловы Вары.— *В. Ц.*). Порода Гравино гораздо более плотная, чем известняк, встреченный в окрестностях Палермо, где во вновь открытой каменоломне мы имели также случай наблюдать чрезвычайно большое количество отпечатков такого рода. Однако нам показалось, что они были более схожи с местной растительностью, чем отпечатки Роканеллы, и, следовательно, принадлежат к более недавнему периоду. Поэтому мы полагаем, что данные осадочные слои менее приближаются к слоям, которые мы осматривали в Сицилии, чем слои в Альтзаттеле (Саксония) вблизи г. Элленбоген, в одной из наиболее замечательной местности Германии в этом отношении. Там можно видеть среди множества отпечатков эндогенных растений несколько филлитов, очевидно двудольных, которые все более или менее чужды флоре страны нашего времени»²⁴.

Интересно отметить, что П. А. Чихачев изучал не только различные виды ископаемых животного и растительного мира, но и условия залегания тех или иных видов. Так, например, при изучении условий залегания органических ископаемых на полуострове Хоспис в районе Ниццы, в районе Болье и в других местах им была отмечена тенденция, проявляющаяся всеми этими ископаемыми, локализоваться или группироваться семействами.

«Мы не должны удивляться,— пишет П. А. Чихачев,— когда некоторые семейства или некоторые породы, распространенные на обширном пространстве, предпочитают сгруппироваться в какой-нибудь одной местности, уступая остальное место другим породам...

Так, район Болье (за малым исключением) имеет только нуммулиты и особенно двустворчатые раковины. Последние не везде перемешаны, но часто подразделяют общую область

²⁴ Ibid. P. 145—146.

на отдельные районы, ибо *Exoguga Haliotoidea*, например, занимают только скалы, расположенные на самом берегу моря, не допуская в свою непосредственную близость никаких других пород, в то время как грифеи сгруппировались отдельно на склонах западного берега залива Виллафранка и образуют, таким образом, сообщество, не допускающее никогда в свою среду никаких видов других пород. А между тем коса, состоящая исключительно из одних пород, отделена от косы, состоящей из других пород, и находится лишь на расстоянии каких-нибудь получаса ходьбы; так вид *Gyrphaea* сгруппировался на берегу Виллафранки, а вид *Exoguga* — на морском побережье Болье. Также все *Polythalamas* и *Brachyopodes* как будто уединились на Мон-Шове, Мон-Ревеле, Туретте и Тюрби, в то время как белемниты, наутилиды, аммониты и теребратулы объединились, так сказать, по праву в отдельные группы, отстоящие иногда друг от друга только в 5—6 минутах ходьбы»²⁵.

Таким образом, мы можем отметить, что еще в 1840 г. П. А. Чихачев обратил внимание и описал явление биоценоза, четко и глубоко обоснованное в 1852 г. русским ученым К. Рулье, хотя формально считается, что явление биоценоза впервые было изучено немецким гидробиологом К. Мебиусом в 1877 г.

Широкое применение палеонтологического метода позволило П. А. Чихачеву прийти к оригинальному заключению при определении возраста пород.

Так, например, изучая третичные отложения, П. А. Чихачев писал: «С точки зрения органических остатков третичные осадочные слои не отличаются той бедностью, в которой так справедливо можно упрекнуть вторичные апеннинские формации. Третичные осадочные слои, наоборот, отличаются особенно обильным содержанием и часто замечательным разнообразием видов ископаемых. Изучение органических остатков этих краев может, так сказать, представить двойную пользу, а именно: *обогатить палеонтологию известным количеством новых видов и, что еще важнее, установить в третичной формации несколько эпох, ибо даже то малое внимание, которое мы смогли уделить наблюдениям такого рода, оказалось достаточным, чтобы убедить нас в следующем. Мы поняли, что в этих обширных осадочных слоях, столь однообразных на первый взгляд, палеонтологические свойства далеко не везде одинаково выражены. Это привело нас к выводу, что у третичных формаций Неаполитанского королевства образование коры происходило, с геологической точки зрения, совершенно в разные эпохи (подчеркнуто нами.— В. Ц.)*

Так, мощные осадочные слои Реджо и его окрестностей, среди которых живописные районы Теретры и Назити так определенно отличаются своими органическими свойствами, конечно, не принадлежат к той же эпохе, к какой принадлежат осадочные слои Монтелеоне, тогда как последние со своей стороны могли бы быть отнесены еще к другому периоду,

²⁵ Ibid. P. 209.

чем осадочные слои долины Крати и обширной области Базиликаты, Бари и т. д. В связи с этим следует учесть, что бассейн Реджо изобилует видами более или менее чуждыми видам настоящего времени, а именно *Pecten flabelliformis*, *Perna maxillata* и многими другими видами пород, уже исчезнувших в наши дни и принадлежащих к *Terebratulata*, *Ostrea*, *Spondylus*, *Anomia* и др. Ископаемые бассейнов Крати, Беневенто и т. д. напоминают организмы, населяющие в наше время моря нашей планеты, а это не является препятствием тому, что наряду с осадочными слоями очень недавнего происхождения встречаются и другие, свидетельствующие о их принадлежности к более отдаленным эпохам. Это можно, например, наблюдать в третичной области Базиликаты. Там большая часть осадочных слоев принадлежит к первой из названных категорий, тогда как другая может быть включена во вторую. Так, в Кьярамонте (Калабрия-Читра) жители показали нам несколько скелетов ископаемых, говоря, что они были найдены случайно в окрестностях города.

Среди этих скелетов мы различили нижнюю челюсть *Mastodon bongirostris*. Наличие этого вида толстокожих до сих пор, насколько нам известно, еще не было установлено в верхнем ярусе третичной формации, тогда как он характерен для Майнского бассейна, принадлежащего, очевидно, к средней части профиля данной формации (миоцен г-на Лайеля). Одним словом, сравнительное изучение всех этих поколений ископаемых, распространенных на обширном пространстве третичных формаций Неаполитанского королевства, представляет, несомненно, очень большой интерес с точки зрения геологической, а быть может, даже и палеонтологической»²⁶.

При изучении «палеонтологически немых» толщ, куда относятся как древние осадочные толщи, главным образом докембрийского периода, так и более молодые, обусловленные местными особенностями, а также все вулканические породы, которые изначально не могут заключать в себе никаких остатков флоры или фауны, определение возраста их П. А. Чихачевым делалось путем сопоставления составов метаморфических и изверженных пород, условий их залегания в различных районах. Он изыскивал аналогичный минералогический состав, изучал подстилающие и покрывающие породы и т. д.

«Итак,— пишет П. А. Чихачев,— беря на себя смелость определить возраст всех этих осадочных слоев, основывая это определение главным образом на принципах аналогии, мы разделяем вторичные осадочные породы, встречающиеся в неаполитанских провинциях, на три следующие группы.

1. Группа зеленого песчаника (нижний ярус меловой формации — Кляйвель по Мр. Смит),

²⁶ Ibid. P. 120—122.

2. Группа Оксфорд-Клей — верхний ярус юрской формации.

3. Белый мел — верхний ярус меловой формации»²⁷.

Исключительный интерес представляют взгляды П. А. Чихачева на историю возникновения и развития рельефа.

В своем научном исследовании об Апеннинском полуострове и районе Ниццы П. А. Чихачев неоднократно приводит различные факторы, влияющие на изменение форм поверхности земли. Здесь весьма часто действующие подземные толчки, землетрясения, вулканы, эрозии, морская абразия, наносы, осадки, денудация и тому подобные причины.

Как видно из многочисленных примеров, приведенных им в работе, П. А. Чихачев, как мы уже отмечали, не является сторонником господствовавшей в геологии того времени идеалистической реакционной теории катастроф Ж. Кювье и Д'Орбини, рассматривавших историю земли как ряд следующих друг за другом катастроф (катаклизмов, переворотов), внезапно изменивших рельеф и характер земной поверхности и уничтоживших весь животный и растительный мир.

«Теория Кювье о претерпеваемых Землей революциях,— писал Ф. Энгельс в «Диалектике природы»,— была революционна на словах и реакционна на деле. На место одного акта божественного творения она ставила целый ряд повторных актов творения и делала из чуда существенный рычаг природы. Лишь Лайель внес здравый смысл в геологию, заменив внезапные, вызванные капризом творца, революции постепенным действием медленного преобразования Земли»²⁸.

Идея постепенного, медленного преобразования рельефа под влиянием беспрерывно действующих внешних сил природы (разрушение горных пород и постепенное скопление продуктов разрушения при помощи рек, ветра и т. п.), а также внутренних сил в значительной степени сближает П. А. Чихачева с английским ученым Ч. Лайелем, который в противовес метафизическим утверждениям катастрофистов о том, что современные материки возникли в результате последней катастрофы, имевшей место в конце третич-

²⁷ Ibid. P. 78.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 352.

ной эпохи, выдвинул идею о постепенном изменении строения земной коры под влиянием «слабых» геологических агентов, действующих в течение многих миллионов лет.

П. А. Чихачев в связи с изучением Калабрии-Ультра-прима коснулся ряда очень важных вопросов теоретического естествознания, среди которых заслуживает особого внимания то, что он выступил на стороне теории Ч. Лайеля.

«Эти замечательные районы,— писал П. А. Чихачев,— уже намного обогатившие кругозор геолога, преподав ему несколько поучительных уроков, которые он тщетно искал в других местах, дают ему на этот раз случай убедиться в том, что есть правильного и глубокого в теории, предложенной недавно Лайелем относительно постоянства идентичности причин древних и современных изменений нашего земного шара»²⁹ (подчеркнуто нами.— В. Ц.).

Это высказывание П. А. Чихачева не оставляет никакого сомнения в том, что он понимал несостоятельность, обреченность учения креационистов и смело высказывал замечательные для того времени мысли, позволяющие отнести его к числу передовых географов-материалистов.

Конечно, как Ч. Лайель, так и П. Чихачев далеки были от мысли о поступательном, неповторяющемся развитии Земли. П. Чихачев в основном стоял на принципах лайелевского актуализма, согласно которому на земной поверхности и в земной коре всегда действовали лишь те процессы, которые мы можем наблюдать в современную эпоху, и с той же энергией. Правда, выступая на стороне Ч. Лайеля, П. А. Чихачев в то же время по некоторым вопросам имел свою точку зрения. В отличие от Ч. Лайеля П. А. Чихачев неоднократно подчеркивает взаимодействие сил, постепенно изменяющих открытые материи и дно морей, с силами, действующими более активно, хотя и не столь постоянно, как тектоника и вулканизм. Причем следует отметить, что при характеристике проявления более активных сил П. А. Чихачев иной раз пользуется термином «катастрофа», вкладывая в него совершенно иное понятие, чем то, которое вкладывалось метафизиками-креационистами. Катастрофисты считали, что земля

²⁹ *Tchihatcheff P. Coup d'oeil sur la constitution... P. 159—160.*

периодически подвергалась великим катастрофам, которых Д'Орбиньи насчитывал 27, причем последней из этих 27 катастроф был, по его мнению, библейский потоп. П. А. Чихачев же под «катастрофами» понимает активное проявление сил природы, в результате которых происходят значительные изменения облика данной местности. Катастрофы, по П. А. Чихачеву, могут происходить на глазах у человека. Их можно наблюдать, о них можно прочесть в исторической литературе, они сохранились в памяти дедов и отцов. Как пример влияния на изменение форм и облика Земли медленно действующих агентов, а также более активных сил «катастроф» приведем описанный П. А. Чихачевым район Гаргано.

«Здесь было бы вполне уместным упомянуть,— пишет П. А. Чихачев,— о другом геологическом факте, еще более современном и ярко выраженном, об обширной системе наносной земли, которая распространена по всей Италии очень широко, особенно же в южных районах. Таким образом, например, оз. Лезина должно было, собственно, представлять собой лишь залив моря, и это могло быть даже сравнительно в очень недавнюю эпоху, ибо оно отделено от моря лишь небольшой плотиной из наносного песка. С этим озером связано интересное наблюдение. Вода его совершенно не сохранила вкуса морской воды. Это пресноводное озеро содержит несколько видов пресноводных моллюсков. Как мы уже говорили, оно отделено от моря лишь длинной узкой косой, которую морские волны заливают иногда почти до половины ее ширины. При особо сильном волнении бушующие волны могут даже перекидываться через нее, смешиваясь таким образом с пресной водой и увлекая за собой морских моллюсков. Явление Парижского бассейна, вызвавшее в то время такие оживленные споры, могло бы быть воспроизведено силами отнюдь не более значительными, чем те, которые действуют на наших глазах. Поднятие моря в размерах, которые позволили воде перелиться через плотину оз. Лезина или даже совершенно разрушить ее, входит в категорию катастроф, не раз происходивших на глазах рода человеческого, и даже перешейки или естественно образовавшиеся плотины гораздо более значительных размеров совершенно сносились в историческую эпоху. Об этом нам рассказывают предания и летописи событий, происходивших в новейшее время, как можно судить по прекрасному труду Гофа о переворотах, происходивших на нашем земном шаре, составленному на основании преданий и исторических памятников»³⁰.

Далее касаясь причин, вызвавших разрушение некогда цельного массива пород «первичной» формации районов Козенцы, Виченцы и др., П. А. Чихачев пишет:

³⁰ Ibid. P. 14—15.

«Деградация наблюдается здесь в столь огромных масштабах, что ее нельзя объяснить только действием атмосферных факторов. Все указывает на влияние также землетрясений, которые колебательными движениями, переданными почве, вызвали ее сильную деформацию. Можно допустить, что еще до поднятия над поверхностью моря первичные формации долго подвергались влиянию последнего, что длительное пребывание в глубине озера вызвало в значительной мере чрезвычайное размельчение кристаллических масс и что затем, появившись на поверхности в таком состоянии, атмосферные факты продолжали уже начатое дело. Можно даже подумать, что плутонические факторы, которым гранитные породы обязаны своим существованием, как бы дожидались совместного действия с неплутоническими факторами»³¹.

Таким образом, взгляды П. А. Чихачева на непрерывное изменение природы согласно ее естественным законам свидетельствуют о материалистическом понимании им истории Земли.

В этом отношении П. А. Чихачев показал себя как последователь материалистических тенденций, ведущих свое начало от великого М. В. Ломоносова, давшего впервые в истории геологии правильное научное понятие о природе и происхождении горных пород, о развитии земной коры в результате взаимодействия быстро протекающих процессов (вулканизм, тектоника) с силами, постепенно изменяющими поверхность Земли (выветривание и др.).

Интересно отметить, что изучение П. А. Чихачевым Италии, так же как и изучение им в дальнейшем Франции, Алтая, Малой Азии, Испании, Алжира, Туниса, Индии, Китая и других стран, проводится не только с естественнонаучных позиций. Во всех работах П. А. Чихачева, начиная с экспедиций по Италии, наряду с вопросами историко-географического характера рассматриваются вопросы развития национальной культуры, различных отраслей экономики и т. д.

Весьма существенное место в его исследованиях занимает проблема национального освобождения угнетенных народов не только колониальных стран Востока, но и отдельных народов Европы. Так, например, изучая Италию, он очень остро и справедливо подметил, что итальянский народ на протяжении многих веков испытывал гнет и насилие чужеземных захватчиков (остготы и арабы, франки и др.).

³¹ Ibid. P. 31—32.

Как известно, в начале XIX в. в результате наполеоновских походов феодально раздробленная Италия оказалась под властью Франции. После поражения Наполеона решением Венского конгресса 1815 г. ливинная доля Италии вновь перешла к Австрии.

Промышленный переворот в Англии, победоносная революция во Франции, развитие капитализма в раздробленных итальянских провинциях — все это пробудило у итальянского народа стремление к объединению всей страны, к освобождению от феодального и чужеземного гнета.

Италия становилась все больше и больше на путь капиталистического развития. 30-е и 40-е годы были годами значительных успехов в ее промышленном развитии. Строятся новые текстильные фабрики в Ломбардии, оборудуются машинами серная, солевая, маслобойная и другие отрасли промышленности. Начинается строительство железных дорог (Неаполь—Портичи, 1839 г., Милан—Венеция, 1840 г.; Ливорно—Пиза, 1843 г.).

Однако национальная буржуазия испытывала огромные трудности. Абсолютистский строй, наличие таможенных рогаток между разрозненными мелкими итальянскими государствами, находившимися главным образом под австрийским гнетом, оказывали существенное сопротивление свободному развитию капитализма. Развитие итальянской промышленности тормозилось господствовавшими в деревне феодальными отношениями. Росло общественно-политическое движение, ставившее во главу угла борьбу за освобождение Италии. В стране более остро встал вопрос о создании республики.

В различных частях страны все чаще и чаще вспыхивали революционные восстания. Приближалась революция 1848—1849 гг. После кровавой расправы с помощью австрийских войск с революционным движением в Италии начался мрачный период реакции и полицейской расправы. Опорой реакции были земельная аристократия и духовенство. Не только революционно настроенные трудящиеся массы, но и прогрессивные ученые подвергались преследованиям правительства и католической церкви. Папы — хранители феодально-католических традиций фактически осуществляли духовную диктатуру в стране. Особенно преследовались ученые — сторонники точного естествознания, основа-

ного на материалистическом изучении законов природы.

Прежде чем наметить маршрут экспедиции, П. А. Чихачев изучил работы геологов, исследовавших Апеннинский полуостров. Среди работ выдающихся геологов XIX в., путешествующих по этой стране, П. А. Чихачев особо отметил работы почетного академика Российской Академии наук В. Г. Абиха, исследовавшего в 1833—1834 гг. вулканы Италии — Этну, Стромболи, Везувий и Вультуре, работы К. Буха, А. Гумбольдта, Эли де Бомона и др.

С особым вниманием П. А. Чихачев изучил работы итальянских географов и геологов. Он выразил удивление тому, что многие итальянские ученые-геологи, несмотря на свои великолепные знания, не имеют возможности практически заниматься исследовательской работой, так как итальянский народ и итальянские ученые находятся под гнетом иностранных захватчиков и испытывают не только безразличное, но и пренебрежительное отношение своего аристократического правительства.

«Как это ни странно,— писал П. А. Чихачев,— но на родине Вергилия и Цицерона, Галилея и Леонардо да Винчи, Чезальпино и Рафаэля, Микеланджело и Корреджо и многих других корифеев науки и искусства в наши дни неаполитанец может найти в трудах многочисленных авторов сведения относительно геологического строения районов Африки и многих стран Азии и Америки, тогда как данные относительно геологического строения его родины, райсов, находящихся вблизи их очагов, или совершенно отсутствуют, или весьма туманны»³².

П. А. Чихачев писал: среди многих итальянских геологов «мы не можем не упомянуть выдающихся ученых, работающих в этой области,— Леопольдо Пилла и Арканджелло Сакки. Мы всегда счастливы поддержать с ними дружеские отношения и должны подтвердить, что их труд должен послужить примером для неаполитанской молодежи. К сожалению, аристократический класс этой страны еще не достиг той интеллектуальной зрелости, которая одна делает человека способным воспринять научное соревнование... Обескураживающе равнодушное отношение правительства

³² Ibid, P. 80.

к местным геологам не способствует изучению этой прекрасной страны... Пройдет много времени, прежде чем итальянские геологи, оттиснутые на задний план, соберутся с силами и в борьбе с гнетущей их нуждой и несправедливостью смогут заняться изучением своей страны»³³.

В то же время П. А. Чихачев отмечает теплоту и уважение, с которым встречали итальянцы приехавшего издалека русского ученого.

«Их отношение к нам,— пишет П. А. Чихачев,— доказывало, что в нас они видели не столько персону, почитаемую благожелательством министерства, сколько ученого — исследователя природы. Эти просвещенные люди, преисполненные горячим чувством патриотизма, с удовольствием встречали иностранца, приехавшего издалека, чтобы изучать страну»³⁴.

П. А. Чихачев великолепно понимал то угнетенное состояние, в котором находился итальянский народ, испытывавший многовековой гнет чужеземных австрийских и французских поработителей.

Обращаясь к итальянским патриотам, ведущим борьбу за свое освобождение, П. А. Чихачев писал:

«Мы будем бесконечно счастливы, если эти строчки, написанные одним из пламенных последователей дела освобождения Италии, могли бы доказать друзьям, которых мы льстим себя надеждой иметь в Калабрии, всю искренность чувств, преисполняющих нас, когда мы покидали эти живописные страны»³⁵.

Совершенно очевидно, что научная экспедиция 1839—1841 гг. и первые печатные труды П. А. Чихачева, изданные в 1841 и 1842 гг., представляют огромный интерес для геологов, палеонтологов, ботаников, историков и философов.

С чувством гордости за нашего соотечественника мы можем отметить следующее:

I. Приоритет определения с геологической позиции южных границ Апеннинского хребта принадлежит русскому географу П. А. Чихачеву. Он впервые доказал, что Калабрийские Апеннины, состоящие из древних кристаллических сланцев и гранитов, чужды геологически Апеннинскому хребту, представленному молодыми глинисто-песчаниковыми и мергелевыми породами.

³³ Ibid. P. 79—80.

³⁴ Ibid. P. 180.

³⁵ Ibid.

II. П. А. Чихачевым была составлена первая геологическая карта части Апеннинского полуострова, охватывающей все южные провинции Неаполитанского королевства.

III. Пользуясь главным образом палеонтологическим методом для познания генезиса осадков, П. А. Чихачев впервые обосновал необходимость дробного, возрастного расчленения пород Апеннин и выделения эпох и ярусов внутри мезозойских и третичных формаций изучаемых им районов.

IV. П. А. Чихачев сделал попытку воссоздания дневного рельефа южных районов Апеннинского полуострова. Он пытался проследить историю развития различных осадочных и вулканических пород, слагающих эти районы, и выяснить их пространственные и временные соотношения друг с другом.

V. П. А. Чихачев впервые в истории обратил внимание и описал явление биоценоза, и притом в прежних геологических эпохах.

VI. П. А. Чихачев является одним из первых русских географов, исследовавших страны Западной Европы (Италию, Францию) с орографической, геологической, палеонтологической и ботанической точек зрения. Он также занимался социальными вопросами жизни итальянского народа (бедственное влияние монополий на широкие слои народа; освободительная борьба итальянского народа против чужеземных захватчиков и т. д.).

П. А. Чихачев проявил себя последователем великого М. В. Ломоносова — основоположника материалистической философии в России.

По горным массивам Алтая и долинам великих русских рек

Путешествие на Алтай стало одной из важнейших заслуг Петра Александровича Чихачева перед отечеством.

П. А. Чихачев одним из первых достоверно и всесторонне описал богатейший край России — Алтай. В 1842 г. он достиг истоков рек Абакана, Чуи и Чулышмана. Одновременно он исследовал и Саянские горы, о которых не только в Западной Европе, но и в России ходили самые фантастические рассказы. Путешествуя по Южному Алтаю, П. А. Чихачев проникал

В горах Алтая

в районы, о которых еще практически не было сведений. В Северном Алтае он обнаружил богатейшие в мире каменноугольные залежи, которым дал название «Кузнецкий каменноугольный бассейн».

Изданный в результате экспедиции солидный труд, великолепно иллюстрированный выдающимся русским художником Мейером, лично принимавшим участие в экспедиции, а также великим русским художником И. К. Айвазовским, представляет собой важнейший памятник русской и мировой географической литературы, посвященной Алтаю XIX в.

17 января 1842 г. Главноуправляющим Корпусом горных инженеров была направлена просьба императору Николаю I о посылке Петра Александровича Чихачева в научную экспедицию по Алтаю и приведено обоснование ее организации. В документе было написано, что Алтайский горный округ занимает обширные пространства южной части Томской губернии, исследован только в тех местах, которые близки к разрабатываемым рудникам, юго-восточная же часть

сего округа по отдаленности своей от горных залежей, по безлюдности края и по малодоступности местностей остается почти вовсе неизвестной не только в геогностическом, но даже в географическом отношении. Весьма немногие ученые посещали эту страну, а из числа их сообщил полезные сведения один только горный инженер подполковник Г. П. Гельмерсен, исследовавший, однако, преимущественно лишь оз. Телецкое и места, лежащие от него к юго-западу.

«Главноуправляющий Корпусом горных инженеров, признавая полезным приступить к подробным горным поискам в означенной части Алтайского края, предварительно обследовать оный как в геогностическом и орографическом, так и вообще в ученом отношении, полагал бы назначить для этой цели вновь зачисленного для особых поручений при Министерстве финансов надворного советника, камер-юнкера П. А. Чихачева, путешествовавшего уже перед сим в многих странах и о способностях и знаниях коего свидетельствуют с особой пользой несколько европейских ученых, а особенно барон А. Гумбольдт.

Для предварительного обследования в геогностическом и вообще ученом отношении юго-восточной части Алтайского края, доселе почти безвестного, командировать ныне же надворного советника Чихачева, коему и поручить: по получении надлежащих сведений и пособий в Барнауле отправиться через город Бийск к Телецкому озеру, откуда начать свой осмотр сперва на восток, через Горбу и Телецкие белки к вершинам Абакана, а потом на юг, через Саянские горы к верховьям рек Чулышмана и Чуи.

Затем, обратясь к северу, обследовать долину первой из сих рек до Телецкого озера, а второй до г. Бийска, изучая при том геогностические разрезы, образуемые главными долинами значительнейших протоков их.

Во время ученого обозрения сего поручить Чихачеву обратить должное внимание не только на орографическое и физическое положение тех стран и на минеральные их произведения, но и на произведения животного и растительного царства, в них встречаемые, сколько возможно дозволит собирать образцы.

Пособия, нужные для успешного выполнения сего поручения, преподать Чихачеву со стороны Горного и Гражданского начальства, а на расходы, могущие по сему потребоваться, предоставить Главноуправляющему Корпусом употребить по ближайшему усмотрению своему от 3 до 4 тыс. рублей серебром из Государственного Казначейства»¹.

Получив распоряжение Николая I об исполнении, штаб корпуса горных инженеров направил камер-юнкеру П. А. Чихачеву «Приказ по совершению научной экспедиции», в котором после изложенного обоснования

¹ ЦГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 748. Л. 1.

необходимости исследования Алтая дается подробное указание о маршруте, составе экспедиции и по целому ряду хозяйственных вопросов, в том числе и по денежным расходам.

П. А. Чихачев с большим воодушевлением и благодарностью принял долгожданное приказание и в своем донесении в штаб горных инженеров на имя генерала Канкринна писал: «Я готов как можно скорее стать под Ваши знамена и приступить к выполнению столь почетного поручения»².

* * *

Путешествие на Алтай, описанное П. А. Чихачевым и изданное в Париже в 1845 г. на французском языке, по своему характеру состоит из двух частей. Первая часть включает исторические вопросы со всеми соображениями, которые могли быть вызваны изучением физико-географических условий, этнографии, административного деления и т. д. тех мест, по которым П. А. Чихачев проезжал.

Вторая часть представляет собой не только краткое изложение сделанных им геологических исследований и выводов, но и содержит данные, необходимые для геологической характеристики всего Алтая»³.

Путь по европейской части России от Петербурга (Ленинграда) до Екатеринбурга (Свердловска) через Москву, Нижний Новгород (Горький), Казань, Пермь П. А. Чихачев проехал на санях меньше чем за месяц.

«Удостоенный... высокой чести произвести интересное научное обследование районов Восточного Алтая, я хотел как можно скорее попасть на место моей командировки, чтобы застать там весеннее пробуждение природы и не пропустить ни минуты кратковременной весны этого северного края. Поэтому я поспешил использовать последние дни санного пути и выехал из Петербурга 1 (12) марта 1842 г.»⁴

От Петербурга до Нижнего Новгорода путь шел по сравнительно однообразной местности, почти лишенной

² Там же.

³ Так как нам удалось в 1974 г. издать, хотя и в сокращенном виде, перевод первой части этого путешествия, то мы приведем лишь отдельные высказывания П. А. Чихачева.

⁴ Здесь и далее цитируется по: *Tchihatcheff P. Voyage scientifique dans L'Altai Oriental et les parties adjacentes de la frontiere de Chine. Paris, 1845.*

лесных массивов, если не считать знаменитого Муромского леса у г. Владимира, недалеко от Нижнего Новгорода. П. А. Чихачев спустился к руслу Волги, по берегам которой в зимнее время размещался ряд почтовых станций. «Дивная река,— писал П. А. Чихачев,— превратилась в великолепное шоссе и представляет собой в это время года удивительное зрелище, одновременно оригинальное и живописное, несмотря на однообразие и ослепительный блеск громадного пространства, раскинувшегося серебристой скатертью, прямые очертания которой ограничивают горизонт со всех сторон» (р. 2). Около 300 километров экипаж проехал по полированному зеркалу ледяной поверхности Волги. П. А. Чихачев образно описывает зимние картины великой русской реки.

Кроме картин природы, П. А. Чихачев описывает народности, проживающие по берегам Волги, рисует их внешний облик, обычаи, быт, религию и культуру. Много внимания, в частности, он уделяет характеристике казанских татар, дает общий вид Казани и приводит зарисовки наиболее типичных зданий этого города. Проезжая по Вятской губернии, П. А. Чихачев описал быт, культуру и язык черемисов, чувашей, вотяков и мордвы. В районе Перми он обратил особое внимание на небольшой городок Кунгур, в котором обнаружил великолепную архитектуру некоторых зданий. Как по Волге, так и здесь, в предгорьях Урала, в Пермской губернии, П. А. Чихачев отмечает особое оживление в перевозке грузов в зимний период, несмотря на трудности санного пути.

«Дорога, пересекающая ущелье, должна быть прекрасной летом, но в то время года, когда мы по ней проезжали,— пишет П. А. Чихачев,— она была вся в ухабах; впрочем, это неприятность, которая обычно встречается в России на больших почтовых дорогах в течение последних двух месяцев санного пути (март, апрель). Все перевозки товаров и тяжелых грузов производятся здесь зимой. Бесчисленное множество обозов, состоящих часто из вереницы из 200—300 саней, бороздят и беспрестанно взрывают снежную поверхность в различных направлениях. В результате этого на дорогах образуются множество бугров, рытвин и оползней, подчас прямо чудовищных размеров. Путник в санях то ныряет в бездну, то взлетает вверх со всей силой килевой качки, которую испытывает корабль в бурном море» (р. 6—7).

Следующий отрезок маршрута проходил по Тобольской, Омской и Томской губерниям, через населенные пункты Тугулинск, Тиршкин, Барнаул, Бийск, Икон-

никово, Красноярск (деревня), Сетовка, Нижняя и Верхняя Каменка.

Большой интерес представляют материалы, приводимые П. А. Чихачевым, о переселенцах, проживающих в громадных просторах Азиатской России, начиная с Тобольской губернии. В период своего пребывания в Западной Сибири он имел возможность близко знакомиться с бытом этих людей. П. А. Чихачев приводит общее количество переселенцев по всей Сибири и по отдельным губерниям, показывает динамику их роста, что объясняется событиями, переживаемыми в столицах России.

«Живя здесь, в глухой Сибири,— пишет он,— можно по каторжникам и переселенцам ощущать пульс всех событий запада России». Наряду с социально-политическими вопросами он рисует картины этих мест, описывает смену преобладающих видов растений, разнообразие пейзажей и т. д. «С момента нашего въезда в Тобольскую губернию,— пишет П. А. Чихачев,— постепенно стали исчезать хвойные деревья. Их заменяют леса из огромных белых берез, серебристые ветви которых, гнувшиеся под тяжелым снежным покровом, служат приютом для бесчисленного количества куропадок и тетеревов. Множество этих птиц, усевшихся с невозмутимым спокойствием в своих воздушных жилищах, выбранных без особого разбора в глубине леса или на деревьях по бокам дороги, отнюдь не смущались звоном колокольчика проезжего путешественника и смотрели на него равнодушно, без страха. Целые стаи горных тетеревов с оперением таким же белым, как снег, которого они едва касались своими легкими лапками, весело и долго подпрыгивали у самых наших саней, прежде чем устремиться ввысь... Чем более мы продвигались к р. Чумыш, тем разнообразнее становился облик сибирской степи. Характер поверхности совсем не похож на равнины южных степей Европейской России. Тут повсюду чередуются возвышенности с низинами, и те и другие довольно резко выражены, обычно лишены древовидной растительности, но зато местами украшены густыми зарослями кустарников или небольшими рощицами из берез и хвойных деревьев» (р. 10—11).

В Барнауле П. А. Чихачев в течение трех недель изучал геологическое строение местности и с особой тщательностью производил метеорологические наблюдения и барометрические измерения. 5—17 мая 1842 г. экспедиция достигла Бийска.

В Бийске П. А. Чихачев, кроме геологических наблюдений, занимался изучением растительного покрова этих мест. Достигнув Верхней Каменки, экспедиция была вынуждена переменить транспорт и вместо санных и колесных экипажей использовать верховых лошадей.

«Мне прямо не терпелось достигнуть этого пункта, так как только отсюда начиналось для меня настоящее алтайское странствование.

Пока я скал в экипаже по почтовому тракту, пусть и мало наезженному, я еще не мог ощущать, что попираю девственную природу и нахожусь в пределах Азии... Впрочем, страны Востока, где я путешествовал, представляли слишком мало аналогии с теми, куда я собирался вступить» (р. 18).

П. А. Чихачев отмечает, что путешествие по неведомым районам требовало все большей осторожности. Никто не мог поделиться с ним опытом, ибо маршруты исследователей, побывавших в районах Алтая, кончались там, где начинался его путь.

С Верхней Каменки караван в составе 52 лошадей направился к переправе через Катунь в районе Большого Улегома, следуя через деревни Алтайская, Черга, Саразы. На своем пути П. А. Чихачев тщательно изучает различные горные породы местности, среди которых преобладали то слюдяной, то глинистый сланец. Он делает химический анализ, исследует магнитные свойства и т. д. П. А. Чихачев подробно описывает сиенитовые породы, особенно крупными массами встречающиеся вдоль потока Курута. В районе Большого Улегома ему удалось определить относительный возраст местных пород, в особенности сиенита и серой вакки. Порой эти породы настолько перемежались, что весьма трудно было установить их место в хронологической таблице.

П. А. Чихачев составляет стратиграфические схемы и делает зарисовки расположения пород, особенно в местах их контакта.

Кроме геологического строения, П. А. Чихачев внимательно изучает растительный покров, собирает и описывает наиболее редкие и характерные для данной местности виды растений. Большой интерес представляют записи П. А. Чихачева, касающиеся вопросов быта, культуры, обычаев местного населения.

П. А. Чихачев подробно описывает пищу, употребляемую местными жителями (принимая их за киргизов), и способы ее приготовления. Особое внимание обращает он на очень распространенное употребление чая с добавлением соли и жира. Отмечает весьма примитивные познания в приготовлении пищи и устанавливает, что аборигенам совершенно неведомы европейские блюда, а также кофе, столь широко распространенный в странах Южного Востока.

П. А. Чихачев приводит интересные данные о распространении «чаепития» в Восточной и Центральной Азии. При этом им подмечено, что народы, находящиеся друг от друга на расстоянии тысячи километров, применяют один и тот же способ приготовления чая с солью и жиром.

Большой интерес представляют собранные им материалы по вопросам административного устройства и взаимоотношений местных жителей с русскими и другими народами. Он изучает не только местных жителей, но и русских, осевших в этих краях или приезжающих сюда для торговых операций.

П. А. Чихачевым была подмечена очень важная и интересная черта русского народа, о которой он неоднократно упоминает в своих трудах,— это исключительная способность русских к овладению иностранными языками, а особенно языками народов Востока. Так, например, П. А. Чихачев пишет, что в районе Большого Ильгумена «на западном берегу озера, вдоль которого лежал наш путь, мы натолкнулись на несколько палаток, они были раскинута русскими купцами из Томска, устроившимися здесь уже в течение нескольких месяцев с целью приобретения скота для города Томска. Близость рудных разработок являлась для них очень выгодным рынком сбыта мяса... Все эти люди говорили по-калмыцки так же свободно, как и сами местные жители, и мы могли лишней раз подтвердить ту замечательную легкость, с которой славянские народы воспринимают и осваивают нравы и язык восточных народов, легкость эту я впоследствии не раз обнаруживал и бывал ею поражен» (р. 27).

Вскоре экспедиция достигла Катуня — красивейшей реки Алтая. Ее пересекает единственный путь, ведущий из Бийска на р. Чую. П. А. Чихачев подробно описывает сложную переправу столь огромного каравана, насчитывавшего более 50 лошадей, многие из них загружены до отказа. Эти полудикие лошади «с блуждающими глазами, с раздутыми ноздрями, с поднявшейся дыбом гривой шарахаются от бурных волн».

Ближайшей задачей экспедиции после переправы через Катунь было выйти к устью Чуи, а затем по Чуйской долине добраться до ее истоков. В течение двух недель, начиная с 21 мая, караван с трудом прошел этот путь. Путешествие по низовьям Чуи представляло большую опасность, так как дороги здесь отсутствовали, а горы местами «теснили» реку настолько, что в самой долине проезд был невозможен. Тогда приходилось с большим риском подниматься по горным склонам.

Художник Мейер зарисовал один из эпизодов, происшедший на этом пути.

«Впрочем, в таких случаях не знаешь, чем восхищаться,— пишет П. А. Чихачев,— невозмутимым ли спокойствием людей или действительно необыкновенной ловкостью их лошадей, которые, подобно сернам, карабкаются, скользят и цепляются, не теряя спокойствия и никогда не колеблясь, в то время как стоит лишь оступиться им и их всаднику грозит неминуемая гибель».

2 (14) июня П. А. Чихачев пересек горную цепь Сейлюген, некоторые из ее вершин были покрыты «вечным» снегом. Продвигаясь по массиву в направлении потока, 4 (16) июня экспедиция достигла истоков Чуи: «...поток Буйлогом превратился в тонкую струйку воды, просачивающуюся сквозь болота и снега, окаймляющие северо-западный край Бурултайга, и наконец мы увидели, что поток совершенно исчез под сырой и ноздреватой корой, покрывающей почву. Это нам послужило определенным доказательством того,— пишет П. А. Чихачев,— что мы находились у истоков Чуи» (р. 84).

Следующей задачей экспедиции было достижение и исследование истоков р. Чулышмана. С этой целью П. А. Чихачев направился к оз. Джулукуль по довольно болотистому месту, простирающемуся между истоками Чуи и Чулышмана. «Когда я смотрел на поверхность, дрожащую от каждого движения наших лошадей, мне приходило в голову следующее сравнение: казалось, мы двигаемся по огромному пузырю, наполненному сжатой водой, которая от малейшего давления грозит прорваться через оболочку, удерживающую ее, и поглотить тело, опирающееся на нее».

Исследовав исток Чулышмана и обогнув с юга горы, П. А. Чихачев направился по долине р. Джалду к р. Башкауc. Здесь его особенно поразила красота местности.

«Мы не могли налюбоваться тем живописным видом,— пишет П. А. Чихачев,— который представляет собой прелестная живая долина Башкауса. Сквозь бахромистые ветки хвойных деревьев или блестящую листву тополей или берез мелькали многочисленные юрты, тогда как стада коров и быков напоминали своим сложением и оттенком своей масти прекрасный тирольский скот, так что я невольно перенесся мыслью в долины Швейцарии. Сочная трава предоставляла этим коровам всюду тучные и обильные пастбища... Окрест-

ности Башкауса благодаря своему разнообразию и веселому, приветливому виду являются одной из самых живописных и особенно изящных долин Алтая... Перебравшись на правый берег Чулышмана, я был сперва очень приятно изумлен, увидев несколько полос, засеянных ячменем. Это был первый след посева зерновых хлебов, который я обнаружил после Сардума. Несмотря на сравнительно позднее время (было уже 16—28 июня), ячмень едва-едва поднимался над поверхностью земли. Этот небольшой образец примитивного земледелия был, несомненно, обязан своим случайным существованием какому-нибудь казаху-сибариту, позволившему себе эту гастрономическую редкость, подобно тому как в Европе какой-нибудь богач стал бы разводить ананасы или бананы» (р. 109—110).

Поднимаюсь вверх по р. Чульча 22 июня — 4 июля (по н. с.) П. А. Чихачев достиг одноименного озера, вблизи которого им был обнаружен исток Абакана — одного из крупнейших притоков Енисея. С целью изучения истока Абакана П. А. Чихачев направился вдоль западного берега озера, затем пересек р. Улудоколдин-Баши. Наконец «я был всемерно вознагражден, — пишет П. А. Чихачев, — за всю перенесенную мною усталость и труды, когда старый охотник-казах, сопровождавший меня, указал пальцем на исток Абакана, являющийся одним из главных объектов трудного задания, которое было на меня возложено... Стремясь исчерпывающим образом завершить мое трудное путешествие исследованием истоков этой прекрасной реки, скромная колыбель которой была мною только что открыта, мне оставалось теперь завершить свой план — изучить ее постепенное развитие, продвигаясь на протяжении 350 км до устья ее в Енисее» (р. 125).

После подробного изучения данной местности с геологических, орографических, климатических и ботанических позиций экспедиция в течение нескольких дней то пересекала горные массивы, покрытые вечными снегами и льдом, то спускалась к живописным долинам с сочной и разнообразной растительностью. Почти весь путь экспедицию сопровождал ужасающий ураган с дождем. Это было особенно неприятно потому, что 8 июля астрономами предсказывалось солнечное затмение, которое П. А. Чихачев собирался наблюдать в этих высокогорных местах.

П. А. Чихачев, несмотря на все невзгоды и мучения, не переставал изучать минералогический состав и геологическое строение местности, пополнять свой гербарий, делать промывку пород на предмет определения золотоносности и т. д.

В течение пятидневной стоянки в долине Алаша П. А. Чихачев составил орографическую карту местности, до сих пор не покрытой ни топографической, ни геологической съемкой, собрал некоторые сведения от-

носителем народа, населявшего ее, описал быт, культуру, хозяйство, административную структуру и т. д.

Через несколько дней, достигнув живописной долины, где р. Чехан сливается с Карасибом, экспедиция встретила поля, засеянные ячменем. Посевы ячменя произвели особое впечатление на сопровождавших их киргизов, которые еще никогда не видели хлебных злаков; те же, кому приходилось видеть посевы в долине Чульшмана, также были поражены огромными размерами посевной площади, хотя они не превышали 300 м длины и 60 м ширины. Растительный покров долины р. Чехан настолько разнообразен, что П. А. Чихачеву часто казалось, что он находится в Египте или в какой-либо другой южной стране. По мере того как экспедиция спускалась по долине р. Джебаш, все чаще и чаще можно было встретить засеянные ячменем поля, а местами встречались русские хижинки. «При появлении этих хижин,— пишет П. А. Чихачев,— киргизы, никогда не видевшие их, смотрели на них удивленными глазами, тогда как лошади их, не желая приближаться к столь таинственным предметам, шарахались во все стороны». Переправившись через Джебаш в сопровождении 88 лошадей вместо 105, которыми располагал экипаж каравана, выезжая из Башкауса, П. А. Чихачев направился к русскому посту Абакан.

«Прошло некоторое время, прежде чем мои горцы,— пишет П. А. Чихачев,— освоились со столькими предметами, до сего времени им совершенно неизвестными, и поняли способ их употребления и назначения. Например, им подробно разъяснили, что дома—это те же юрты, но неподвижные и выстроенные из дерева. Однако они нашли, что вход в эти дома очень неудобен, так как воображали, что для этой цели служат окна, они принимались пролезать через них и тяжело вваливались в комнаты. Конечно, они заявили, что в их подвижные юрты можно проникнуть гораздо легче. Этот несколько сложный способ проникнуть в дом не уменьшил их изумления при осмотре всего того, что в комнате находилось. Различия между столом и стулом для них совершенно не существовало, и они садились без всякого разбора на тот или другой. Печи казались им совершенно необыкновенным сооружением. Желая их осмотреть досконально, они всовывали головы в устье печи и вылезали оттуда с лицом, вымазанным сажей и пеплом, что всегда вызывало приступ веселого смеха у зрителей... Во время нашего путешествия киргизы не раз пробовали мои сухари, они с трудом могли уразуметь, что сухари—результат высушивания того мягкого и гибкого теста, которое они имели в руках. Они долго мяли хлеб в своих руках, прежде чем поднести его ко рту. Впрочем, и на нас хлеб произвел странное действие. Мы его не ели уже целых

Привал в долине Алаш
Рисунок И. К. Айвазовского. 1845 г.

три месяца, и все почувствовали недомогание, так как усиленно набросились на него. Трудно вообразить, с каким наслаждением мы пользовались самым примитивным комфортом, необходимым для европейца. Эти скромные хижины показались нам дворцами, и мы не могли прийти в себя от радости при мысли провести ночь в кровати, имея над головой прочную крышу. Киргизы же, наоборот, далеко не радовались всем этим привилегиям. Удовлетворив свое любопытство, они вышли из домов (все так же пугая окна и двери), они ни за что не хотели оставаться ночью в домах, находя, что в них очень тесно, мало света и воздуха. Они предпочитали расположиться лагерем на равнине, к большому удовольствию хозяев домов, потому что эти странные гости собирались расколоть все стулья и столы, чтобы разжечь большой костер посредине комнаты, что казалось им совершенно в порядке вещей. Они считали, что дерево сделано для того, чтобы его жечь, и было гораздо проще воспользоваться тем топливом, которое имеется под руками в юрте, чем идти за ним в лес» (р. 169—170).

Большой научный интерес представляет исследование населения этой местности, проведенное П. А. Чихачевым. Здесь наряду с казаками проживает большое количество различных племен...

П. А. Чихачев детально изучает их нравы, язык, внешний тип. Он показывает, как под влиянием русских кочевые племена постепенно становятся оседлыми и наряду со скотоводством занимаются земледелием

и промыслом. Так, например, вокруг Абаканского поста размещено много юрт. Это жилища племени, известного под именем «саган», большинство представителей которого уже начинают себе строить дома наподобие русских и усиленно занимаются земледелием, а также различными отраслями хозяйства. П. А. Чихачев приводит общее количество населения различных племен, их половой состав, занятость в той или иной отрасли производства, районы размещения, тип жилищ и т. д. Интересные сведения находим в трудах П. А. Чихачева о земледелии. Он пишет, что «занятие земледелием вызвано влиянием русских» и что некоторые племена, как, например, «кашинцы, культивируют все виды злаков и овощей, употребляемых в этих местностях, как-то: рожь, пшеницу, ячмень, огурцы, лук, репу, морковь, капусту, картофель и т. д. У кашинцев насчитывается 2571 юрта и 250 деревянных домиков с печами или каминами особого устройства. Общее количество кашинцев — 8352 человека, из которых 3460 мужчин». «Можно считать, — пишет П. А. Чихачев, — что сделан гигантский шаг вперед, если учесть, что среди этих кочевников вызваны к жизни русскими первые зачатки цивилизации, пустившие корни и постепенно развивающиеся» (р. 173).

3—15 (по н. с.) августа экспедиция прибыла в Красноярск. После исследования местности в геологическом, ботаническом и историко-экономическом отношении П. А. Чихачев направился к Ачинску через места, известные разработками золота. П. А. Чихачев подробно описывает методы, применяемые здесь на разработках золота, условия жизни, быта, доходы золотопромышленников и зарплату рабочих. Он отмечает, что «это маленькое сибаритство богатых золотопромышленников создает огромные состояния. Волшебный переход от состояния среднего достатка к неизмеримому богатству всегда кружит голову, последствия чего более бывают роковыми».

П. А. Чихачев описывает праздную жизнь богачей, у которых, несмотря на то что они находятся в глухой Сибири, не выводятся яства самых отдаленных стран мира. Здесь покупается по баснословным ценам шампанское, апельсины, сигары и т. д.

«Во время моего объезда золотых приисков, расположенных в Томской губернии и принадлежащих богатым купцам Резанову, Попову, Асташеву и другим, мне не раз пришлось

наблюдать любопытные картины изобилия европейской жизни среди гор и степей холодной Сибири. Сколько раз, сидя за столом, обильно уставленным яствами, завезенными со всех четырех стран света, я не мог достаточно надивиться невероятным контрастам. Вот киргиз в своей войлочной шапке подает на тарелке из японского фарфора фарфора апельсины, привезенные на берега Енисея из Мессины или Марселя через Петербург и Москву. После обильной трапезы, во время которой подавались лакомства, изготовленные в условиях всех климатов мира, в том числе и сладкие дары Малаги и Рейна, так же как и Бордо, мы наслаждались ароматным нектаром Аравии, сопровождавшимся прекрасными гавапскими сигарами» (р. 217).

В то же время П. А. Чихачев описывает тяжелые условия жизни рабочих: «...вместо того чтобы распространить на рабочий класс благоденствия достигнутых колоссальных богатств, обеспечить рабочим выгодную работу, золотопромышленники на самом деле не обеспечивают в этой отрасли промышленности будущее рабочих... знающих только место работы и кабак, где они оставляют весь свой заработок, и в конце концов возвращаются к своей бедной семье без гроша в кармане» (р. 223—224).

Дальнейший путь экспедиции П. А. Чихачева проходит через Успенку, Баново, Сартаково к Кузнецку. Через 15 дней, т. е. 18 (30) сентября, экспедиция достигла Змеиногорска. Здесь П. А. Чихачев исследует Змеевский рудник, пользующийся большой известностью как в России, так и в Западной Европе. Рудник этот был интересен своим геологическим и палеонтологическим материалом, так как его шахты давали великолепные образцы различных окаменелостей.

Из Змеиногорска П. А. Чихачев выехал в Николаевку, затем в Таловск, Шемонаиху, Выдриху, Рулиху. Начиная с Шемонаихи большая часть деревень была населена староверами, или старообрядцами. «Это большей частью переселенцы из европейской части России. Они отличаются искренней преданностью догмам, но без фанатизма. Это, — как пишет П. А. Чихачев, — очень красивые люди, кроткого нрава и замечательные своим трудолюбием. Их соседство оказывает очень хорошее влияние на киргизов»⁵.

25 сентября (7 октября) П. А. Чихачев достиг Усть-Каменогорска. «Наступила минута, когда, пройдя с трудом по бесконечному таинственному лабиринту

⁵ Следует иметь в виду, что П. А. Чихачев киргизами называл казахов, как это было принято в то время в России.

Алтая, я наконец достиг его предела и собираюсь с ним распрощаться. Так, я, одинокий зритель в этом величественном театре, покидал его, когда сама природа собиралась набросить на него свой снежный покров. Я сидел на пороге обширного Алтайского края, устремив глаза то на хребты, испещренные остроконечными вершинами, сверкающие снегом, то на бесконечную степь, которая, как океан, расстилалась у их подножия».

П. А. Чихачев прежде всего описал быт «этой большой семьи кочевников». Он хорошо ознакомился с налогами, взимаемыми с местных жителей, их размерами и видами товаров. Вместо пушнины здесь берут скот из расчета одной головы на сто. Перепись скота производится каждые три года одновременно с переписью населения. П. А. Чихачев отмечает, что с местных сановников налоги не взимаются. Он описывает болезни, каким особенно подвержен казахский скот, отмечает, что в годы, когда эпизоотия особенно свирепствует, русское правительство не только освобождает население от налогов, но даже оказывает ему помощь.

П. А. Чихачев отмечает помощь русских казахам не только в период «несчастливых годин», но и повседневно. В этом отношении огромную роль играли различные русские поселения, занимающиеся земледелием. «Для киргизов,— пишет П. А. Чихачев,— картина эта очень показательна, так как она служит для этого кочующего отважного народа живым примером положительных результатов, которых можно достигнуть при трудовой оседлой жизни. Киргизы, видя превосходство русских в культурном отношении, учатся отыскивать причины такового в разнице социальной организации обоих народов, так что ими постепенно овладевает желание подражать русским... Каждый русский населенный пункт уже издали можно распознать по некоторому количеству киргизских юрт, сгруппированных вокруг жилищ воинов-земледельцев. Кажется, что перед вами пустыни и тут же зеленый оазис. Некоторые киргизы, живущие вокруг казачьих постов, в конце концов заменяют свою юрту крепким домом по примеру русских... То же можно сказать и о земледелии. Коротче говоря, русские поселения являются самыми эффективными и плодотворными зачатками для будущего возрождения киргизской степи» (р. 305).

28 сентября (10 октября) П. А. Чихачев приостановил свой путь в глубины казахской степи и вернулся в Усть-Каменогорск, чтобы оттуда по долине Иртыша направиться к Омску через Семипалатинск.

П. А. Чихачев придавал большое значение географическому положению Семипалатинска, расположенного на границе барьера, отделяющего Северную Азию от большого плоскогорья Центральной Азии⁶.

Покинув Семипалатинск 2 (14) октября, П. А. Чихачев по прекрасной дороге на перекладных на четвертые сутки прибыл в Омск. «Нигде в Европе нет более прекрасной и приятной дороги,— писал Чихачев,— чем та, которая ведет из Семипалатинска в Омск вдоль самого берега Иртыша».

«6 (18) октября я прибыл в Омск, после чего выехал 11 (28), направляясь в Екатеринбург и оттуда в Петербург по той же дороге, по какой следовал, уезжая из столицы год тому назад. На этот раз опять вся громадная страна, которую мне предстояло пересечь, была покрыта глубоким снежным покровом, что немало способствовало увеличению однообразия и скуки этих двух долгих и тягостных путешествий, во время кото-

⁶ «Все, что должно придавать этому зарождающемуся городу реальную ценность,— писал П. А. Чихачев,— это не те преимущества, которые можно извлечь из него в наши дни, но то будущее, которое ему предназначено». Имея в виду добрососедские отношения с Китаем и возможности товарообмена, он подчеркивал, что «политика России по отношению к Китаю полна чистосердечия и бережливости. Россия в своих отношениях с Китайской империей никогда не применяла силу. Она всегда учитывала ее особенности. В отличие от России политика Англии в Китае строится на принципе, постоянно доминирующем у нее в ее отношениях с другими народами. Кроме того, несмотря на большое развитие, которое англо-китайская торговля должна получить в результате последних насильственных подвигов британских войск (опиумные войны 1840—1842 гг.— *Ред.*), значительная часть этой торговли падает на предмет чрезвычайно ненадежный, это на торговлю опиумом, который сперва отравил Китай и в конце концов залил его кровью. В 1841 г. операции по торговле опиумом Англии с этой империей представляли 76 млн франков из общей суммы операции в 189 млн франков... В 1842 г. таковые еще больше увеличились... Но эта торговля основана на нравственном падении рода человеческого, она не имеет перспективы развития... В конце концов Англия потеряет отрасль промышленности столь же выгодную для своих спекулянтов, как и постыдную для человечества» (р. 317).

рых Алтай явился для меня заслуженной наградой за все неприятности и тяготы».

В результате экспедиции П. А. Чихачев сделал много весьма ценных в научном и практическом отношении открытий и определений.

Прежде всего П. А. Чихачев впервые, основываясь на орографической и геологической специфике района, определил физико-географические границы русского Алтая, выделил Восточный и Западный Алтай, так как эти части по гидрографическим и стратиграфическим особенностям резко отличались одна от другой.

Схемы, карты и исключительно удачно выполненные участником экспедиции русским художником Мейером зарисовки пейзажей Алтая, приведенные в книге П. А. Чихачева, составляют неотъемлемую часть текста и являются первым документальным иллюстративным материалом по Алтаю.

В 1842 г. П. А. Чихачев составил подробную орографическую карту и первую геологическую карту всего русского Алтая и сопредельных районов. Им была впервые нанесена полная гидрографическая сеть рек и озер этой области. П. А. Чихачев впервые посетил и дал подробное описание истоков крупных рек Алтая — Абакана, Чуи и Чулышмана, а также отметил грандиозные размеры некоторых рек Сибири, и в частности Оби, Енисея. «Алтай, — писал П. А. Чихачев, — изборозжен большим количеством рек, из которых многие не только значительно превосходят по своим размерам самые крупные реки Европы и даже Южной Азии, но могут еще претендовать на первые места в гидрографической системе мира». П. А. Чихачев отмечал, что р. Обь в Америке превзойдена только Амазонкой и Миссисипи, а в Африке — Нилом, и заключал, что «по сравнению с мощными артериями, бороздящими гигантское тело сибирского колосса, самые прекрасные реки Европы кажутся лишь скромными жилками» (р. 325).

Определив, что в геологическом отношении Алтай сложен в основном палеозойскими осадочными извержениями и метаморфическими породами, П. А. Чихачев в вопросе определения возраста тех или иных пород пришел к весьма оригинальному для того времени выводу, подтвержденному всеми последующими исследователями Алтая, включая и советских ученых. Прежде всего он на основании многочисленных исследова-

ний условий залегания слюдяного сланца пришел к заключению о метаморфическом его происхождении, т. е. о превращении первоначально осадочных пород под совместным воздействием высокой температуры, большого давления и воды в слюдяной сланец.

Это заключение, в свою очередь, позволило ему считать, что на Алтае отсутствуют древнейшие изверженные породы, характерные для архейской и даже протерозойской эр.

«Изменение метаморфического порядка, через который проходят здесь сланцы,— пишет П. А. Чихачев,— не ограничивается поверхностным или только видимым изменением, но сопровождается переменной минералогических свойств породы, тоншифер в конце концов превращается в породу высшей степени гранитовидную. Например, тусклый и плотный слюдяной сланец Восточного Алтая, как это мы видим в окрестностях Кайру, становится блестящим и волокнистым... Эти факты, которых, несомненно, найдется очень много в обширных еще не исследованных областях Алтая, подтверждают гипотезу о метаморфическом происхождении слюдяного сланца Алтая. Если мы признаем эту гипотезу, то она приведет нас к результату очень важному для геологии Алтая: *это то, что там, собственно говоря, не имеется древнейших формаций, т. е. таких пород, которые представляют собой первичную твердую кору нашей планеты*» (р. 331—332).

Если мы обратимся по этому вопросу к современным геологам, то убедимся в правоте сделанного П. А. Чихачевым заключения.

Так, в работе В. П. Нехорошева «Геологический очерк Алтая», вышедшей в 1932 г. под редакцией академика В. А. Обручева, говорится: «В пределах русского Алтая мы нигде не встречаем древнейших архейских слоев, представляющих наиболее древние слои земной коры, известные на других участках земного шара, например в Скандинавии, Канаде, Африке»⁷. Эта же идея подтверждается и в более поздних работах В. П. Нехорошева.

Что касается гранитов, встречающихся на Алтае отдельными глыбами, то П. А. Чихачев считал появление их в этих районах хронологически более поздним, чем образование осадочных пород. Следовательно, их

⁷ Нехорошев В. П. Очерки по геологии Сибири. Л. 1932. С. 11.

также нельзя отнести на Алтае к древнейшим породам.

«Я ссылаюсь на то, что уже говорил относительно гранита—сиенита Катуня, Чулышмана, так же как и относительно гранитных рудных жил Согры,— пишет П. А. Чихачев,— свидетельствующих о более позднем происхождении гранита по сравнению с осадочными породами, через которые он проходил или обломки которого в них застряли» (р. 327—328).

П. А. Чихачев в своей работе неоднократно отмечает явления интрузий гранита, очень часто встречающихся на Алтае. Как известно, в работах по Алтаю современных геологов интрузиям гранитов уделяется большое внимание.

П. А. Чихачев обнаружил на Алтае гнейсы древнейшего происхождения с присущей им характерной слоистостью. Гнейс не встречается здесь в сопровождении гранита, как это можно видеть в других местах: «Геолог напрасно искал бы на Алтае ассоциации этих двух пород в таком виде, как можно встретить в некоторых странах Европы, а именно в Венгрии, где гранит никогда не появляется один, а всегда в сопровождении гнейса» (р. 333).

По внешнему виду, структурным особенностям П. А. Чихачев выделяет на Алтае три разновидности гранитов.

1. Гранит берегов Катуня, Атыгирюля (приток Башкауса).

2. Гранит с зернами посредственной величины (у устья Большого Ильгумена, у потока Сарытын-Кола). Цвет этого вида гранита обычно красноватый или беловатый.

3. Порфировидный гранит светлого цвета (Нарымский горный хребет по правому берегу Иртыша у Бухтармы).

П. А. Чихачев считал, что «настанет день, когда удастся распознать среди них определенных представителей различных геологических эпох» (р. 329).

П. А. Чихачев установил в пределах Алтая возраст самых древних пород, отнеся их к нижнему палеозою. В то же время он неоднократно отмечает отсутствие здесь осадочных пород мезозойской эры: триасового, юрского и мелового периодов.

«Нептунические породы, находящиеся на Алтае,— пишет он,— связаны исключительно с двумя крайними членами длинной геологической цепи нашего земного

шара, т. е. с палеозойскими формациями и с осадочными слоями нашей эры» (р. 345).

П. А. Чихачев по обнаруженным им в различных породах палеонтологическим ископаемым и другим признакам подтверждает идею об отсутствии пород мезозоя на Алтае. Особенно убедительно доказывается им эта идея на металлоносных породах.

Если, с одной стороны, ископаемые скелеты животных, обнаруженные им в более или менее обильном количестве во всех металлоносных породах Алтая, свидетельствуют об их весьма недавнем происхождении, то, с другой стороны, породы, являющиеся их фундаментом, относятся к самой древней эпохе осадочных слоев Алтая, т. е. к палеозою. «То же можно сказать и о долинах Чуи и Чулышмана, Башкауса и вообще обо всей целине Восточного Алтая, которую мне посчастливилось посетить первым, так как повсюду, где я только мог констатировать металлоносные свойства осадочных слоев, состоящих из обломков, обваженных потоками, они не только состояли из веществ, очевидно позаимствованных у соседних гор, но и лежали на древних формациях (силурийский, девонский, угленосного известняка), образующих основную массу твердого грунта этих краев» (р. 397).

С особой ясностью П. А. Чихачев подчеркнул идею об отсутствии на Алтае отложений мезозойского периода в следующих словах:

«Если бы мысленно удалить все неорганические остатки металлоносных земель, оставляя лишь остатки животных, заключенных в них, получилось бы на самом деле любопытное зрелище. Можно было бы увидеть смешение рогов лосей и оленей еще существующих пород с *spirifer* и *productus* других осадочных слоев. Можно было бы обнаружить представителей двух крайних эпох, перешагнувших неизмеримую бездну, разделяющую их и свидетельствующую о том, что в течение миллионов веков не было здесь никаких представителей органической жизни, начинающих свое существование, равно как и тех, которые заканчивали его в наши дни» (р. 357).

Это заключение П. А. Чихачева, сделанное почти 150 лет назад, не потеряло своей силы и научной значимости до настоящего времени.

Все исследователи Алтая, как дореволюционного периода, так и советского, фактически подтверждают

геологическую историю Алтая, написанную П. А. Чихачевым. Так, например, в работе В. П. Нехорошева «Геологический очерк Алтая» читаем: «Ни морских, ни континентальных мезозойских отложений нигде в русском Алтае мы не имеем, и это позволяет полагать, что в течение всего мезозоя Алтай представлял горную страну, в той или иной мере возвышающуюся над окружающей территорией, куда реки мезозойского Алтая выносили продукты его разрушения»⁸.

Большой научный интерес вызывает заключение П. А. Чихачева о силурийском периоде. Не имея возможности подтвердить наличие силура палеонтологическими данными, отсутствующими в результате явлений метаморфизма, он все же на основе сравнения пород ряда мест Алтая с породами, относящимися к силуру в других странах, где силур подтвержден ископаемыми, пришел к заключению о больших районах Алтая, которые следует отнести к силурийскому периоду.

Интересно отметить, что последующие русские исследователи Алтая (К. Поленов, В. А. Комаров, В. А. Обручев) подтвердили наличие силура палеонтологическими ископаемыми, главным образом Favosites и Holisites, обнаружили их как раз в тех районах, которые П. А. Чихачев относил к силуру.

При изучении работы П. А. Чихачева обращает на себя внимание и тот факт, что он придавал большое значение ледникам Алтая и присутствию здесь эрратических глыб. П. А. Чихачев хорошо знал работы Геблера, обнаружившего ледники на Алтае за несколько лет до экспедиции 1842 г. Правда, П. А. Чихачев весьма осторожно высказывался по вопросу нахождения и значения эрратических глыб и ледников на Алтае. Он считал, что «последние чрезвычайно редко встречаются на Алтае, ибо до настоящего времени там были известны только столбы Катуня или Белухи, где Геблер первым их обнаружил».

Одной из величайших заслуг П. А. Чихачева перед страной и отечественной наукой, обессмертившей его имя, является открытие им Кузнецкого каменноугольного бассейна.

Как известно, отдельные выходы угля были обнаружены здесь задолго до экспедиции П. А. Чихачева.

⁸ Там же. С. 23.

Еще в 1721 г. крепостной М. Волков открыл на р. Томи месторождение каменного угля. Местные жители знали и о других выходах угля. Заслужой же П. А. Чихачева было то, что ему не только удалось установить каменноугольные пласты в различных районах Алтая, но и впервые провести геологическое исследование, доказать наличие здесь мощного угольного бассейна, определить его размеры и составить первую геологическую карту всего бассейна, названного им «Кузнецким».

«Наличие каменного угля,— пишет П. А. Чихачев,— подтверждается в нескольких местах, начиная с окрестностей г. Кузнецка и до местности, примыкающей к р. Или. В таком случае Северный Алтай является одним из самых крупнейших резервуаров каменного угля мира, который до сих пор только известен, занимая в среднем пространство в 250 километров в длину и 100 км в ширину» (р. 391).

П. А. Чихачев надеялся, что эти неопределимые богатства, еще совершенно нетронутые, сыграют в будущем значительную роль, особенно если удастся найти здесь залежи железной руды, признаки которой в виде пластов сферосидерита ему удалось обнаружить среди пластов каменного угля в Афонине и в других местах.

Он пришел к заключению, что «угленосные известняки Алтая отличаются своими металлоносными богатствами, а эта ассоциация железной руды и каменного угля с практической точки зрения имеет чрезвычайно важное значение» (р. 395).

Кроме определения размеров Кузнецкого каменноугольного бассейна, П. А. Чихачев проводит анализ химического состава угля в различных местах бассейна (см. с. 248), что дало ему возможность отнести отдельные участки к антрацитам.

П. А. Чихачев пытается сопоставить каменные угли Алтая с углями различных стран мира, в том числе и с углями Донбасса.

Особенно интересуется П. А. Чихачева район Азии. Он верит в то, что «настанет день и густые туманы, заволакивающие от наших взоров обширную область Центральной Азии, рассеются под влиянием яркого света науки. Тогда геология найдет в себе силу соединить в одну единую зону разные мелкие клочки угленосной формации, обнаруженные отважными странниками в разных отдельных пунктах Средней Азии,

в бассейне Или, в районе горных цепей Тянь-Шаня и Иншаня (севернее Пекина), в Бухаре и т. д.» (р. 372).

Наряду с исследованием геологического строения и минералогического состава пород Алтая П. А. Чихачев в период экспедиции занимался также изучением флоры посещенных им мест. В результате он собрал богатый гербарий из 248 видов растений Алтая, дал подробное описание районов их произрастания, а также описание климатических и почвенных условий местности. Как известно, до экспедиции П. А. Чихачева вопросами флоры Алтая занимались ряд русских и иностранных путешественников, среди которых следует отметить Палласа, Шангина, Гельмерсена. Ими в свое время были собраны первые гербарии растений Алтая. В наибольшей степени в этом отношении преуспел Шангин.

Заслуга же П. А. Чихачева в том, что он, кроме изучения растительного покрова в местах уже исследованных, проник в районы, куда до него никто из исследователей не проникал, и дал, таким образом, впервые описание флоры неизвестных для науки районов.

Хотя гербарий П. А. Чихачева в количественном отношении уступает гербариям Шангина, в нем в то же время содержится ряд видов, отсутствующих в гербарии Шангина и других исследователей Алтая того времени.

Интересно также отметить, что через полвека после экспедиции П. А. Чихачева к изучению Алтая приступил известный русский ученый и путешественник Василий Васильевич Сапожников, являвшийся крупнейшим специалистом по ботанике. За время своих восьмилетних экспедиций по русскому и монгольскому Алтаю им были собраны богатейшие коллекции растений, причем список растений только русского Алтая состоит из 811 наименований. Среди этих растений имеется ряд редко встречающихся, а некоторые из них В. В. Сапожников впервые обнаружил в этих местах.

В то же время следует отметить, что о некоторых растениях Алтая, обнаруженных В. В. Сапожниковым, П. А. Чихачев еще в 1842 г. дал более или менее подробное описание. Так, например, в книге «По Алтаю», выпущенной под редакцией В. А. Обручева в 1949 г., в примечании редактора на с. 261 говорится: «У ст. Коркечу на р. Катунь на старой террасе В. В. (Сапожников) нашел интересное растение *Gül-*

denstädtia monophylla, распространенное до устья р. Чуи».

Как это видно из работы «Voyage scientifique dans l'Altai...», растение *Güldenstädtia monophylla* впервые было обнаружено на берегах Катуня у устья р. Чуи и описано в 1842 г. П. А. Чихачевым. Им же были впервые описаны растения *Oxitropis trängtchides* и *O. trichophus*, обильно встречающиеся в Чуйской степи.

П. А. Чихачев на целом ряде примеров ярко показывает историческую роль русского народа в развитии культуры и экономики местного населения. Он подчеркивает, что установившееся и все более и более развивающееся экономическое, культурное и политическое сближение народов Сибири с русским народом способствует поднятию материальной и духовной культуры нерусских народов. Это особенно было заметно, так как путешествие П. А. Чихачева по времени совпадало с развитием в России культуры и искусства, с подъемом прогрессивной общественной мысли, борьбы с крепостничеством и самодержавием.

По сложности пути в неизвестной местности, научной и экономической значимости путешествие по Алтаю П. А. Чихачева поистине может считаться одним из самых значительных сухопутных путешествий мира первой половины XIX в.

В декабре 1842 г. «Санкт-Петербургские ведомости» впервые дали высокую оценку экспедиции П. А. Чихачева, «вписавшего прекрасную страницу в историю нашей Родины». Путешествие П. А. Чихачева — это «новая дань науки русского ученого», своим трудом «он оказал различным отраслям науки весьма многие и важные услуги» — такую оценку этому путешествию дал журнал «Отечественные записки» в 28-м томе за 1845 г. «Путешествие на Алтай,— писал «Горный журнал» в том же году,— это плод обширнейшей эрудиции и самого глубокого знания всех естественных наук». «Труд его, роскошно изданный в Париже, охватывает все отрасли естествоведения,— писал выдающийся русский ученый и путешественник Г. Щуровский,— и представляет весьма удачную попытку изобразить Алтай в целом»⁹.

⁹ *Щуровский Г.* Геологическое путешествие по Алтаю. М., 1846. С. VI—VII.

Великий русский литературный критик, революционный демократ и философ-материалист В. Г. Белинский в статье «Русская литература», касаясь «книг ученых, учебных и вообще дельных... которые должны радовать патриотические чувства русского»¹⁰, упоминает также работу П. А. Чихачева.

Большое значение путешествию на Алтай П. А. Чихачева придавали в XIX в. академик П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. В. Григорьев, Стебницкий, Эли де Бомон, Дюфренуа, Катрфаж и многие другие русские и зарубежные ученые.

Заслуженно высокую оценку экспедиции П. А. Чихачева дал выдающийся советский ученый академик В. А. Обручев. Имя П. А. Чихачева одно из известнейших имен в истории геологических исследований Сибири 1801—1850 гг.¹¹

Имя П. А. Чихачева увековечено русским народом. Один из величайших хребтов Алтая, где когда-то Петр Александрович проводил свои исследования, назван хребтом Чихачева.

По Малой Азии

С 1848 по 1863 г. Петр Чихачев провел восемь научных экспедиций по Малой Азии, Армении, Курдистану и отчасти по Восточной Фракии¹.

Целью всех его экспедиций было изучение геологического строения, орографии, гидрографии, климатов, почв, растительности и животного мира, а также сбор и изучение палеонтологического материала, чтобы в дальнейшем «из всех этих разрозненных сведений по различным отраслям наук начертать единую картину не только современного физического состояния страны, но и иметь хотя бы туманное представление о ее далеком прошлом».

Такая универсальность интересов объясняется прежде всего тем, что, несмотря на многовековое исследование этой страны, она до экспедиции П. А. Чихачева во многих отношениях являлась малоисследованной.

¹⁰ *Белинский В. Г. Собр. соч. 1948. Т. III. С. 29.*

¹¹ *Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. Л., 1933. С. 7.*

¹ Подробное описание маршрутов экспедиций по Малой Азии см. нашу работу «П. А. Чихачев — исследователь, путешественник».

«Малая Азия,— пишет П. А. Чихачев,— это страна, которая служит то колыбелью, то кладбищем для народов, для науки и для искусства. Она единственная в своем роде по своему гигантскому прошлому, так что можно было даже предположить на одно мгновение, что это прошлое не оставляет больше места ни для настоящего, ни для будущего. Поэтому исследователи и занялись почти исключительно ее гробницами, которые действительно более великолепны, чем современные королевские жилища. Дивные создания человека заставили забыть создания природы и игнорировать, что наряду с красноречивыми развалинами прошлого находятся памятники несравненно более грандиозные, имеющие свой язык и ждущие своих исследователей, чтобы заговорить этим языком...»²

П. А. Чихачев опубликовал около ста работ по Малой Азии, среди которых особую ценность представляет его классический многотомный труд «*Asie Mineure*».

Все работы П. А. Чихачева оригинальны, так как они представляют плод его собственных наблюдений. «Когда дело идет о стране столь мало известной, как та, которой я посвятил всю мою деятельность, было бы, может быть, полезно передать на алтарь великого святыща науки ту добычу, которую я собирал в поте лица своего, не украшая ее чужими именами»³.

В результате многолетних экспедиций по этой стране П. А. Чихачев неоднократно пересекал основные горные массивы и хребты, восходил на вершины многих гор, среди которых были и такие, как Эрджияс и Бингель, на которые до него не ступала нога человека. Им было проделано 714 гипсометрических измерений гор, долин, озер и т. д. Он исследовал и дал описание многочисленных рек, озер, заливов, произвел измерение глубин Мраморного, Эгейского морей, а также проливов Босфор и Дарданеллы. П. А. Чихачев опубликовал интересные материалы о течениях воды в проливах и Мраморном море.

Большой научный интерес представляют исследования П. А. Чихачева в области орографии Малой Азии и Армении. Эти работы отличаются тем, что орографи-

² *Tchihatcheff P. Asie Mineure, Première partie. Paris, 1853. P. IV.*

³ *Ibid. P. XII.*

ческая классификация горных систем Малой Азии, предложенная П. А. Чихачевым, построена с учетом их геологического строения.

Следует отметить, что характеристика некоторых хребтов и гор (особенно Эрджияс-дага и Бингел-дага), данная П. А. Чихачевым, до сих пор является наиболее точной из всех существующих.

П. А. Чихачев, неоднократно проходивший пешком по берегам полуострова и на судах вдоль его береговой линии, в своей работе дает впервые более или менее точное описание контуров и длины береговой линии Малой Азии.

Сравнивая сведения по географии этой страны с данными историков и географов древних и средних веков, П. А. Чихачев установил весьма любопытные изменения, происшедшие на полуострове в рельефе, в очертании берегов, в направлении течений рек и в глубине вод.

П. А. Чихачев описывает ряд полуостровов, как, например, полуостров Носпис, который во время Аттия (I в. до н. э.) был островом; некоторые озера, поражавшие древних географов своими большими размерами, в наши дни или превратились в болота, как, например, оз. Каприа, или значительно измельчали. Так, например, оз. Стефана (Ладик) во времена Плутарха по своим размерам сравнивалось с морем, а в наши дни это довольно маленькое озеро.

Большой интерес представляет то, что П. А. Чихачев установил недавнее тектоническое поднятие северных берегов Восточной Фракии и Малой Азии по наличию раковин, принадлежащих к видам, еще живущим в наши дни, но находящимся значительно выше современного уровня Черного моря.

Исключительно большой интерес вызвали исследования П. А. Чихачевым климата Малой Азии. Он выбрал ряд пунктов, где организовал, по сути дела, первые метеорологические станции в Малой Азии.

«Мои соображения относительно климата этой местности,— писал П. А. Чихачев,— основываются на наблюдениях 16 лет».

Как в районе с приморским, так и в районе с континентальным климатом он выделил ряд климатических зон, подметил их характерные черты, которые подтвердились всеми дальнейшими исследованиями климата этих областей.

Так, например, в современном климате Малой Азии на Черноморском побережье твердо установлены две климатические зоны, которые сто лет назад впервые выделил П. А. Чихачев.

До исследований П. А. Чихачева Малая Азия в геологическом и палеонтологическом отношении была почти не изучена. В этих вопросах авторы древности и средневековья оставили несравненно менее глубокие следы, чем в вопросах поэзии, архитектуры, философии и искусства. В эпоху, более приближенную к нашим дням, Магонис, Оливье, Стрикленд, Гамильтон, Спратт, Эд, Форбс, Тексье и другие сделали ряд интересных открытий, но как ни ценны были эти разрозненные сведения, однако подлинно научный подход к геологии и палеонтологии Малой Азии начинается с исследований этой страны русским ученым П. А. Чихачевым.

С 1848 по 1866 г. им опубликовано свыше 20 работ по геологии и палеонтологии Малой Азии.

«Уже в 1850 г. многочисленные окаменелости, которые П. А. Чихачев собрал во время экспедиции по этой стране,— писал французский ученый д'Аршиак,— позволили ему четко отделить меловые пласты от слоев, наполненных нуммулитами и другими организмами, специфическое определение которых заставило их рассматривать как представителей нижнетретичных наслоений»⁴.

В результате 20-летнего исследования П. А. Чихачев впервые дал описание различных осадочных и вулканических пород, а также гранитов, сиенитов, диоритов и серпентинов Малой Азии.

«Беспрерывные исследования,— писал он в 1850 г.— позволяют мне сообщить о существовании в осадочных отложениях Малой Азии следующих, точно основанных на палеонтологических данных отложений:

1. Девонские. 2. Юрские. 3. Меловые. 4. Миоценовые».

«Хотя я в 1850 г. издал несколько очерков относительно моих самых крупных геологических исследований Малой Азии, особенно касающихся существования в этой стране девонских и угленосных формаций, необычайного развития нуммулитовых осадочных слоев и их чрезвычайно богатого содержания органических остат-

⁴ Bulletin de la societe geologique de France. Paris, 1850. P. 389.

ков, открытия юрской фации — результат 20-летних моих трудов по геологии — я решил поместить в IV часть труда „Малая Азия“.

Наряду с осадочными породами П. А. Чихачев подробно рассматривает изверженные породы полуострова, начиная с берегов Босфора и далее на восток, вплоть до Армении и Курдистана. Прежде всего он описывает трахиты в районе Босфора, на Азиатском побережье Мраморного моря и в Троаде, затем характеризует трахиты Мизии, Лидии, Ионии, Карии и Каппадокии, после чего дает подробное описание трахитов области горы Эрджияс и Ликаонии.

Он справедливо отметил, что, несмотря на важную роль, какую изверженные породы играют в Малой Азии, они появились сравнительно недавно, в эпоху, когда уже большая часть полуострова существовала и состояла из осадочных пород.

П. А. Чихачеву первому удалось собрать многочисленные ископаемые флоры и фауны, позволившие впервые издать монументальный труд по палеонтологии Малой Азии, являющийся и в наши дни ценнейшей работой.

«На самом деле в то время, когда в этой стране точно установленных органических ископаемых насчитывалось не более 60 видов, мои коллекции, тщательно и научно изученные д'Аршиаком, де Вейнейлем, Фишером, Броньяртом и Унгером, позволили этим ученым признать в результате моих „мирных завоеваний“ 453 вида в одном только животном царстве, тогда как все количество органических ископаемых, приведенных в моей „Палеонтологии Малой Азии“, содержит не менее 575 видов, из которых 57 совершенно новых»⁵.

Как известно, целому ряду палеонтологических ископаемых, а равно и минералов, впервые обнаруженному и описанному П. А. Чихачевым, присвоено имя Чихачева.

Огромный научный интерес представляют работы П. А. Чихачева по исследованию растительных богатств Малой Азии. Растительное царство он изучал главным образом с точки зрения «ботанической географии». «Я принадлежу к тем,— писал П. А. Чихачев,— которые верят в будущее и в ту помощь, кото-

⁵ *Tchihatcheff P. Asie Mineure // Botanique. P. I, VII.*

рую призвана оказать когда-нибудь эта молодая пока еще наука».

В середине прошлого века, когда П. А. Чихачев вел исследование растений Малой Азии, в биологии господствовал метафизический антинаучный взгляд на род и вид. Считалось, что видовые формы неизменны, что они не могут происходить одни от других. П. А. Чихачев в противовес этим взглядам считал вполне возможным и естественным «внезапный переход растений, так сказать на глазах наблюдающего их, из одного вида в другой». П. А. Чихачев считал, что «вид есть собрание или ряд индивидуумов, охарактеризованных совокупностью отличительных черт, передача которых естественна, точна и безгранична при настоящем порядке вещей»⁶.

П. А. Чихачев заявляет, что теоретическое обоснование вида должно исходить из многочисленных наблюдений: только пройдя через горнило испытаний, растения смогут открыть нам истинную природу своих отличительных признаков.

П. А. Чихачев еще в 1860 г. писал, что не бог, а природа и человек создают виды: «Изменение окружающей среды может и должно создавать новые породы путем изменения прежних».

Мы считаем достойным исключительного внимания то, что П. А. Чихачев не только выступил против ложного утверждения метафизиков о вечности и неизменности видов, но и пошел дальше, признавая возможность зарождения нового качественного состояния в недрах старого.

П. А. Чихачев, изучив ботанические сокровища Малой Азии, отметил чрезвычайное видовое разнообразие, что было естественным следствием крайне разнообразного рельефа, климатических и почвенных условий.

В гербарии П. А. Чихачева насчитывалось до 3500 видов растений Малой Азии. Чтобы представить реальное значение этой цифры, достаточно отметить, что она больше той, которая во времена Линнея представляла количество известных растений на всем земном шаре, и составила две трети количества видов всей Европы, насчитывавших в то время, по Ниману, 8699.

⁶ Ibid. P. XV—XVI.

Вторая особенность флоры Малой Азии, установленная П. А. Чихачевым, в очень резкой локализации некоторых ее видов.

П. А. Чихачев установил вертикальную зональность для различных видов растений Малой Азии и провел сравнение их высот с зонами европейских стран для идентичных растений.

Заслуга П. А. Чихачева также и в том, что он впервые составил карту ареалов растительности Малой Азии.

В результате многолетних работ в области исследования растительности Малой Азии П. А. Чихачев создал первый обобщающий труд, охватывающий всю территорию Малой Азии. После путешествий П. А. Чихачева исследования Малой Азии были продолжены западноевропейскими ботаниками конца XIX и начала XX в., наиболее ценные результаты были получены Кохом, Кочи, Баланза, Филиппсоном, Набелеком и особенно берлинским ботаником Куртом Краузе.

По многообразию описанных видов диких и культурных растений никто из них не превзошел того, что было сделано в этом отношении П. А. Чихачевым. «До настоящего времени,— писал в 1927 г. академик П. М. Жуковский,— наиболее полезные данные по флоре Малой Азии содержатся в капитальном труде П. А. Чихачева, опубликованном еще в 1866 г.»⁷.

Долгие годы странствия П. А. Чихачева за границей, близкое знакомство с историческими, философскими и социальными идеями, господствовавшими в Западной Европе, России, Азии и Африке, вызвали в нем интерес не только к геологии, ботанике, палеонтологии, археологии, зоологии, климатологии, но к вопросам экономики, быта, культуры, социального положения женщин, политического и административного устройства, национально-освободительного движения.

Многочисленные опубликованные работы и письма, сохранившиеся в архивах, дают возможность проследить его отношение к важнейшим проблемам общественной жизни того времени.

Особенно большое внимание уделял П. А. Чихачев Восточному вопросу — важнейшей проблеме международной политики 50-х годов XIX в.

⁷ Жуковский П. М. Экспедиция в Малую Азию // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 1927. Т. XVII.

П. А. Чихачев еще в январе 1854 г., т. е. в условиях начавшейся Крымской войны, опубликовал интересную историко-политическую и социально-экономическую работу об англо-французской политике на Ближнем Востоке, в которой с присущей ему объективностью вскрывает причины возникновения Крымской войны и показывает заинтересованность Великобритании в ее продолжении, хотя она всюду выступает с проповедями о миролюбии.

«Англия, — пишет Чихачев, — ставит интересы своей торговли и своего могущества над всеми и часто пренебрегает моральным правом и общепринятыми в международных отношениях нормами. Англия непрерывно расширяет свои владения на всех морях и континентах. Она установила свое господство над 110-миллионным населением Индии; она повсюду создает колонии, захватывает (то по праву победителя, то путем переговоров) самые важные острова, проливы и порты; она сжимает Европу в своих тисках, оккупируя Гибралтар на территории независимой державы; захватив Мальту, а также Ионические острова, она ревниво относится к любой развивающейся морской державе. Сожжение датского флота, обстрел Копенгагена (находясь с Данией в мире), скандальное дело Пасифико — таковы неопровержимые факты, подтверждающие агрессивный и захватнический характер политики, ставящей себя превыше всяких законов и без всякого смущения злоупотребляющей своей материальной силой»⁸.

П. А. Чихачев органически связывает колониальную политику Англии с интересами ее промышленности. Колонии явились огромным источником сырья и рынком сбыта. П. А. Чихачев писал: чтобы выдержать все нарастающую конкуренцию и сохранить свое превосходство, английские промышленники прилагают все усилия к сокращению издержек производства с целью подавить своих соперников дешевизной товаров. Все это достигается только за счет заработной платы рабочих, судьба которых в связи с ростом цен на предметы первой необходимости становится все более незавидной.

⁸ Чихачев П. А. Великие державы и Восточный вопрос. М.: Наука, 1970. С. 20.

П. А. Чихачев отмечает, что доходы от промышленности растут в те периоды, когда на континенте заняты войнами и революциями, и падают, когда господствует мир и прогресс.

Он хорошо понимал, что хотя после наполеоновских войн и поражения революции 1848 г. роль России среди европейских государств значительно возросла, тем не менее Россия не была готова для успешного разрешения вечно волновавшего ее и многие европейские страны вопроса о судьбе Турции. Он хорошо понимал, что в основе столкновения государств в Крымской войне лежали противоречия главнейших европейских держав, и прежде всего англо-франко-русские противоречия. «Общий пожар, охвативший сразу, как по волшебству, всю Европу,— писал П. А. Чихачев,— свидетельствует о существовании достаточно важных причин и противоречий в странах Европы, и, для того чтобы удержаться у власти после государственного переворота 1852 г. Наполеону III необходимо было сохранить значительные войска и в то же время с целью стяжать для Франции новые лавры война становилась для монарха насущной необходимостью... и Россия в этом отношении явилась громоотводом, притянувшим молнию, которая иначе могла бы упасть на британскую или германскую почву»⁹.

Что касается Англии, то причины, побудившие ее к войне против России, вызваны тем, что «уже давно английский кабинет,— писал П. А. Чихачев,— следит с возрастающим ужасом за все более растущим развитием северного колосса».

П. А. Чихачев страстно изобличал колониально-захватническую политику Англии, ее дикий произвол и насилие над беззащитным многомиллионным населением стран Востока. С особой силой звучали и звучат слова, рисующие неописуемую картину гнета, пыток и насилий, проводимых английскими колонизаторами в Индии. «Самое ухищренное дьявольское воображение,— писал он,— тщетно старалось бы изобразить возмутительную и ужасную картину, которая открылась перед нами, рисуя страдания несчастных индусов. Все, что инквизиция или самые изобретательные палачи древности придумывали для продолжения мук в связи

⁹ *Tchihatcheff P. La Paix de Paris est — elle une paix solide? Bruxelles, 1856. P. 10—11, 18.*

с приближающейся смертью, чтобы увеличить боль и продлить страдания предсмертного часа, будет недостаточно для изображения приемов, применяемых англичанами в британской Индии при взимании налогов»¹⁰.

Говоря о вероломном нападении Англии на Россию во время Крымской войны, П. А. Чихачев с возмущением говорил: «И вот среди стонов и проклятий своих собственных граждан — индусов Англия осмелилась поднять свой протестующий голос в защиту граждан других иностранных держав! Напрасно было бы заступаться за великобританское правительство, ссылаясь на то, что ему якобы неизвестны те ужасы, которые совершаются в Индии. Не нужно даже обращаться к страданиям несчастных индусов, чтобы дать себе отчет в том, что при управлении колониями Англия исходит только из своих материальных выгод, совершенно не проявляя забот о благополучии своих подданных...

Когда в 1793 г. Вильберфорс внес предложение в палату общин об организации в Индии школ, India Hause протестовал против такого мероприятия, как слишком дорого стоящего и подрывающего авторитет и доверие к Англии, которые могут базироваться лишь исключительно на полном невежестве индусского населения... Начиная с этого времени английское правительство сохраняло в полной неприкосновенности то состояние глубокого невежества, в которое оно ввергло эту несчастную страну»¹¹.

Весьма интересный и оригинальный материал приводит П. А. Чихачев об американской деятельности в Турции накануне и в период Крымской войны.

«Все те, кто внимательно изучил Восток практически на самом месте, а не в своих библиотеках, — писал П. А. Чихачев, — поражаются, насколько развивается деятельность Американского управления Комиссий для иностранных миссий.

Во всех районах Турции, где основывались американские миссионеры, им помогают их жены, причем они отличаются очень большой активностью»¹².

П. А. Чихачева глубоко волновала судьба русского народа. Для него, как и для всех передовых людей русского общества, переживавших мрачную эпоху никола-

¹⁰ Ibid. P. 15.

¹¹ Ibid. P. 16.

¹² Ibid. P. 50—51.

евской реакции, проблема исторического развития России имела, бесспорно, первостепенное значение.

Он мучительно переживал севастопольскую эпопею, разделял скорбь русских людей по поводу падения Севастополя и восхищался его мужественной обороной.

Крымская война, отмечал П. А. Чихачев, в которой Россия столкнулась лицом к лицу с объединенной Европой и Турцией, показала всему миру не только беспримерное мужество и героизм, но и историческую жизнеспособность русского народа.

«Совершенно не подготовленная к гигантской борьбе, при полном отсутствии железных дорог, не располагая достаточным снабжением, видя, как все более и более редуют ряды ее войск под влиянием голода, погибая в мутных волнах топи или в глубоких снегах степей более обширных, чем большая часть европейских государств, Россия все же выдерживала около двух лет борьбу с четырьмя противниками, из которых два являлись самыми мощными военными державами Европы и имели все виды морских и сухопутных сил.

Несмотря на это, Россия вышла из этой борьбы, столь неравносильной с точки зрения воюющих стран, не потеряв ни одной провинции и ни одного важного по своему значению города»¹³.

«Хотя окруженный со всех сторон этот гигант и вынужден был уступить в неравном бою, но он в то же время доказал, что ноги у него не глиняные»¹⁴.

Неудачи русских в боевых действиях П. А. Чихачев не рассматривал как неспособность русских воинов.

«Когда упали стены Севастополя после его героической обороны, длившейся почти целый год, уступившего наконец натиску соединенных усилий флотов и армий врага — самых мощных держав мира, можно спросить: какая из ролей была более славной? Роль ли победителя или побежденного — защитника этой грандиозной морской крепости?»¹⁵

«Положение, создавшееся в результате Крымской войны, должно иметь своим последствием довольно сильное изменение во всей внутренней организации в России», — писал П. А. Чихачев. «Из всех государств Европы Россия, несомненно, больше других почувствует последствия восточного кризиса, который отразится не только на сущности ее внешнеполи-

¹³ *Tchihatcheff P. La Paix de Zurich et le nouveau congrès européen. Paris, Bruxelles, 1859. P. 154.*

¹⁴ *Ibid. P. 23.*

¹⁵ *Ibid. P. 80.*

тических отношений, но особенно на ее внутренней организации»¹⁶.

В работе «Прочен ли Парижский мир?», опубликованной П. А. Чихачевым сразу же после заключения Парижского мирного договора, он выступает с острой критикой самодержавного режима Николая I.

«Народ,— писал П. А. Чихачев,— имел в глазах Николая только чисто пассивное назначение. Он представлялся для императора лишь соединением зубчатых колес механизма великой машины, которую исключительно государь призван приводить в движение и за функционирование которой он не требует от своих подданных никакого другого сотрудничества, кроме слепой преданности и абсолютного доверия. Отсюда — инстинктивное отвращение к просвещению и к свободе личности. Самые великие открытия наук и прогресс цивилизации в его глазах блекли и исчезали... Военная сила, являясь основным объектом попочений и симпатий императора, поглощала большую часть государственного бюджета... Система взяточничества и подкупа разрушала, как злокачественная опухоль, все члены социального организма. Недостаточность хорошо проведенных путей сообщения, громадные пространства, которые в обширной империи разделяют крупные производящие и потребляющие центры, оказывались непроходимыми в дождливые времена, что парализовало и затрудняло развертывание в широком масштабе промышленной и торговой деятельности, создавая совершенно ненужное нагромождение товаров в одних местах и полное отсутствие в других...

При подборе служащих придавалось лишь весьма малое значение культуре ума и духа. Административные и военные посты были захвачены плотным кольцом множества ничтожнейших личностей более или менее вредных в зависимости от того, происходили ли допущенные ошибки в результате невежества или полного недостатка морального и умственного развития, или к этим независящим от человека недостаткам примешивался еще дух алчности и продажности, который, к сожалению, имел для своего развития слишком много оснований»¹⁷.

«Россия преобразует свой административный режим, умножит свои финансы в результате сильного промышленного и коммерческого развития»¹⁸.

«Катастрофа имела ту неопределимую заслугу, что разбудила великана, погруженного в глубокий сон, сообщая ему, что для осуществления самых смело задуманных стремлений только от него зависит пользоваться оружием гораздо более эффективным и неотразимым, чем оплоты из гранита человеческих тел»¹⁹.

Основным вопросом, стоящим в центре внимания передовых людей того времени и определявшим их

¹⁶ Ibid. P. 74.

¹⁷ Ibid. P. 74—77.

¹⁸ Ibid. P. 63.

¹⁹ *Tchihatcheff P. Italie et Turquie. Paris, 1859. P. 54.*

идейно-политическое устремление, был вопрос об освобождении крестьян, т. е. ликвидация крепостничества, ставшего главнейшим тормозом общественно-экономического и культурного развития России.

«Все общественные вопросы,— писал В. И. Ленин,— сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»²⁰.

П. А. Чихачев хорошо понимал гнилость самодержавно-крепостнической системы. «В России,— писал он,— нужно почти все переделать и создать новую административную организацию»²¹.

Еще в 1859 г. П. А. Чихачев, анализируя вопрос освобождения крестьян, пришел к выводу, что правительственный акт освобождения крестьян по существу явится декларативным, в противном случае он «мог бы расшатать здание частной собственности, разрушив доверие и безопасность, на котором оно было основано... Не имея возможности получить материальную компенсацию за акт насильственного лишения собственности, дворянство придет к требованию морального эквивалента, который, вероятно, выразится в расширении его политических прав. Но правительство знает, что создание привилегированных условий для дворянства сведет на нет действие освобождения крестьян»²².

П. А. Чихачев обличал господствовавшие классы царской России, и прежде всего русское правительство, в низкопоклонстве перед иностранцами. Он верил в способности русского народа и неоднократно отмечал, что в России множество должностных мест занято иностранцами специалистами, в то время как русские люди сами вполне могут их заменить. «Россия может пользоваться своим собственным фондом в выборе способных должностных лиц, и если они не находятся, то это вина не страны, нет, это вина правительства, которое не всегда умеет их ценить и привлекать»²³.

Следует отметить, что трезвая и в общем правильная оценка, сделанная П. А. Чихачевым, основных противоречий между важнейшими странами Европы обусловила и его отношения к Парижскому мирному договору. Он приветствовал Парижский мир, хотя и считал его отнюдь не долговечным.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 273.

²¹ Tchihatcheff P. Italie et Turquie. P. 8.

²² Ibid. P. 10.

²³ Ibid.

В то же время по своей классовой принадлежности П. А. Чихачев не мог понять ряд вопросов, и прежде всего оценить роль царского правительства в развязывании Крымской войны.

Он считал, что царское правительство не собиралось вести войну с Турцией, а намеревалось лишь ограничиться демонстрацией своих войск, чтобы тем самым добиться некоторых уступок от султана.

Однако, несмотря на ошибочность некоторых положений, работа П. А. Чихачева представляет большой интерес, ибо это свидетельство единственного русского ученого, находившегося во время крымских событий на территории Турции, не только в ее столице, но и в весьма отдаленных районах страны.

Исключительную ценность представляют исследования П. А. Чихачевым социального и политико-экономического состояния Турции. Можно, не преувеличивая, сказать, что в этом отношении его работы не имели себе равных. В них самым детальным образом было показано истинное положение дел как в крупных городах, так и в самых отдаленных районах страны, куда в те времена еще не удавалось проникнуть ни одному западноевропейскому или американскому исследователю.

В отличие от многих авторов, писавших о Турции (западноевропейских путешественников), П. А. Чихачев детально изучал административное устройство, состояние экономики, финансы, налоговую систему, внутреннюю и внешнюю торговлю, состояние сельского хозяйства, промышленности, путей сообщения, социальное положение женщин и нацменьшинств, религию, культуру, быт, литературу и архитектурные памятники.

П. А. Чихачева интересовали также проблемы развития промышленности, особенно добывающей. На некоторых отраслях добывающей промышленности он останавливался особенно подробно. К таким отраслям, как мы это уже отмечали, относится добыча серы, золота, серебра, меди, ртути и др. П. А. Чихачев не только показывает районы разработок, количество и качество добываемой продукции, но также описывает условия работы, уровень техники и т. д. Так, например, еще во время своих первых путешествий по Малой Азии он обнаружил в районе Эрегли залежи каменного угля.

«Богатые залежи каменного угля на северном побережье между Эрегли и Амасьей могли бы поставлять для турецких пароходов превосходное топливо и тем самым нанесли бы жесткий удар по конкурентам — австрийским и французским пароходным обществам»²⁴.

Далее П. А. Чихачев отмечает, что «английской компании во время войны удавалось добывать достаточное количество угля, чтобы снабдить им весь союзный флот».

«А как разрабатываются эти залежи в настоящее время!? (1858 г.— В. Ц.). Группа хорватов и черногорцев обращается с просьбой работать за свой счет, с обязательством продавать добытый уголь только турецкому правительству из расчета по 3,5 пиастра за кантар. Получив разрешение, они наугад пробивают отверстия направо и налево. Когда после тысячи таких пробных операций, часто весьма вредных для будущей разработки, им удается отделить поверхностный слой угля, они несут свою добычу турецким чиновникам. Если им удастся получить за нее деньги, они продолжают свои эксперименты до тех пор, пока не наталкиваются на какое-либо затруднение, преодоление которого требует хотя бы небольшого навыка и элементарных технических познаний. Этого обычно бывает достаточно, чтобы вызвать у них отвращение к дальнейшим попыткам. Довольные ничтожным заработком, они идут искать счастья в другое место. Если же турецкие чиновники задерживают выплату скромной суммы, установленной правительством, или же (это случается чаще всего) чиновники предпочитают вообще ничего не платить за товар, бедняки, совершенно разоренные, разбредаются кто куда, выбирая подчас другое ремесло, более выгодное и требующее меньших затрат: воровство или разбой.

Приведенных примеров достаточно, чтобы доказать, что тяжелые условия, в которых находилась турецкая внутренняя торговля и промышленность двадцать лет назад, полностью сохранились и сейчас»²⁵.

Таким образом, анализируя влияние Крымской войны на изменение государственного и административного устройства, состояние экономики в России и в Турции, П. А. Чихачев совершенно справедливо сделал выводы, что в России поражение в Восточной войне сыграло огромную роль в деле перестройки внутренней политики, тогда как в Турции, несмотря на принятые торжественные декреты в 1839 г. и в 1856 г., почти никаких изменений не произошло.

П. А. Чихачев в своих работах борется с проявлениями несправедливости, препятствующими свободному развитию на условиях равноправия различных на-

²⁴ Чихачев П. А. Письма о Турции. М.: ИВЛ, 1960. С. 48—49.

²⁵ Там же. С. 10.

родов, проживающих на территории Османской империи. Особенно в этом отношении заслуживают внимания материалы, отображающие плачевное состояние, в котором находились в Турции христиане, главным образом армяне, подвергавшиеся систематическому притеснению и уничтожению со стороны как турок, так и других мусульман.

В течение ряда лет П. А. Чихачев многократно выступал на страницах периодической печати, характеризуя отдельные стороны жизни в Турции. Кроме того, им написан ряд работ, специально посвященных вопросам политики и экономики страны. Особое внимание заслуживают «Письма о Турции», «Прочтен ли Парижский мир?», «Италия и Турция», «Новая фаза Восточного вопроса», «Цюрихский мир и новый европейский конгресс», «Турция Мир», «Берлинский договор» и др.

Путешествуя по Курдистану, П. А. Чихачев изучил культуру, нравы, обычаи, а также фольклор курдов. В 1853 г. на берегах Евфрата он записал легендарную повесть о двух влюбленных, укрывавшихся на берегах оз. Вингелдар.

«В самой фабуле для нас, европейцев,— пишет П. А. Чихачев,— нет ничего нового или оригинального. Но этот маленький литературный памятник представляет значительный интерес, если себе представить, что баллада написана на языке почти совершенно неизвестном даже крупным ученым-востоковедам и, быть может, столь же древнем, как древние наречия из „Кардуши“ Ксенофонта. Курды, более 12 веков не переселявшиеся и сохранившие обычаи и нравы отдаленных времен, несомненно, говорили в прошлом на том же языке, что и сейчас».

Приключения Сиякмеда и Шемси

Во времена, когда Тимур-паша Милли был исякбаши²⁶, уполномоченным сопровождать семьи (своего племени) во время летнего перехода из пустыни на пастбища Бингёльдага, появился молодой человек из племени Силиван Диарбекир. Он был умен, красив и очень храбр, но не имел никакой профессии и был совершенно без средств. Звали его Сиякмед. Тимур-паша Милли увидел его и взял к себе на службу.

²⁶ Звание чиновников, которых османское правительство назначало в качестве своих представителей при курдских племенах.

У паши была дочь Шемси лет 16—17. Она была обворожительно, отлпчалась исключительной красотой. Сиякмед-Силиви и Шемси, дочь Тимур-паши Милли, понравились друг другу, взаимное чувство перешло в любовь, возрастающую с каждым днем. Сиякмед понимал, что Тимур-паша никогда не отдаст за него дочь по доброй воле. Сиякмед был простым курдом и к тому же слугой, тогда как Тимур — одновременно искянбаши и пашой.

Однажды Сиякмед сказал Шемси: «Доколе будем мы страдать от нашей несчастной любви? Мы никогда не увидим покоя до тех пор, пока мне не удастся тебя похитить. В этом случае мы спасемся или будем настигнуты погоней и убиты. Тогда завершится наша любовь!»

Одним словом, Сиякмед и Шемси решили бежать и ждали благоприятного случая, чтобы осуществить свой план. Пришло время Тимур-паше снимать лагерь. Вот уже все упаковано, люди спешат покинуть пастбище Бингёльдага, чтобы вернуться на зиму в свои дома в пустыне. Сиякмед и Шемси садятся, как и другие, на коней, но остаются в арьбергарде при багаже. Им удается отстать и бежать по направлению к Мушу, по дороге в Хелат. Тимур-паша и его люди, прибыв домой с наступлением ночи, заметили отсутствие Шемси и Сиякмеда. Все принялись кричать, что они исчезли. Тимур-паша немедленно выделяет 500 всадников и посылает их в путь по следам, оставленным вьючными лошадьми. Всадники скачут всю ночь и прибывают с восходом солнца в Бингёльдаг. Они всюду справляются о беглецах и наконец узнают от старика, оставшего от карavana, что Сиякмед и Шемси все время находились в арьбергарде, а затем свернули на дорогу, ведущую в Хелат, и пустились коней галопом. Беглецы были вооружены копыями. Всадники повернули лошадей в указанном стариком направлении и помчались догонять беглецов.

Но что же, однако, произошло с Сиякмедом и Шемси? Проскакав галопом всю ночь и затем еще 20 часов на следующие сутки, они достигли горы Хелат в местечке Сенан. Почувствовав себя в безопасности, они сошли с коней. Вскоре прямо на них вышло несколько оленей. Сиякмед стреляет и ранит одного из них. Олень пытается спастись бегством. Сиякмед вскидывает ружье и бежит за раненым зверем, который карабкается вверх по отвесной скале, повисшей над бездной, затем изнемогает и падает. Сиякмед настигает оленя, выхватывает нож, чтобы прикончить его, но в предсмертной схватке олень ударом рогов сбрасывает Сиякмеда со скалы в пропасть. У подножия ее стояло дерево с остроколючей верхушкой. Сиякмед упал на нее грудью, она пронзила его, и он тотчас скончался. Шемси не знает о его судьбе. Она ожидает его некоторое время у лошадей, а затем, видя, что Сиякмед не возвращается, направляется по его следам и находит убитого оленя. Бросив взгляд в пропасть, она увидела Сиякмеда на дереве. Подумав, что он нарочно влез на дерево, она несколько раз громко окликнула его: «Сиякмед! Сиякмед!» Убедившись в его смерти, Шемси, рыдая, предается отчаянию и наконец бросается со скалы на тело Сиякмеда.

Всадники, посланные за влюбленными вдогонку, подъезжают к месту, где стоят лошади. Шемси еще произносит несколько слов, но вскоре умирает. Влюбленных похоронили

вместе. Могила их и поныне является местом паломничества. Сестра Сиякмеда-Силиви сложила в их честь несколько песен, которые курды поют и в наши дни. Собираясь вместе, они любят вспоминать это предание и петь песни. Песни так трогательны, что даже мужчины плачут над трагической судьбой несчастных влюбленных.

Приведенный образец курдской поэзии — первое литературное произведение такого рода, совершенно неизвестное в Европе. В противоположность обычаям, присущим народам Востока вообще, курдская женщина служит объектом поклонения, и даже славится в народных песнях. Курды во многом придерживаются более либеральных религиозных принципов, чем другие мусульмане.

«Приведу пример очень показательный для мусульманских стран. В десяти милях от г. Муш, расположенного в центре курдского населения, находится большой и богатый армянский монастырь, обладающий уже давно огромным колоколом, созывающим верующих к молитве. Звон колокола, столь неприятный для мусульманского уха, не вызывает никакого раздражения у курдов. Они удовлетворены отношением армянских монахов, всегда готовых оказать своим воинственным хозяевам щедрое содействие, и совершенно не интересуются внешними формами их религии, поскольку она им не враждебна.

Такой пример религиозной терпимости со стороны диких сынов пустыни являет собой резкий контраст с неискоренимым фанатизмом турок, обосновавшихся в крупнейших городах Османской империи и ежедневно общающихся с европейцами. В самом деле, за исключением Константинополя и двух-трех городов побережья, где имеются консульства, христианам не удалось ни в одном из крупных городов страны добиться разрешения пользоваться колоколами своих церквей. В Гиресуне, где христиан больше, чем мусульман, Эрзуруме, Эрзицджане, Адане, Конье, Тарсусе, Токате, Амасье — словом, во всех значительных городах Малой Азии паши, опасаясь негодования мусульман, не посмели дать христианам соответствующее разрешение, несмотря на повторные указы из Константинополя, извещающие христиан о том, что всякое социальное и религиозное неравенство между ними и мусульманами должно отныне исчезнуть»²⁷.

²⁷ Чихачев П. А. Письма о Турции. С. 38—41.

П. А. Чихачев отмечает увеличение работорговли в Турции после Крымской войны, особенно удручают его судьбы черкешенок, перевозимых легально и нелегально из России в Турцию и попадавших в рабство.

«С тех пор как Россия лишилась Черноморского флота, Турция открыто покровительствует гнусной торговле рабами. С ее разрешения рабов высаживают на северном побережье Малой Азии, где местные власти снабжают их удостоверениями, подтверждающими турецкое подданство. Затем их направляют в один из портов побережья, куда заходят австрийские, французские и турецкие пароходы. Они, естественно, не могут не принять на борт пассажиров, чьи документы в порядке, и перевезти их в Константинополь либо в другое место, в зависимости от „спроса“»²⁸.

П. А. Чихачев совершенно справедливо отметил: «все отрасли торговли и промышленности в Турции почти целиком сосредоточены в руках „райа“ (христиан турецкоподданных)».

Карл Маркс в 50-х годах прошлого века, исследуя этот вопрос, спрашивал: «кто ведет торговлю в Турции?» — и отвечал: «Во всяком случае не турки... Греки, армяне, славяне и западноевропейцы, обосновавшиеся в больших морских портах, держат в своих руках всю торговлю»²⁹⁻³⁰.

П. А. Чихачевым также исследована роль отдельных районов Оттоманской империи в транзитной торговле с Персией, и в том числе таких городов Восточной Турции, как Трапезунд, Самсун, Эрзурум.

«Что существенно важно для Эрзурума,— писал П. А. Чихачев,— и обеспечивает ему немаловажную роль в коммерческих сделках на Востоке, так это его транзитные операции. В самом деле, Персия ежегодно пересылает через Эрзурум в Константинополь свыше 10 тыс. «фердэ» шелка стоимостью в 10 млн франков; шали из Кермана, Лахора, Хорасана, Кашмира на сумму 2 400 000 франков, тембеки (табак для кальяна) на 1 000 000 франков; хлопчатобумажных ниток на 200 000 франков; сухофруктов на 900 000 франков, всего на 14 500 000 франков. В свою очередь, Константинополь вывозит в Персию, также через Эрзурум (транспортировка грузов из Эрзурума и обратно производится через Трабзон на пароходах, курсирующих между этими городами за 4 суток), сахар, чай, мануфактуру (главным образом ситцы), медикаменты, стекло, американское полотно и т. д., всего на 24 млн франков... Во всяком случае, вам ясно, что транзитная торговля

²⁸ Там же. С. 72.

²⁹⁻³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 25.

для Эрзурума — жизненно важный вопрос и ее потеря была бы для Османской империи серьезной катастрофой»³¹.

Интересно отметить, что и по этому вопросу Карл Маркс писал: «Константинополь и в особенности Трапезунд, в Азиатской Турции, являются главными центрами караванной торговли с Внутренней Азией, с долинами Тигра и Евфрата, с Персией и Туркестаном... Трапезунд по своему местоположению приспособлен для этой торговли лучше всякого другого пункта. С тыла к нему примыкают армянские возвышенности, гораздо более проходимые, чем сирийская пустыня, и расположен он достаточно близко от Багдада, Шираза и Тегерана; последний служит промежуточным торговым пунктом для караванов, идущих из Хивы и Бухары»³².

В 1853 г. в связи с выходом в свет первой части капитального труда П. А. Чихачева «Малая Азия» в «Вестнике Русского Географического общества» появилась рецензия под заглавием «Новое сочинение П. А. Чихачева», в которой говорится: «Петр Александрович Чихачев, известный путешествиями своими по Алтаю и другим странам, приступил к изданию четырехлетних исследований своих по Малой Азии, стране, столь обильной воспоминаниями древности и столь малоизвестной в нынешнем ее положении.

Первая часть его сочинения под заглавием «Малая Азия» вышла ныне из печати и заключает в себе описание прибрежий, рек, озер, равнин, гор — одним словом, объемлет всю гидрогеографию и орографию Анатолийского полуострова. К ней приложены сорок чертежей и рисунков, снятых на месте, и карта Малой Азии, составленная членом нашего общества А. П. Болотовым. Одной уже карты этой, соединяющей в себе, кроме исследований П. А. Чихачева, все научные данные о стране, достаточно для известного ученого, но Чихачев обследовал Малую Азию по всем почти ее направлениям, определив барометрические высоты более шестисот точек, посетив места самые недоступные и по естественному их положению, и по населению их полукочевыми племенами, не ограничился собственно географическим описанием страны; выходят изыскания его относительно ее геологического строе-

³¹ Чихачев П. А. Письма о Турции. С. 31.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 12.

ния, климата, растительности, статистики и археологии»³³.

В вышедшей в 1855 г. и высоко оцененной Н. Г. Чернышевским работе К. Ф. Свенске «Обзор главнейших путешествий и географических открытий» дается следующая оценка путешествиям П. А. Чихачева:

«Анатолийский полуостров в последние годы был предметом продолжительного и основательного исследования со стороны одного из наших неутомимых путешественников-естествоиспытателей, который в течение с небольшим десяти лет исходил в длину почти весь старый материк, от знойных песчаных степей Африки до хладных гор Сибири и от границы Марокко до пределов Персии. Изучение Малой Азии как относительно физического, в особенности геогностического и топографического его характера, так и всего быта народного было целью новейшего предприятия П. А. Чихачева... Наш отважный естествоиспытатель, конечно, не без опасных, неоднократно угрожавших его жизни, приключений благополучно исполнил весь предначертанный им маршрут, и притом не в прямой только линии, а с беспрестанными отклонениями в сторону, по самым крутым и отдаленным горным тропинкам.

С редким присутствием духа и свойственной русскому находчивостью он невредимо выходил из самых затруднительных положений...»

Добыча, которую П. А. Чихачев собрал во время этих многотрудных странствий, состоит, во-первых, из обильных материалов для всеобщей геогностической карты Анатолийского полуострова; во-вторых, из собранной им одним, без всякой посторонней помощи, коллекции до 3000 геогностических и палеонтологических предметов; сверх того он приобрел себе немалую заслугу учреждением в Константинополе, Трапезунде и Кесарии постоянных метеорологических обсерваторий и снабжением их всеми потребными снарядами.

Весьма многого ученый мир вправе ожидать от этого замечательного из всех новейших путешествий по Малой Азии³⁴.

³³ Вестн. ИРГО. СПб., 1853. Т. VII, кн. II. С. 137—138.

³⁴ Свенске К. Ф. Обзор главнейших путешествий и географических открытий в пятилетие с 1848 по 1853 г. СПб., 1855. С. 180—186.

В 1859 г. в Живописной Русской Библиотеке была помещена обширная статья, характеризующая важность работы П. А. Чихачева «Письма о Турции».

«Ученый соотечественник наш, г-н Чихачев, издал новое сочинение о Турции,— говорится в этой статье. — Приятно читать справедливые хвалы, воздаваемые соотечественнику нашему, но еще приятнее видеть, что книга П. Чихачева достойна их и отличается беспристрастным суждением о нынешней Турции»³⁵.

В 1868 г. в журнале Министерства народного просвещения дается следующая оценка работам П. А. Чихачева по Малой Азии:

«Сочинение г. Чихачева выходит из ряда обыкновенных. Все, что было написано о Малой Азии, начиная с древнейших писателей и оканчивая современными нам, исчерпано вполне и проверено критически личными наблюдениями автора. Труд г. Чихачева давно уже оценен первоклассными учеными»³⁶.

Выдающийся русский географ и путешественник, вице-председатель Русского Географического общества Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский в своей работе «История полувековой деятельности Русского Географического общества» писал:

«...переходя затем к путешествиям и исследованиям членов Географического Общества в ближайшей и Передней Азии в рассматриваемом периоде, заметим, что самым плодотворным из них является путешествие уже прославившегося своими путешествиями в 1842 г. по Алтаю действительного члена Петра А. Чихачева по Малой Азии.

Чихачев с целью получить геологический разрез всего полуострова Малой Азии проехал его в 1846 и 1847 гг. во всю его длину по двум параллельным линиям не говоря о многочисленных отдельных поездках по Малой Азии в разных направлениях. В 1848 г. Чихачев снова возобновил свои странствования по Малой Азии, и результатом его трехлетних исследований явились богатые материалы для геологической карты всего Анатолийского полуострова, журналы его путешествий и прекрасные геологические и палеонтологические коллекции. Предварительный краткий отчет о путешествиях Чихачева был уже напечатан в виде брошюры в

³⁵ Живописная Русская Библиотека. СПб., 1859. Т. IV. С. 115.

³⁶ Журнал Мин. народ. просвещ. СПб., 1868. Ч. СXXXVIII. С. 243—244.

1850 г., а обширное сочинение его о Малой Азии вышло гораздо позже»³⁷.

Высокую оценку научным статьям П. А. Чихачева, посвященным Малой Азии, не говоря уже о его капитальных трудах, дал Николай Гаврилович Чернышевский.

Касаясь некоторых из статей, вошедших в состав трудов восточного отделения Русского Археологического общества, Н. Г. Чернышевский особо отметил большое значение работы П. А. Чихачева. Он считал, что П. А. Чихачев относится к тем людям, «трудами которых обогатились познания человечества».

Не менее высокую оценку получили труды о Малой Азии русского вдумчивого ученого и неутомимого путешественника П. А. Чихачева также и за пределами его родины.

Крупнейшие западноевропейские географы XIX и XX вв., в том числе и такие, как Гумбольдт, Филиппсон, не только давали блестящие отзывы о его работах, но часто пользовались материалами, собранными отважным исследователем, для своих работ. Работы П. А. Чихачева получили всеобщее признание в Англии, Германии, Италии, Франции, США и в других странах. Один из лучших французских литераторов — академик Сен-Мар-Жиарден в журнале «Дебаты» в 1859 г. писал:

«Я читал много книг о Востоке, и особенно о Турции. Но не знаю ни одной, которая заняла и научила бы меня больше, нежели „Письма о Турции“ г-на Чихачева. Он европейский ученый первого разряда, и его научное путешествие по Малой Азии почитается авторитетом.

Очень понятно, что не с этой стороны я осмеливаюсь хвалить г-на Чихачева: я люблю в нем путешественника и наблюдателя и предоставляю моим ученым собратьям по Академии наук хвалить русского ученого...

Удивительно приятно и вместе с тем так редко можно найти в рассказе о путешествиях — путешественника, т. е. человека и еще такого, что его впечатления и ощущения стоят труда полюбить их»³⁸.

³⁷ Семенов-Тянь-Шанский П. П. История полувековой деятельности РГО. СПб., 1896.

³⁸ L'des Debats. Paris, 1859.

Высокую оценку исследования П. А. Чихачева продолжают получать и в наши дни (работа профессора Оксфордского университета Джона Бейкера, вышедшая в Лондоне в 1945 г. под названием «История географических открытий и исследований»).

Касаясь исследований Малой Азии, автор особое место отводит немецкому ученому Г. Киперту, который, начиная с 1841 г. и кончая 1899 г., систематически работал над ее изучением. В то же время автор отмечает, что «с исследованиями Малой Азии, предельными Г. Кипертом, могут поспорить лишь исследования русского путешественника П. Чихачева; он начал свои путешествия в 1842—1844 гг., будучи аташе русского посольства в Константинополе, возобновил их в 1848—1853 гг., когда он в ходе шести путешествий объездил всю страну, и в третий раз вернулся в Малую Азию и Армению в 1858 г. Его работа представляет особенный интерес для геологов и ботаников»³⁹.

Как известно, в первой половине XIX в. исследованием Малой Азии, кроме русских, занимались западноевропейские и даже американские путешественники и дипломаты. Особенно большое число западноевропейских исследователей хлынуло в Малую Азию в середине прошлого века. Но так как большинство из них в отличие от русских исследователей ограничивались исследованием легкодоступных районов и не рисковали продвигаться в глубь Малой Азии, то материалы, собранные ими, зачастую были или уже известны, или не представляли большого интереса.

Фридрих Энгельс, характеризуя изученность Турции западноевропейскими и русскими исследователями, в 1853 г. писал:

«Турция была до греческого восстания во всех отношениях *Terra incognita*, и распространенные о ней среди публики банальные представления покоились больше на сказках из «Тысячи и одной ночи», чем на исторических фактах. Правда, официальные дипломатические представители, побывавшие в Турции, хвастались, что они обладают более точными знаниями; но и эти знания были ничтожными, так как никто из этих официальных лиц не потрудился изучить турец-

³⁹ *Baker. I. N. L. A History of geographical discovery and exploration. London, 1945.*

кий, южнославянский или новогреческий язык, и все они полагались на тенденциозные сообщения переводчиков-греков и французских купцов. К тому же эти праздные дипломаты постоянно тратили время на всевозможные интриги. Похвальное исключение составляет среди них только Йозеф фон Гаммер, немецкий историк Турции. Эти господа несколько не интересовались народом, учреждениями и общественным строем страны; они занимались только двором и в особенности греческими фанариотами...

В России, которая сама является страной с полуазиатскими общественными условиями, обычаями, традициями и учреждениями, нашлось достаточно людей, способных понять истинное положение и характер Турции...»⁴⁰.

Мы не сомневаемся в том, что высокая оценка работ русских исследователей Турции, данная Ф. Энгельсом, относится прежде всего к неутомимому исследователю этой страны, великолепно владевшему рядом языков, в том числе турецким, южнославянским и новогреческим, прошедшему около 20 лет в Малой Азии в ее самых отдаленных районах,— к Петру Александровичу Чихачеву.

И как бы в подтверждение значимости научного вклада, сделанного нашим соотечественником, профессор М. Н. Анненков на Бернском конгрессе географов в 1891 г. в своем докладе об успехах географии отметил, что исследованием Малой Азии занимались ученые разных стран мира — «В. Гамильтон, Эпсворд, Тэксье, Лёба, Валдингтон, Феллоу, Перрот, Барт, Киперт и прежде всего Пьер Чихачев, который, за исключением археологии, сделал один столько же, сколько все другие вместе, и изучил во всех направлениях эту в высшей степени классическую страну»⁴¹.

В 1867 г. в Германии известный немецкий географ, доктор А. Петерман опубликовал дневники путешествий П. А. Чихачева по Малой Азии.

Дневники эти были подготовлены крупным немецким ученым Кипертом. В них подробно, не только по дням, но и по часам, описываются все маршруты П. А. Чихачева по Малой Азии. Ценность этих днев-

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 20—21.

⁴¹ Вестн. Европы. 1891. Т. I. С. 410.

ников заключается не только в том, что они с хронологической последовательностью отображают маршруты неутомимого русского исследователя, но содержат оригинальные толкования ученого по ряду важнейших историко-политических и социально-экономических вопросов.

Особого внимания заслуживают записи ученого, касающиеся Крымской войны.

Весьма любопытный материал приводит П. А. Чихачев об отвращении жителей Турции к войне с Россией. Когда турецкие чиновники, как и в других частях страны, набирали рекрутов для войны с Россией, Петр Александрович встретился с главой отряда Али-беем. «Самого Али-бея я застал, когда он ругался с турецким чиновником, прибывшим сюда, чтобы набрать для войны против России 150 рекрутов из его племени, в чем предводитель последнего отказал наотрез. В ответ на угрозы чиновника Али-бей высказал свое неодобрение наступлению, спровоцированному по чужому наущению, открыто выразил также свое презрение бессилию турецкого правительства в проведении самостоятельной политики; тут же он сообщил мне о происшедшей ссоре, изложил содержание разговора с турецким чиновником и заверил в том, что, несмотря на мою хорошо известную ему национальность, мне нечего бояться, пока я нахожусь у его племени»⁴².

В обороне Севастополя

В то же время, когда Петр Чихачев, несмотря на начавшуюся русско-турецкую войну, заканчивал свое шестое путешествие по Турции, его младший брат, Платон, после Хивинской экспедиции и поездки в Алжир для поправки здоровья приступил к приобретению необходимых научных познаний в Париже, Берлине, а затем в России.

С 1850 г. и вплоть до начала Крымской войны Платон Александрович занимался в Пулковской обсерватории прикладной астрономией под руководством выдающихся астрономов академиков Василия Яковлевича и его сына Отто Васильевича Струве. Начавшая-

⁴² Чихачев П. А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970. С. 217.

ся Крымская война отняла у него последнюю надежду организовать новую экспедицию (для исследования таинственного Памира.— В. Ц.), и вместо этого он отправился в Севастополь для участия в войне.

Первое время Платон Александрович был направлен в район Сапун-горы, уже занятой английскими войсками, французские же подразделения находились на подступах к Карантипной бухте. С прибытием в Крым в феврале 1855 г. нового командующего войсками генерал-адъютанта князя Михаила Дмитриевича Горчакова, которого Платон Александрович знал по русско-турецкой войне 1828—1829 гг., он был переведен в штаб главнокомандующего.

Находясь при главнокомандующем, Платон Александрович, хорошо владевший западноевропейскими языками, выполнял различные задания штаба, в том числе и такие, как опрос военнопленных, выслушивание и разбор письменных претензий, посещение лазаретов и т. д.

Из дневника Платона Александровича Чихачева видно, что и ему приходилось выполнять довольно рискованные задания. Так, в октябре 1855 г. Платон Александрович писал:

«Неистовый гул тысячи орудий, длившийся более одиннадцати месяцев, внезапно умолк вокруг Севастополя. Занятие французами Малаховой башни и переправа наша на Северную сторону Севастополя положили копец беспримерной осаде и беспримерной защите нашей крепости. Французы вошли наконец в оставленную нами Южную сторону, обращенную в развалины, а Северная все еще стоит непоколебимо и не дает врагу овладеть столь вождеденною для него бухтой. Прозорливая мысль сохранить во что бы то ни стало этот морской оплот наш уничтожила возможность воздвигнуть на его берегах какой-нибудь новый Гибралтар. С конца августа до начала ноября все стратегические соображения союзников доказывали ясно, что единственная цель их была овладеть этой завидной местностью. Вследствие того самый театр и характер войны отчасти изменились: искусственные твердыни Севастополя уступили место твердыням естественным, которые тянулись от Инкерманских высот до Южного берега.

Повсюду неистощимая изобретательность англо-французов выразилась в удивительной игре ложных движений и демонстраций. Беспорывные рекогносцировки, марши и контрмарши сильных летучих отрядов, погрузка и выгрузка войск, обманчивые передвижения судов по всем направлениям Черного моря, перемежающиеся бомбардировки Северного укрепления — словом, все то, что можно было придумать, чтобы сбить с толку противника и раздробить его силы, было совершено неприятелем в течение целой осени... Чудовищные мор-

тиры¹ и пароходный винт, бывшие для союзников главными виновниками их успехов, перестали служить им. Миновала также вынужденная неподвижность наших войск, долгие прикованных к бастионам; они сумели удачно удержать все свои позиции, между тем как батареи Северной постоянно умножались на защиту бухты.

Один из замечательнейших маневров неприятеля за это время состоял в движении, предпринятом им из Байдарской долины против нашего левого фланга. На самые вершины одного из отрогов Яильского хребта², занятого нашими передовыми пикетами и, вероятно, прозванного ими же Перевалом, французы выставили вдруг двадцатитысячный отряд. Когда неприятель стал стягивать большие массы войск в Байдарскую долину и занял Перевал, то к нашему авангарду присоединены были Смоленский и Кременчугский полки, при четырех орудиях и двух эскадронах драгун. Впоследствии и это подкрепление оказалось недостаточным, потому что французы, против общего ожидания, двинулись внезапно по неудобопроходимым тропинкам целыми тремя дивизиями пехоты, с двадцатью эскадронами африканских конных егерей (*chasseurs d'Afrique*), при нескольких орудиях к самому аулу Кутлер-Фонцале. Перед таким превосходством сил наш маленький отряд, естественно, не мог держаться. Он отступил и залег между скал близлежащих Аергульских высот, надеясь тем самым завлечь за собою пылкого противника и дать подоспеть поджидаемому подкреплению. Но французы не только не дерзнули атаковать эту отважную горсть людей, а с поспешностью отступили ночью, избегая всякого боя, на прежде занятые ими горные проходы, как скоро смекнули, что подходит на выручку наше подкрепление.

Что же значило это наступательное движение, сопровождаемое разными другими демонстрациями, в виду самого центра наших позиций у Мангун-кале? Главной целью его не могли же быть одни рекогносцировки, ибо на то не нужны целые корпуса; да притом вся долина Верхнего Бельбека давно уже была видна французам, как на ладони. Между тем устройство завалов, редута и шоссе по обоим скатам перевала для провоза артиллерии и обозных фур явно указывало на серьезное намерение проложить себе дальнейший путь, вероятно, к Бахчисараю и Симферополю; беспрестанное же отправление войск морем из Балаклавы и из Камыша в Евпаторию еще более подтверждало вероятность общего движения против нашего тыла и левого фланга. Из всего этого стало очевидно, что неприятель, не осмеливаясь атаковать с фронта сильно укрепленную позицию нашу на Северной и вдоль Черной, желал, как уже сказано, выжить нас оттуда, непрерывно угрожая отрезать линию наших сообщений с Перекопом. Нетрудно понять, что в подобных обстоятельствах поло-

¹ В последние времена осады слишком 400 мортир и 800 пушек небывалых размеров день и ночь громили злосчастный Севастополь. Было выпущено против сего города в одни сутки, предшествующие штурму 27 августа, без малого 100 000 снарядов, кроме неизмеримого числа навесных конических пуль.

² Известно, что Яильский хребет отделяет Южный берег и гористую полосу Крыма от северных степей его.

жение наше было весьма незавидное и что одна лишь стойкая распорядительность и неусыпная бдительность за всеми движениями союзников могли до некоторой степени нас обеспечить. По сему решено было, между прочими охранительными мерами с нашей стороны, узнать достоверно, каковы силы и расположение войск французских не на одном Перевале, но и в самой Байдарской долине, которая должна была служить операционной линией всех будущих движений против нашего левого фланга.

В ауле Кутлер-Фодцале находилось тогда небольшое число черноморских пластунов, имя которых навеки связалось с геройской защитой Севастополя. Происхождение, образ жизни и характеристика этих замечательных людей довольно уже известны. Излишне было бы вдаваться по сему предмету в ученые разыскания, особенно здесь, между этих строк, набросанных на бумагу посреди бивуачной жизни и походов по Крымским горам. Дело просто состояло в том, что в конце октября месяца, часу в восьмом вечера, пластуны ускользнули тайком без долгих приготовлений из аула Кутлер-Фодцале. Путь им предстоял дальний и небезопасный: нужно было прокрасться через сильный неприятельский лагерь, стоящий на гребне Перевала, в самую Байдарскую долину, где сосредоточен был целый первый французский корпус. Туда и обратно было без малого 40 верст ходьбы, а времени — только от зари до зари. Поседельный на службе майор Д, барон Ф и я охотно вызвались на эту работу и затем, приладив к ногам нашим черевики³ и осмотрев тщательно оружие, пустились мы все вместе, молча, в поход. До подошвы Перевала пробирались мы верст пять вдоль садов и мимо татарских аулов, лежащих на верхних уступах Бельбекской долины. От жителей их необходимо было скрывать для того, чтобы кто-нибудь из них предательски не известил французам о нашем предприятии. Наконец, оставив далеко за собой наши передовые ведеты, мы достигли той тропинки, которая вилась по скалистым бокам горы и вела прямо в неприятельский лагерь. Тут пластуны наши вздрогнули и вдруг приостановились: над ними сверкнули внезапно промеж горных тепей неприятельские огни... Среди ночной мглы мы ползли по сбивчивым извилинам подъема, и у нас захватывало дух от беспрестанного ожидания наткнуться на французскую передовую цепь. Малейший шорох осеннего лиственника или полуглушенный кашель какого-нибудь на землю ртом бросившегося пластуна пригвождали нас к месту, и руки невольно хватались за курки. Ни одного слова не проскользнуло между нами; едва слышные «чу» или «пш» обозначали движение вперед или назад. Таким образом, в продолжение трех часов взбирались мы постепенно на мудреные крутизны Перевала, придерживаясь как можно левее к обрывистым скалам, отделяющим его оконечность от соседней горы Ай-Димитрий. Мне привелось на моем веку исходить довольно гор, долин и ущелий в обоих полушариях; знал я много пешеходов, принадлежащих ко всевозможным народам, но, признаюсь, нигде не встречал молодцов, подобных нашим

³ Черевики суть род американских мокасинов (moccassins), т. е. кожаные лапти без подошв, в которых можно ходить без малейшего шума.

пластунам. Они не только отличные скороходы и стрелки, но и еще отважные воины, душа аванпостной службы.

На самом гребне Перевала посреди кустов притаились мы молчаливо. Вблизи тлелся еще огонек французского передового пикета, который, видимо, был снят недавно. Странная игра судьбы пронесла нас безвредно сквозь неприятельские линии в самый их тыл... Нас окружала гробовая тишина, прерываемая лишь изредка окликаками часовых. Луна освещала главные очерки фантастической местности и придавала им вид невыразимо томный, смиренный и даже сентиментальный — столь противоположный нашим тогдашним ощущениям.

Наконец заметив, что туманные облака, клубившиеся над Байдарской и Бельбекской долинами, начали уже сквозиться, мы чутко поднялись на ноги и, оглянувшись еще раз, быстро тронулись вперед. Нам предстоял спуск довольно трудный: множество тропинок разбегалось во все стороны по густому лесу; их нередко пересекали срубленные на завалы или сложенные бурей деревья. Конечно, тут мудро было угадать направление пути, но пластуны со свойственной им чуткостью выбирались удачно в прогалы для осмотра окрестности и наконец вывели нас на чичу. Мы взойшли на правые уступы Байдарской долины, вдоль которых — меж двумя французскими лагерями — оставалось еще прокрасться верст около восьми до татарского аула Уркусты. Там-то скрывалась добыча, столь пленявшая воображение пластунов, — парк неприятельской артиллерии. Едва мы спустились в самую долину, как наткнулись на продолженное французами отличное шоссе, связывающее их лагерь на Перевале с так называемым Воронцовским шоссе на Черной и с аулом Багою. Светло-желтый отлив шоссевого полотна ярко отражался при месячном сиянии; малейший движущийся на нем предмет мог быть замечен издали.

Разговор гревшихся, не спавших неприятельских солдат, храп лошадей в коновязях и звук цепей их делались более и более внятными. С раздраженными до нельзя нервами зашли мы на самом краю дороги, ведущей в лагерь, возле какой-то полковой бойни. Там открылось нам все, как на ладони. Слешком 20 орудий стояло перед нами на передках своих; кругом артиллерийский лагерь и коновязи африканских егерей. Далее по Байдарской долине сверкало еще множество разбросанных полупогасших огней, указывавших на многолюдные бивуаки. Цель нашего похождения была достигнута: мы подробно осмотрели позицию неприятеля и измерили с приближительной точностью его силы в этой местности.

Обратный наш путь не был ознаменован ничем достопримечательным. Ознакомившись с местностью, освоившись с опасностями нашего дела, мы уже непрерывно гнулись в три погибели, а большей частью шли прямо и смело. На самом Перевале нашли мы все еще тлевшийся огонек французов, но их самих там не было. Мы запалили наши трубки на неприятельских кострах и живою рысью стали спускаться к аулу Маркуру, в Бельбекскую долину. Дорогой дивились мы невольно на оптический обман, причиняемый огнями наших бивуаков, растянутых длинным поясом вдоль вершин напротив лежащих Аергульских высот. Они пылали, как будто воздушные горы, сквозь облеглий вокруг их утренний туман.

Странное дело! Удача нашего похождения, а также пробуждающаяся вокруг нас природа так заняли всех, что мы почти не заметили, как очутились в долине, и, несмотря на огромный переход, не чувствовали особой усталости. Около полудня до рассвета прошли мы через наши передовые посты. Казаки и штудерные не могли надивиться, что мы воротились не только живыми, но даже не изуродованными. Отдав отчет в вверенном нам поручении, мы наконец прилегли отдохнуть и скоро заснули мертвым сном на наших стоянках в ауле Кутлер-Фопцале.

Так окончилась наша Байдарская ночь. Долго стану ее помнить; помнить также прелестную местность, в которой я ее провел. От Севастополя до Ялты не встречал я крымской природы в такой нарядной обстановке, как здесь, особенно в те минуты, когда она озаряется беспрестанно изменяющимися световыми отливами утреннего или вечернего солнца. Близ истоков Бельбека и Черной известковые скалы Крыма вообще теряют свой угрюмый, обрывистый и опустошенный вид. За исключением собственно Яйльского хребта, увенчанного вдали пересеченным конусом Чатыр-Дага, являются там большей частью округленные игривые холмы, украшенные зеленью и кустарником, сквозь который мелькают воздушные Чагири (горные пастбища). Широкая и плоская возвышенность образует здесь гребень самой Яйлы, а с последней окраины ее внезапно расстилается пышная панорама садов и вилл Южного берега. За ними же омертвевшая ныне синева Черного моря».

Снова в Италии

После окончания Крымской войны Платон Александрович выехал в Италию, где его брат, Петр Чихачев, вернувшись из своего шестого путешествия по Турции, приступил к написанию и изданию многотомного классического труда «Малая Азия», а также ряда работ историко-политического и социально-экономического характера.

Со времени первых своих научных путешествий и до последних дней жизни Петра Чихачева наряду с Восточным вопросом, связанным с судьбами славянских народов, испытывавших гнет турецкого ига, особенно волновал Итальянский вопрос.

«Италия и Турция,— писал П. А. Чихачев,— находясь в самых благоприятных географических условиях для развития материальной и интеллектуальной жизни, являются фактически двумя поразительными олицетворениями упадка человеческого величия, два надгробных памятника, предназначенных увековечить память о славном прошлом... Пока над этими странами висело могильное молчание, Европа могла сохранять иллюзию. Но уже давно неподвижные тела жертв

стали проявлять признаки жизни и трупы, считавшиеся навеки безмолвными, встают и угрожающе громким голосом требуют возвращения им их места под солнцем»¹.

П. А. Чихачев отмечал, что итальянец XIX в. по вине собственного монарха страдает не меньше, чем смиренный райя, склоняющийся веками в пыли перед мусульманским господином.

П. А. Чихачев непосредственно наблюдал и восторженно встретил национально-освободительное движение в Италии в 1839—1841 гг., и с этого времени он не только с глубоким вниманием следил за непрекращающейся героической борьбой итальянского народа, но и горячо поддерживал ее.

Путешествие по Италии П. А. Чихачева проходило в период развернувшегося национально-освободительного движения итальянского народа не только против иностранного ига, но и против феодально-абсолютистской реакции.

Несмотря на поражение итальянцев в освободительной войне с Австрией в 1848—1849 гг., уничтожение иноземного гнета и объединение Италии в единое национальное государство продолжали оставаться основной задачей итальянского народа. С первых лет второй половины XIX в. освободительное движение расширялось, как в результате обострения классовых противоречий и нарастания буржуазно-демократической революции внутри Италии, так и под воздействием роста революционного движения в странах Европы. 50—60-е годы в Западной Европе характеризовались дальнейшими успехами капитализма.

Спад революционного движения после поражения революции 1848 г. сменился новым подъемом, связанным с мировым экономическим кризисом 1857—1858 гг., успехами капитализма в Центральной и Восточной Европе, поражением царизма в Крымской войне, нарастанием революционного движения в России, ослаблением феодальной Турции, ростом национально-освободительного движения в Польше, Венгрии, Италии и других странах.

В Италии все чаще выдвигались лозунги за народную войну против австрийских угнетателей, за провозглашение буржуазных свобод, объединение в еди-

¹ *Tchihatcheff P. Italie et Turquie. Paris, 1859. P. 1—3.*

ное государство, создание республики, принятие конституции и т. п.

П. А. Чихачев, характеризуя внутреннее положение Италии 1859 г., отмечает, что огромные контрибуции, неправильно и нелепо распределенные, разорили торговлю, задавили деревню и являлись важнейшей причиной уменьшения населения страны. Легкие на плечи народа концессии обогащали нескольких правителей, но вызывали в народе чувство презрения и ненависти к столь слепому и несправедливому правительству.

«Каждый взлет мысли рассматривался как выпад против правительства, всякая свобода слов и печати была отнята у подданных, всякое публичное выступление и обсуждение было запрещено. Для более строгого надзора за умами правительство призвало на помощь инквизицию и сделало из нее верного стража всякого рода деспотизма»².

Главными силами, препятствовавшими осуществлению национально-освободительного движения и воссоединению разрозненных итальянских государств в единое национальное государство, являлись Австрия, все еще удерживавшая под своим господством итальянские земли (Ломбардо-Венецианскую область), и сторонники феодально-абсолютистского строя — дворянство и духовенство. В то же время либерально-монархическая буржуазия и либерально-буржуазная часть дворянства, боясь углубления революционного движения внутри страны, стремились предотвратить развитие буржуазно-демократической революции и разрешить назревшую проблему национального объединения Италии «сверху», заручившись поддержкой по этому вопросу прежде всего крупных европейских государств — Франции времен Наполеона III и Англии. Несмотря на тайное соглашение Наполеона III и Кавура (лидера крупной буржуазии, занимавшего большой государственный пост в Сардинском королевстве), заключенное в Пломбьере в июне 1858 г., по вопросу освобождения Италии от Австрии, Наполеон III принял в ходе победоносной войны предательское по отношению к своему итальянскому союзнику решение, заключив в июле 1859 г. с Австрией тайный прелиминарный Виллафранкский мир, завершивший войну присоединением к Сардинии только Ломбардии

² Ibid. P. 25—26.

вопреки условиям Пломбьерского соглашения, предусматривавшего изгнание австрийцев из Италии и присоединение к Пьемонту Ломбардии и Венеции. Решающей причиной такой политики Наполеона III явилось то, что он не предвидел столь быстрого и победоносного продвижения Гарибальди по Ломбардии и связанного с этим роста народного революционного движения по всей Италии (восстания в Тоскане, Парме, Модене, Романье).

По Виллафранкскому миру все итальянские государства, а также Венеция, оставшаяся за Австрией, должны были войти в конфедерацию под главенством папы. Этим самым формально демонстрировалось итальянское единство, фактически же Наполеон III предусматривал закрепление раздробленности Италии. По этому же договору в Тоскане, Парме и Модене восстанавливалась власть свергнутых восставшим народом прежних герцогов. Как известно, условия позорного Виллафранкского договора были спешно подкреплены не менее позорным Цюрихским мирным договором 1859 г. Ни Виллафранкский, ни Цюрихский договор не могли помешать объединению Италии. Все попытки реставрации мелких государств и планы создания конфедерации потерпели крах. Модена, Парма, Тоскана и входящая в состав Церковной области Багонья в течение зимы 1859/60 г. присоединились к Сардинии. Так закончился первый этап объединения Италии.

Большой интерес, особенно для историков и филологов, представляют работы П. А. Чихачева, написанные в Италии в 1859 г., т. е. в период разворачивания таких событий, как заключение Виллафранкского и Цюрихского мира.

Чтобы читатель мог ознакомиться со стилем изложения Петром Чихачевым столь важной международной проблемы, как «Цюрихский мир и новый европейский конгресс», мы считаем важным привести хотя бы пару первых страниц этого интересного труда, к сожалению пока еще не изданного на русском языке.

«Вулкан наконец прорвал покрывающую его оболочку, и мы только что присутствовали при его страшном извержении. Одни встретили его с ужасом, другие — с радостью и все — с одинаковым интересом, который неизбежно проявляется при каждом предвиденном и долгожданном событии. Не было человека, не понимавшего, что Италия продолжает изны-

вать под гнетом Австрии в результате несправедливой коалиции всей Европы, выбравшей себе жертву...

Разрешение вопроса дипломатическим путем было бы, несомненно, самым желательным, однако с одним условием, а именно чтобы в переговорах предусматривалось полное освобождение Италии как от материальной зависимости, т. е. полное освобождение ее от господства иностранцев, так и от моральной, т. е. предоставление Италии демократического режима и отказ от всего, что делало ее существование и ненадежным и призрачным. К сожалению, европейские кабинеты по-другому понимали применение дипломатических путей. Они приступили, или хотели приступить, к переговорам об устранении затруднений, связанных с положением Италии, не нанося ущерба территориальному «status quo», а следовательно, сохраняя господство Австрии, причем одни считали, что для достижения желаемой цели достаточно договориться с Австрией, другие же, наоборот, утверждали, что лучше было бы придерживаться совместного образа действий.

Наконец, пока шло обсуждение вопроса о способе, который следует применить для разрешения вопроса, не прибегая к войне, последняя внезапно разразилась, положив конец дискуссиям. Таким образом, историю попыток, предпринятых в последней инстанции, для разрешения итальянского вопроса можно разделить на три периода: английский, русский и французский.

Английский период — это время сделок, робких, туманных или призрачных, он включает переговоры министерства Дерби с Венским двором. Мы имеем возможность дать им оценку, поскольку парламент уже обнародовал официальные документы, относящиеся к этому вопросу...

Благодаря князю Горчакову Италия была вовремя вырвана из уз разорительной опеки посредничества лорда Дерби, и, таким образом, английский период уступает место русскому.

Русский период, явившийся действительно серьезным этапом дипломатических переговоров, ведущих к разрешению итальянской проблемы, охватывает переговоры, начатые Россией для того, чтобы их передать на рассмотрение конгресса великих держав, куда первоначально не хотели пускать Сардинию, но впоследствии предложили объявить свободный доступ для всех государств Италии. Перед проектом Дерби данный проект имел огромное преимущество: он не ставил в зависимость от произвола или великодушия Австрии уступки, которых хотелось добиться для Италии. К сожалению, русский проект грешил также ограничениями, ибо на берегах Невы, подобно тому, как и на берегах Темзы, были, видимо, проникнуты уважением к неприкосновенности австрийских владений в Италии. Поэтому если миссия лорда Коули была для Италии истинной опасностью, избавлению от которой она не могла нарадоваться, то проект конгресса, предложенный Россией, хотя и представлял собой законные мотивы для надежды на более светлое будущее, все же не полностью обещал его осуществление. Таким образом, пока сохранялось это сакральное «status quo», в отношении территории только война представлялась, как для Италии, так и для всех тех, которые действительно желали ей добра, единственным средством

спасения. И тогда все усилия, сделанные в пользу освобождения Италии, вошли в ту фазу, которую можно определить как *французский период*. Период военного действия».

В этой работе заслуживает внимания то, что австро-итало-французскую войну 1859 г. П. А. Чихачев оценивает как войну «в высшей степени революционную». Все войны, возникающие между народами, П. А. Чихачев классифицирует на две группы: к первой группе он относит «войны захватнические, не опирающиеся ни на какой моральный принцип, но только на грубую силу или на кровавадные инстинкты»³. Ко второй группе П. А. Чихачев относит войны национальные, «войны революционные». Категория национальных войн включает в себя «войны, имеющие целью искоренение несправедливости или отвращение нападения, направленного против независимости, чести или достоинства нации»⁴.

Хотя П. А. Чихачев не дает в своей классификации войн классового определения их источников, тем не менее характеристика войн, данная им, свободна от таких буржуазных, антинаучных, человеконенавистнических принципов, как этнический или биологический, которые клались в основу при определении источника войн большинством философов, социологов, политиков и военных идеологов того времени.

После определения характера австро-итало-французской войны как войны освободительной для итальянского народа и в «высшей степени революционной» П. А. Чихачев пытается обосновать законы развития революций как «при революциях, вызванных с целью освобождения народа от власти монарха», так и при «революциях, связанных с освобождением от чужеземного ига».

«Всякая революция,— писал П. А. Чихачев,— является сражением, во время которого принципы справедливости и добра кажутся временно переместившимися, ибо то, что еще вчера считалось достойным осуждения, сегодня расценивается как справедливое и допустимое явление.

Очень трудно сохранить во время революций, даже самых необходимых, тот моральный характер, который должен им служить основанием... Народ, так дол-

³ *Tchihatcheff P. La Paix de Zurich et le nouveau congres europeen. Bruxelles, 1859. P. 10—11.*

⁴ *Ibid.*

го погруженный в ненавистное прошлое и превративший в лютую ненависть законный гнев, может во время революций не всегда соблюдать границы справедливости, так как отчаяние и жажда мести подчас отравляли самые благородные чувства. Тот, кому придется направлять эти движения, не всегда сможет руководить ими, так как вместо того, чтобы следовать по течению реки, текущей по умело вырытому руслу и с заранее построенной плотиной, ему придется иметь дело с бурным потоком, воды которого, освободившиеся от своей тюрьмы, бурно хлынут, смешавшись с илом и гравием, лежавшими на их дне, и одинаково затопят как пустыни, так и жатвы, вместо того чтобы пощадить последние и оживить первые. Нужно ли из этого делать вывод, что для того, чтобы избежать столь быстро проходящие опустошения, лучше было бы прозябать в состоянии постоянной бесплодности? Нет, конечно...

Так как в течение веков Австрия являлась для Италии символом деспотического режима, проявлявшегося либо непосредственно в ее итальянских владениях, либо режим этот проводился местными владельческими князьями, превратившимися в самых ничтожных из вассалов Австрии, то война, объявленная этой стране с целью освобождения ее итальянских владений, была и не могла быть иной в глазах Италии, как крестовым походом, направленным против всего, что на полуострове было проявлением системы ее векового угнетения»⁵.

Отмечая героизм итальянского народа, а особенно солдат Д. Гарибальди, П. А. Чихачев в то же время подчеркивает его исключительную дисциплинированность, источником которой являлся долг перед освободительной войной.

«Итальянские народы,— писал он,— показали пример удивительной дисциплинированности и сдержанности, равный их героизму. С хладнокровием, свойственным только гражданской доблести, превышающей военное мужество, они придерживались той линии поведения, которую начертали им долг и необходимость освободительной войны»⁶.

⁵ Ibid. P. 16.

⁶ Ibid. P. 23.

Н. Г. Чернышевский, так внимательно следивший за освободительным движением в Италии, писал. «Дивная энергия, высказанная волонтерами Гарибальди, была выражением народных сил Италии»⁷.

Таким образом, П. А. Чихачев еще в период войны показал ее всенародный характер, рассматривая войну 1859 г. как справедливую для итальянского народа, как освободительную, и отнес ее к войнам революционным. «Если считать априорно,— писал он,— то война за независимость Италии является в высшей степени революционной»⁸.

Внезапное окончание Францией военных действий и заключение Виллафранкского мира с Австрией вызвали всеобщее удивление и возмущение тех, кто верил в искренность освободительных заверений Наполеона III. П. А. Чихачев следующим образом описывает этот момент:

«Каково же было удивление Италии и Европы, когда после подвигов французских войск и в то время, когда эти войска находились в весьма хорошем состоянии, французская армия внезапно остановилась, как пораженная громом. Неожиданно было всеобщее удивление, когда узнали, что Франция отказалась от осуществления своей программы, т. е. от изгнания Австрии из Италии. Императорский манифест, так же как и последующие события, дал ясно понять, что император был вынужден положить конец войне, потому что она принимала революционный характер и потому что Германия грозила ему на берегах Рейна, тогда как он был занят на берегах По».

Карл Маркс в 1859 г. в статье «Вопрос об объединении Италии» внезапное окончание войны Наполеоном III объяснял тем, что «она начинала превращаться в революционную войну, характерными чертами которой должны были явиться восстания в Риме и в Венгрии»⁹.

После заключения Виллафранкского мира в Европе наряду с различными предположениями появились слухи, что Наполеон III изменил свою политику под влиянием России, которая была якобы заинтересована в том, чтобы помешать слишком значительному росту Италии и сильному ослаблению Австрии.

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 6. С. 326.

⁸ Tchihatcheff P. La Paix de Zurich... P. 19—23.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 439.

П. А. Чихачев с особой силой вскрывает всю несостоятельность Виллафранкского мира, особенно по вопросу создания конфедерации итальянских государств под главенством папы.

«Самое серьезное затруднение, которое могло породить условия договора, подписанного в Виллафранке, это установление итальянской конфедерации». П. А. Чихачев на десятках страниц доказывает нежизненность и опасность для итальянского народа создания конфедерации, так как *«католицизм римского двора несовместим с развитием свободы и цивилизации»*, и поэтому было бы опасно для Италии привлечь в конфедерацию слишком разнородные государства, а так как часть государств находится под австрийским гнетом, то Австрия попытается воскресить режим своего террора.

На примерах многих стран П. А. Чихачев показывает, что в тех случаях, когда государственный строй навязывается извне, а не является делом нации, он не имеет жизненной силы.

Истина, не раз подтвержденная историей, гласит: самые мудрые нововведения могут быть приняты народом только тогда, когда они родились на почве его страны... Если вместо того, чтобы объединить в конфедерацию несовместимые элементы, взаимно отталкивающие друг друга, какими являются государства Италии, осуществили бы великое дело, предусматривающее освобождение Италии от пут, тормозящих развитие итальянских государств, мешая им провозгласить принципы общественной и политической свободы, то не потребовалось бы никакого усилия, чтобы принуждать итальянцев оценить все выгоды федерального режима»¹⁰.

Несмотря на половинчатый ход решений, последовавших в связи с внезапным окончанием войны 1859 г., П. А. Чихачев совершенно справедливо высоко оценил уже достигнутые результаты в деле разрешения итальянской проблемы.

П. А. Чихачев совершенно ясно понимал, что, если бы не иностранные государства, которые «связали итальянский народ по рукам и ногам», итальянский народ смог бы уже давно освободиться от реакционных сил. Поэтому на первом этапе освободительной

¹⁰ *Tchihalcheff P. La Paix de Zurich... P. 35.*

войны П. А. Чихачев считал необходимым закрепить уже достигнутые результаты, добиться, чтобы европейские государства гарантировали невмешательство в дела Италии.

«Ценное завоевание последней войны, завоевание, без которого все другое теряет свой смысл, делается реальным и неотъемлемым достоянием Италии, только если принцип невмешательства во внутренние дела страны будет гарантирован Европой»¹¹.

П. А. Чихачев выступил также и против решений Цюрихского договора, подписанного в ноябре 1859 г., в основу которого были положены виллафранкские прелиминарии. Он высказался против водворения герцогов Моденского, Пармского и великого герцога Тосканского в своих владениях и призывал к присоединению Тосканы, Модены, Пармы и Легации к Сардинии. П. А. Чихачев находит совершенно правильный выход из сложившегося положения, призывая к борьбе со всем тем, что мешает освобождению Италии.

В 1859 г. Карл Маркс, оценивая сложившуюся ситуацию в Италии, писал: «Весьма возможно, однако, что в дело может вмешаться итальянская революция, чтобы изменить картину всего полуострова и еще раз вывести на сцену Мадзини и республиканцев»¹².

Предвидение К. Маркса оправдалось. Осенью 1859 г. национально-освободительное движение разгорелось с новой силой, в результате которого в 1860 г. Тоскана, Модена, Парма и Романья освободились от австрийского владычества и присоединились к Сардинскому королевству.

П. А. Чихачев также в 1859 г. писал: «Было легко предположить уже, что борьба не остановится в своем развитии не от страха того, что она становится революционной, ибо с самого начала было известно, что только таковой она может быть»¹³. «Таким образом, борьба,— писал П. А. Чихачев в 1859 г.,— из которой свобода и цивилизация выйдут победителями лишь с помощью революционной войны...»¹⁴.

Путешествие П. А. Чихачева по Италии в 1861—1862 гг. проходило после того, как в результате новой

¹¹ Ibid. P. 39.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 445.

¹³ Tchihatcheff P. I a Paix de Zurich... P. 22.

¹⁴ Ibid. P. 47.

волны национально-освободительного движения произошло почти полное объединение Италии. Исключение представляли Венеция и папский Рим.

За период после окончания австро-итало-французской войны и подписания Цюрихского мира и до начала путешествия в стране произошли следующие крупные события:

освобождение Тосканы, Мадены, Пармы и Романьи от австрийского владычества и присоединение их к Сардинскому королевству;

апрельское восстание сицилийцев, поддержанное гарибальдийцами, высадившимися в Сицилии в начале мая 1860 г., завершившее дело освобождения Сицилии от гнета Бурбонов;

победоносное продвижение Гарибальди, поддержанного широкими крестьянскими массами, по югу Италии и освобождение в сентябре 1860 г. Неаполя;

присоединение освобожденной Южной Италии — Сицилии и Неаполитанского королевства к Сардинскому королевству.

Напуганное возможностью широкого распространения революционного движения и образования единой итальянской республики, Сардинское королевство отправило 20-тысячную армию в Неаполитанскую область, чтобы заставить Гарибальди присоединить освобожденные государства к Сардинскому королевству.

Таким образом, в конце 1860 г. произошло почти полное объединение Италии, а в начале 1861 г. был избран всеитальянский парламент и король Сардинии Виктор Эммануил II был провозглашен королем Италии.

Одной из важнейших задач нового королевства Италии являлось завершение объединения всей страны присоединением Венеции, находившейся под австрийским гнетом, и папского Рима, охраняемого французскими войсками.

Главная цель путешествия П. А. Чихачева в 1861—1862 гг. — изучение экономического и политического состояния, в котором находились вновь присоединенные к Пьемонту государства раньше, до их присоединения, и какие экономические и социальные преобразования произошли после их присоединения к королевству Италии. П. А. Чихачев из Сицилии, где он находился до октября 1861 г., направился через Калабрию в Неаполь. 11 февраля 1862 г. он выехал в

Рим, затем — портовый город на побережье Адриатического моря Анкон, после чего 6 марта прибыл в Марша через Педаро, Рильини, Форли и Фаенцу, 8 марта посетил Борго-Сан-Данино, Мадену, Парму, Турин и в мае 1862 г. закончил свой маршрут в Генуе.

Таким образом, если не считать времени пребывания в Сицилии, П. А. Чихачев «изъездил вдоль и поперек в течение семи месяцев страны, присоединившиеся к королевству Италии»¹⁵.

П. А. Чихачев дает следующую характеристику герцогств до их присоединения к Пьемонту.

«Тоскана страдала от тирании, хотя то считалась независимой республикой, с весьма сомнительной независимостью, то возглавлялась принцами, которых надо было куда-то пристроить. Орудия угнетения то сосредоточивались в руках одного лица, то распределялись между множеством чиновников...

Пармское герцогство имело против своих соседей, обитающих в герцогстве Модены, лишь то преимущество, что их притеснял мощный иностранный властелин, тогда как моденцы находились под игом мелкого тирана, который при первом удобном случае мог быть заменен представителем династии Габсбургов... Когда из герцогств Пармы и Модены мы перешли к прежним папским провинциям Марша, Умбрии и Романьи, мы быстро убедились, что прискорбный режим, применявшийся при управлении этими провинциями, может быть сравнен с тем, которым руководствовались Бурбоны. Причем в то время, как королевство Двух Сицилий изнывало под игом только своих собственных монархов, в папских провинциях к угнетению, идущему из-за границы, присоединялось еще и то, которое осуществлялось местным правительством. Такой двойной гнет привел страну в состояние закабаления и истощения всех источников морального и материального благосостояния народа».

Что касается Неаполитанского королевства, то П. А. Чихачев охарактеризовал его так:

«Неаполитанские государи применяли в своих государствах всю строгость австрийского режима, с помощью которого им удалось задержать в течение более одного столетия развитие морального и материаль-

¹⁵ *Tchihatcheff P. Le Royaume d'Italie. Paris, 1862. P. 4.*

ного прогресса в стране, ибо со времени Дон Карлоса, который в 1734 г. взшел на престол королевства Двух Сицилий и основал там династию Бурбонов, до короля Фердинанда II роковой режим никогда не прекращался ни на один день, причем в это время немилосердно процветала система религиозного обскурантизма и административного произвола»¹⁶.

П. А. Чихачев приводит множество примеров, подтвержденных подлинными документами, бесхозяйственности и растрат общественных средств, он подробно разбирает систему губительных налогов и государственных займов. Ученый делает детальный анализ бюджетов Неаполитанского королевства и всей Италии в целом, сопоставляя их с бюджетами Австрии, Франции и других европейских государств. Он описывает состояние осмотренных им больниц, тюрем и целый ряд других учреждений. В области внешней торговли П. А. Чихачев предлагает от политики огульного протекционизма с фискальным характером пошлин перейти к политике фритредерства. «Эта политика приведет к значительному оживлению внешней торговли и к колоссальному снижению цен на некоторые предметы первой необходимости. Из этого последует,— писал П. А. Чихачев,— что большинство народа, принадлежащего к классу общества, который вынужден отказывать себе в сукне для носильного платья, получит его в достаточном количестве из Англии, Франции, Бельгии и Германии»¹⁷. П. А. Чихачев понимал, что отмена протекционистских пошлин усилит иностранную конкуренцию. «Нечего говорить, что иностранная конкуренция, естественно, должна отрицательно отозваться на местной промышленности... Так, фабрики в Салермо, Сарно, Пьемонте и Каруэлло, конечно, страдают от снижения тарифов, однако убыток, происходящий от этого, ложится тяжело только на один класс населения, сравнительно очень малочисленный»¹⁸. П. А. Чихачев показывает, что, несмотря на снижение таможенных пошлин, таможенные поступления не уменьшились, а увеличились из-за значительного оживления товарооборота. П. А. Чихачев предусматривает оказание некоторой помощи местным фабрикантам в деле освоения и внедрения новых отраслей

¹⁶ Ibid. P. 10, 18.

¹⁷ Ibid. P. 80.

¹⁸ Ibid. P. 81.

промышленности. К такой помощи он относит передачу заказов для нужд армии местным фабрикантам. В то же время он считает, что если фабриканты, пользующиеся льготами, не смогут в течение определенного времени наладить производство, то лучше «предприятия, живущие неестественной жизнью, закрыть, а рабочую силу, запятую на таких паразитных фабриках, использовать для труда более полезного стране».

Несовершенство путей сообщения, отсутствие безопасности и действительного просвещения, а также влияние протекционистского режима — все эти причины привели к тому, что три пятых посеваемой площади королевства оставались необработанными, тормозили развитие торговли как внутри страны, так и за границей и вызвали обнищание и бродяжничество низших классов общества. Изучив сложившуюся экономическую и политическую обстановку, а также расстановку классовых сил, П. А. Чихачев еще в 1859 г. пришел к вполне обоснованному выводу, что в стране созрели все необходимые предпосылки и условия для освобождения от иностранного гнета, создания единого государства Италии и замены феодально-абсолютистского строя новым, буржуазно-конституционным строем.

Подробно описав картину экономического и политического положения в различных государствах Апеннинского полуострова и в Сицилии, сложившийся административный режим, связанный с господством иностранного ига и папского гнета, П. А. Чихачев показал также прогрессивные силы, боровшиеся за установление нового строя.

В этом отношении для нас большую ценность представляют материалы, показывающие деятельность революционера-демократа Д. Гарибальди. Быстрое и победоносное продвижение по Сицилии, Неаполитанскому королевству добровольческих отрядов гарибальдийцев, смело боровшихся за независимость Италии, П. А. Чихачев объясняет именно сложившимися социально-экономическими условиями. П. А. Чихачев не умаляет роли Д. Гарибальди, но в то же время он далек от фетишизации его личности.

«В то время, когда Гарибальди с кучкой своих храбрецов высадился в Сицилии,— вспоминает П. А. Чихачев, лично находившийся на острове,— решался вопрос не только о том, должна ли Сицилия

быть наделена либеральным правительством, но и суждено ли ей остаться итальянской или же стать иностранной провинцией... Отрывая Сицилию от неаполитанского суверенитета и доводя обе страны до роли провинций единого государства, смелый освободитель обеспечил Италии единственное средство, которое у нее еще оставалось, чтобы сохранить в своей короне самую прекрасную жемчужину от захвата французами или англичанами.

Платные агенты или доведенные до фанатизма лица могут пытаться производить десанты и налеты на некоторые отдельные пункты побережья острова, но им никогда не удастся организовать там крестовый поход, о котором неустанно проповедуют папские клеветы и представители папского двора, говоря от имени Бурбонов»¹⁹.

Особенно подробно, с привлечением документальных материалов и личных бесед со многими участниками событий, в том числе и с министрами, П. А. Чихачев дает описание продвижения гарибальдийцев по Неаполитанскому королевству и занятия ими Неаполя²⁰.

Он приводит большое количество документального материала, освещающего деятельность Гарибальди в Неаполе в 1861 г. (речи, декреты, письма и т. д.).

Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс высоко ценили борца за свободу и независимость Д. Гарибальди — человека необычайного военного таланта и выдающегося бесстрашия, но в то же время осуждали его колебания и уступки сардинской монархии. П. А. Чихачев приводит ряд выступлений Д. Гарибальди, иллюстрирующих его колебания в вопросе политической принципиальности. Интересна в этом отношении речь Д. Гарибальди, произнесенная в Парме 31 марта в театре Сан Джаовани, о которой П. А. Чихачев рассказывает следующим образом. «Я республиканец, — восклицает он, — хотя многие лица считали бы преступлением в этом сознаться». Когда же это громко выраженное убеждение, хотя, быть может, и несколько недержанное, возбудило в собрании некоторое волнение, оратор вновь взял слово и заявил: «Обстоятельства заставили нас придерживаться исключительно девиза „Италия и Виктор Эммануил“» — и добавил: «Хотя и высказывая наши принципы, мы будем следовать этой

¹⁹ Ibid. P. 14.

²⁰ Ibid. P. 30.

программе, и любое лицо, которое откажется следовать этой программе, будет рассматриваться нами как враг отечества. Будем же лояльны. Программа принята, дайте ее выполнять»²¹.

П. А. Чихачев, являясь сам сторонником прогрессивной части либеральной буржуазии и очень часто призывая к требованиям революционных демократов, хорошо понимал, что захватившие руководство либерально-монархическая буржуазия и либерально обуржуазившаяся часть дворянства, хотя и вынуждены считаться с Д. Гарибальди, но попытаются отстранить Д. Гарибальди и умалить его значение. П. А. Чихачев возмущался недобросовестным отношением правительства к национальному герою.

«Очевидно, в глазах Кавура знаменитый конкистадор был временным орудием, которое очень быстро делается ненужным и даже тягостным в тот день, когда период военных действий закончится и когда придется приступить к социальной и административной реорганизации. В этот день внезапно появившемуся Д. Гарибальди не останется ничего другого, как удалиться вместе со своим корпусом добровольцев, существование которого наряду с регулярной армией было бы явной аномалией, ибо организация данного корпуса была такая необыкновенная и странная, что на три солдата насчитывался один офицер, так как все количество последних достигало 9000, в то время как наличный состав всего корпуса не превышал 27 000 человек.

После того как была признана необходимость этой самой по себе очень серьезной перестройки, успех осуществления всей операции уже зависел от способа, избранного правительством для проведения ее в жизнь, так что рычаг, который предстояло передвинуть, но невозможно было сломать, мог превратиться для правительства либо в полезный фактор (или, по крайней мере, совершенно безвредный), либо в очень опасное, грозное оружие, оставшееся за пределами влияния правительства и висящее над его головами напоподобие дамоклова меча»²².

П. А. Чихачев считал, что в создавшихся условиях, когда для новой Италии еще не устранена опасность интервенции и еще в любой момент можно ждать выступление реакции, поддержанное иностранцами, самым разумным для итальянского правительства будет приблизить Д. Гарибальди к правительству и извлечь из него пользу, которую он может принести вследствие

«трех следующих, чрезвычайно редких в наше время черт, которыми обладает Д. Гарибальди, а именно: глубокая пре-

²¹ Ibid. P. 44.

²² Ibid. P. 111.

данность своему государю, героический патриотизм и полное доказанное на практике бескорыстие. Обращаясь к нему с полной искренностью и лояльностью, было бы возможно склонить Д. Гарибальди забыть старые размолвки и принять без задней мысли новую роль, которую от него требовали обстоятельства, вместо того чтобы стать угрозой, как это стало в действительности.

К сожалению, поведение Кавура при данном стечении обстоятельств только подтвердило распространившиеся в народе предположения, что министр был скорее движим чувством зависти или недоброжелательства. Назначение Фарини в качестве преемника Д. Гарибальди является новым подтверждением правильности вышеупомянутого рокового мнения»²³.

П. А. Чихачев отмечает, что Фарини совершенно неизвестен своими военными успехами, а его помощники являлись явными врагами Д. Гарибальди, и что Фарини был совершенно непопулярен не столько из-за ошибок, допущенных им в административных делах, как вследствие отмены декретов, введенных Д. Гарибальди, и необоснованных провокационных выпадов по адресу партии сторонников Д. Гарибальди. Из отмеченных декретов, введенных в свое время Д. Гарибальди, П. А. Чихачев обращает внимание на такие, как: освобождение от ипотеки бедных классов населения, организации 12 приютов, создание суда присяжных, открытие средних учебных заведений для детей простого народа, создание домов для инвалидов войны, декрет об уравнивании в правах солдат и офицеров прежней, бурбонской армии с правами солдат и офицеров пьемонской армии, жалование которых было гораздо более значительным, чем то, которое получали первые. Отмену этих декретов П. А. Чихачев считал «поступком чрезвычайно несправедливым и неполитичным».

Сардинские либералы беззастенчиво подвергали Д. Гарибальди обидам и унижениям, приписывали себе заслуги объединения Италии, однако в то же время были вынуждены считаться с его популярностью в народе как в Италии, так и за границей, особенно же среди неаполитанцев и сицилийцев, «в глазах которых Д. Гарибальди получил венец мученика за народное дело. Народ начал организовываться вокруг Д. Гарибальди как единственный его защитник, придавая „комитетам попечения“ характер политических организаций, мощностъ которых возросла до такой степени, что вызвала тревогу в правительстве и привела к падению министерства Риказоли»²⁴.

²³ Ibid. P. 115.

²⁴ Ibid. P. 116.

Новый министр Ротацци попытался, не меняя существа дела, внешне несколько ослабить нападки на Д. Гарибальди и представил ему некоторую административную власть, а в дальнейшем поручил ему возглавить военную экспедицию в Папскую область.

Наряду с характеристикой деятельности Д. Гарибальди П. А. Чихачев дает подробное описание различных партий: республиканцев, физионистов, автономистов, мюратистов и др.

«Республиканская партия,— писал П. А. Чихачев,— обладает в неаполитанских провинциях известной мощью, хотя ей не хватает единства и более сомкнутой организации, чтобы стать настоящей силой, способной успешно бороться с правительством и парализовать его действие... Эта партия подразделена на множество фракций, а убежденные чистосердечные республиканцы встречаются в Италии так же редко, как и вообще в Европе, где девизы равенства и братства провозглашаются подчеркнутым пафосом так, что если во Франции в многолюдной массе было так трудно отыскать республиканцев, достойных стоять рядом с Араго или Ламартином, то в Италии эта цифра сводится почти к одному Д. Гарибальди, чистосердечие и лояльность которого, конечно, выше всякого подозрения»²⁵.

С неотразимой силой правды П. А. Чихачев выводит реакционную роль дворянства, «кичливо гордившегося лишь своим высоким рождением», и духовенства в лице папства.

«Неаполитанская аристократия,— писал он,— представляет собой, быть может, больше чем где бы то ни было тип полного ничтожества.

Подобно патрициям восточноримской империи, предававшимся исключительно наслаждениям (которые им доставляли очень большие денежные средства), неаполитанское дворянство не признает другого, более приятного существования, достойного их звания, чем осушать до самого дна чашу наслаждения, находясь в состоянии безделья. Отсутствие двора образовало очень ощутимую брешь в образе жизни неаполитанской аристократии, которая, естественно, считает новый режим ответственным в этом горестном разочаровании»²⁶.

В то же время П. А. Чихачев отмечает, что наиболее передовая часть дворянства, как правило, в таких

²⁵ Ibid. P. 43.

²⁶ Ibid. P. 38.

случаях примыкает к новому духу цивилизации, поэтому часть дворянства Неаполя почувствует, что «существуют более высокие цели, чем изучение парижских мод и правил гастрономии или погопя за пикантными ощущениями на Монте Пинчио или в Булонском лесу в Париже».

Крупнейшей заслугой П. А. Чихачева является то, что в тяжелых условиях, когда общественное сознание отравлялось мистико-религиозными проповедями, реакционно-идеалистическим учением, он твердо стоял на материалистических позициях. П. А. Чихачев понимал, что папство является духовным оружием в руках господствующего класса и охраняется не только итальянской, но и заграничной реакцией. П. А. Чихачев беспощадно и с исключительной для того времени смелостью критиковал институт папства.

«Папская цитадель,— писал он,— представляется всегда в виде скалы, о которую вечно будут разбиваться все попытки установить новый общественный строй». И далее: «В Италии папский Рим подымается, как пугало, навстречу реформаторам этой страны»²⁷.

П. А. Чихачев показывает омерзительную роль духовенства, которую оно было призвано играть, поддерживая реакционные правительства:

«Для более строгого надзора за умами правительство призвало на помощь инквизицию и сделало из нее верного стража всякого рода деспотизма... Народное просвещение стало исключительной монополией духовенства, и особенно иезуитов. Только от епископов исходило создание начальных школ в их епархиях, так же как и назначение учителей... Под предлогом следить за моральным уровнем и общественными нравами правительство вооружило духовенство всеми полномочиями светской власти. Специальные чиновники были поставлены во главе каждой общины и снабжены приказами выполнять все распоряжения духовенства, поддерживая таковые, если нужно, военной силой. Декретом, изданным в 1846 г., было вменено в обязанность градоначальников арестовывать любое лицо, указанное приходским священником, как не обладающее безупречной нравственностью... Излишне упоминать, сколько беспричинных ужасных преступлений было совершено на основании права, данного самым низшим служащим церкви исполнять роль третейского судьи при разборе дел и являться беспощадным судьей, от которого зависит честь или разорение целой семьи»²⁸.

²⁷ *Tchihatcheff P. Italie et Turquie. P. 29.*

²⁸ *Tchihatcheff P. Le Royaume d'Italie... P. 20.*

П. А. Чихачев приводит множество примеров процветания системы религиозного абскурантизма и административного произвола. Он показывает тесную связь папства с иностранными угнетателями итальянского народа.

Так, во время швейцарских событий 1834 г., когда некоторые кантоны обратились с просьбой внести изменения в клерикальный режим и согласовать его с принципами гражданской свободы, «Ватикан дал сигнал для начала кровавых беспорядков, которые духовенство разжигало все больше и больше, проповедуя открыто неповиновение гражданским властям и даже возбуждая к предательству своего отечества, призывая вооруженное вмешательство католических держав, и в частности Франции»²⁹.

П. А. Чихачев приводит материалы, показывающие, что для борьбы с Д. Гарибальди по просьбе Ватикана направляли из папских владений Австрии, Испании, Франции, Бельгии, Ирландии, Баварии и других стран Европы множество диверсантов. «Разбой в освобожденной Италии организовывался главным образом папской властью Рима, а разбойники находили себе приют в Ватикане — вотчине святого Петра»³⁰. П. А. Чихачев приводит примеры реакционной деятельности папства в области развития тех или иных отраслей экономики, в создании которых Римский двор не был заинтересован. Так, например, «железнодорожный путь Рим—Неаполь должен был быть давно сдан в эксплуатацию, но папское правительство всячески тормозило развитие этого полезного дела. В силу парализующего влияния папского правительства, проявляемого везде и всюду, народ лишен чрезвычайно важного железнодорожного сообщения... Впрочем, нетрудно разгадать действительную причину, заставляющую папское правительство противиться изо всех сил открытию ж. д. линии Неаполь—Рим, ибо из всех попыток, испробованных до сих пор с целью сблизить эти два горда, проведение железной дороги окажется самой эффективной. Эта мера заставит, несомненно, разрушить эту своего рода китайскую стену, которой папскому правительству удалось отгородить свои владения от остальной части Италии».

²⁹ Ibid. P. 61.

³⁰ Ibid. P. 87.

Отмечая главные затруднения, с которыми новой Италии предстоит вести борьбу, чтобы завершить дело освобождения и объединения Италии, а также дальнейшего прогресса, П. А. Чихачев указывает на необходимость быстрой ликвидации неграмотности и общей отсталости широких итальянских масс.

«Какова бы ни была моральная и интеллектуальная отсталость народа,— пишет П. А. Чихачев,— никто не имеет права сомневаться в возможности его полного возрождения.

Среди противников цивилизации, конечно, находится духовенство. Нет ничего более естественного, чем решительная борьба с ним, которая должна положить конец вековому зданию его могущества... И вот, быть может, недалеко то время, когда эта ужасная дилемма, несущая в себе как будто войну, разрешится. Это наступит тогда, когда светоч цивилизации проникнет сквозь общественные слои, оставшиеся еще недостижимыми, что не замедлит случиться под влиянием распространения народного образования. Таким образом, уже сделаны первые шаги в этом направлении. Для того чтобы подготовить почву и вырвать ее из рук узурпаторов, новое правительство отняло у духовенства монополию образования, объявив его свободным. Мера очень большого значения, являющаяся уже сама по себе целой моральной и интеллектуальной революцией»³¹.

П. А. Чихачев приводит весьма интересный материал о мероприятиях, проведенных правительством Д. Гарibaldi в деле налаживания народного просвещения; о торжественном открытии университета в Неаполе в 1861 г., из которого декретом Фердинанда II в 1849 г. были изгнаны все студенты. Восторженно отзывается П. А. Чихачев о большой тяге итальянской молодежи к учебе на различных факультетах, в том числе и на естественном. Касаясь реформ, проведенных Д. Гарibaldi, в области образования, П. А. Чихачев писал: «Все эти реформы окрыляют молодежь Неаполя и прививают ей интерес к точным знаниям, доказательством чего может служить действительно необычайно большое число молодежи, откликнувшейся на призыв неаполитанского университета, что приобретает особую важность, если учесть, что среди этой молодежи много таких, которые прибыли из районов,

³¹ Ibid. P. 66.

расположенных внутри страны, где духовенство, хотя и лишенное монополии в области народного просвещения, может гораздо легче и сильнее влиять на молодежь, уводя ее с нового пути»³².

П. А. Чихачев путем внимательного изучения деятельности папства и католической партии в области просвещения, в различных отраслях экономики и международных взаимоотношений доказывает полное несоответствие католицизма с развитием свободы цивилизации.

«Ожесточенный крестовый поход, проводимый католической партией против основных принципов современного общества, доказывает несовместимость, существующую между католицизмом, каким его понимает Римский двор, и развитием свободы и цивилизации»³³.

П. А. Чихачев был яростным сторонником присоединения Рима и Венеции. «Материальные интересы Италии,— писал П. А. Чихачев,— так же как и требования национального достоинства и патриотизма, настоятельно требуют освобождения венецианского населения от власти иностранцев, присутствие которых на территории Отечества всегда останется для итальянцев угрозой и оскорблением... Что же касается Рима, то ценность этого приобретения, конечно, еще более значительна, чем присоединение Венецианской области, ибо к тем аргументам, которые выдвигаются в пользу необходимости такой аннексии, прибавляется еще соображение другого порядка, а именно вся важность, связанная с наделением нового королевства столицей, занимающей, как вечный город, центральное положение»³⁴.

В то же время П. А. Чихачев считал, что немедленное вооруженное выступление против Рима и Венеции слишком рискованно, так как достигнутые победы еще не закреплены и еще не снята опасность реакции. Немедленное вооруженное выступление в условиях, когда Франция заключила мир с Австрией и сама является заинтересованной в удержании Рима, может вызвать новую войну, но уже не только с Австрией, но и с Францией, а это означает, что «существование самой Италии явилось бы ставкой в данной

³² Ibid. P. 69.

³³ Ibid. P. 100.

³⁴ Ibid. P. 143.

борьбе, а следовательно, и судьбой для 22 миллионов жителей из-за того, что к ним захотелось прибавить еще два миллиона. Поэтому срочность присоединения, хотя и базируется на очень серьезных соображениях, которые говорят в пользу его, все же неубедительна»³⁵.

П. А. Чихачев считает, что такая война может воодушевить внутреннюю и внешнюю реакцию, поддерживаемую Римом, поэтому для более уверенного достижения победы необходимо вначале обезвредить папство.

Таким образом, как это видно, П. А. Чихачев считал совершенно бесспорным и историческую необходимость присоединения Рима и Венеции, но для этого необходимо было укрепить силы новой Италии, а также ослабить силы реакции, и прежде всего папства. Причем он высказывал мнение о целесообразности раньше осуществить присоединение Венеции, а затем Рима, «если рискуешь обидеть итальянцев, говоря, что в данный момент они могут обойтись без Рима, естественно, что они оскорбятся еще больше, если позволишь утверждать, что имеются причины, в силу которых желательна отсрочка этой столь горячо желаемой минуты. Однако причины эти действительно существуют, и они могут быть очевидны для тех, кто убежден в том, что все то, что ослабляет здание католической иерархии, идет на пользу великих вопросов свободы и цивилизации»³⁶.

П. А. Чихачев приводит множество фактов из личных наблюдений, подтверждающих, «с какой быстротой рассеивается в итальянцах вера не только в необходимость светской власти папы, но даже в существование духовной главы церкви вообще. Все те, которые имели случай наблюдать в течение целого ряда лет уровень религиозности у различных представителей народонаселения Италии, не могут не поражаться теми, почти невероятными изменениями, происшедшими на этой почве за последний период времени»³⁷.

Девизом П. А. Чихачева в этом вопросе — «Рим без папы», причем катастрофа папской власти должна произойти под влиянием просветительной работы,

³⁵ Ibid. P. 149.

³⁶ Ibid. P. 152.

³⁷ Ibid. P. 154.

а также путем разоблачения всех махинаций католицизма.

«Для того чтобы падение папской власти было полное и принесло действительную пользу великому делу свободы и цивилизации, необходимо,— пишет П. А. Чихачев,— произвести его так, чтобы не украсить покоренного первосвященника опасным венком мученика. Надо, чтобы он пал в результате собственного истощения, утратив веру в самого себя»³⁸.

П. А. Чихачев в 1862 г. считал, что время для разрешения проблемы католицизма, для окончательного объединения Италии настанет через 4—5 лет. Причем это явится неизбежным следствием целого длинного ряда политических и моральных причин.

Дальнейшее развитие событий в Италии подтвердило правильность сделанного П. А. Чихачевым анализа и оправдало его предположение, так как именно через 4 года новая Италия решила объявить войну Австрии, в результате которой по Венскому мирному договору 1866 г. Венеция перешла к Италии.

Что касается Рима, то окончательному завоеванию его гарибальдийскими и королевскими войсками в 1870 г. и провозглашению столицей в 1871 г. предшествовало жестокое поражение гарибальдийцев в 1867 г. в битве при Ментоне с превосходящими силами французских и папских наемных войск.

Таким образом, мы можем сделать заключение, что выдающийся русский географ и путешественник П. А. Чихачев показал реакционную роль Ватикана в вопросе объединения Италии в единое национальное государство, в вопросе провозглашения Рима столицей Италии, в продвижении Италии по пути свободы и цивилизации. Его девизом являлись: «Свобода религиозного культа, фритредерство, свобода печати, свобода народного просвещения, равенство всех народов перед законом, народное представительство, проведение обширной сети железных дорог, учреждение национальной гвардии, создание суда присяжных и, наконец, административное, финансовое и военное единство»³⁹.

Справедливость разоблачений П. А. Чихачевым реакционной роли Ватикана в разрешении важнейших для Италии проблем подтверждается также выступле-

³⁸ Ibid. P. 159.

³⁹ Ibid. P. 104.

нием Пальмиро Тольятти, который в мае 1952 г., касаясь Ватикана, заявил: «Надо сказать, однако, что за всю историю нашей страны руководящая иерархия католической церкви нередко ошибалась. По существу она всегда ошибалась. Когда шла речь за само существование нашей страны, за превращение Италии в единое национальное государство, когда шла борьба за Рим — столицу Италии и т. д.»⁴⁰

И вот, читая речь борца за мир и демократию, великого сына итальянского народа, Генерального секретаря Компартии Италии, мы можем с гордостью отметить, что русский географ и неутомимый путешественник П. А. Чихачев находился в передовых рядах борцов за свободу и цивилизацию, отстаивал верные взгляды по этим весьма существенным вопросам. Работы, изданные П. А. Чихачевым в результате его путешествий по Италии, позволяют нам заключить, что если в первой половине XIX в. П. А. Чихачев в общественно-политическом отношении принадлежал к тем лицам, которые вдохновлялись идеями дворянской революции, то в 50—60-х годах он испытывал огромное влияние либерализма и буржуазной демократии, хотя по целому ряду вопросов не раз склонялся на сторону революционной демократии.

В перерыве между экспедициями

После путешествия с целью научных исследований по Италии в 1861—1862 гг. и экспедиции на Босфор в 1863 г. Петр Чихачев в течение 15 лет занимался обработкой огромного материала, собранного им во время многочисленных экспедиций по Малой Азии, и изданием своего восьмитомного классического труда *Asie Mineure*, вошедшего в золотой фонд русской и мировой географической литературы. Кроме того, он выпускает в свет работы «Страницы о Востоке», «Босфор и Константинополь» и множество более мелких статей. В книге «Страницы о Востоке» автор прослеживает физико-географические изменения, которые произошли в Малой Азии за многие тысячелетия. Изучает историю появления или исчезновения в различных районах этой страны многих видов животного и растительного мира, начиная с времен, предшествовавших

⁴⁰ «Правда». 1952. 21 мая.

ледниковому периоду, и кончая современным состоянием. Далее характеризуя экономическое и военно-стратегическое положение, он касается вопросов истории войн, имевших место в Малой Азии начиная с античного периода. Кроме работ о Малой Азии, Петр Александрович занимается пустынями мира, и прежде всего Сахарой. «Из всех пустынных областей,— пишет Чихачев,— Сахара, без сомнения, самая значительная, и не только по своим размерам, но также по своему историческому прошлому и по своему будущему»¹.

В работе «Босфор и Константинополь», выдержавшей три издания (1864, 1866 и 1877 гг.), Петр Александрович немало места отводит социально-экономическим вопросам.

В предисловии ученый пишет: «В такую эпоху, как наша, когда коммунистические идеи, изгоняемые из социальной и политической сферы, сохраняют еще некоторую силу в области литературы, было бы просто нелепо хранить свои знания только в себе и не поделиться ими со своими ближними»².

В рассматриваемый период материалистические принципы в естествознании и коммунистические идеи в социологии особенно широкое распространение получили во Франции среди географов-социологов, таких, как Э. Реклю, с которым П. А. Чихачев сотрудничал на научном поприще. Как видно из работ П. А. Чихачева, он неоднократно выступал с идеями антиколониализма и социального равенства. Бесспорно, П. А. Чихачев был знаком с важнейшими социально-политическими работами, так как одним из принципов его научно-исследовательской деятельности было изучение уже изданных работ по той или иной проблеме.

«Среди изданных работ,— писал П. А. Чихачев,— есть такие, знание которых является и долгом, и в то же время необходимым условием успеха для каждого добросовестного научного работника, не считающего себя вправе разрешать сколько-нибудь значительный научный вопрос, не ознакомившись предварительно с трудами и мнением компетентных лиц различных стран по этому вопросу»³.

В 1875 г. П. А. Чихачев опубликовал перевод с не-

¹ Чихачев П. А. Страницы о Востоке. М.: Наука, 1982. С. 115.

² Tchihatcheff P. Le Bosphore et Constantinople. Paris, 1864. P. 6.

³ La Vegetation du Globe. Paris, 1875. P. 11.

мецкого на французский солидной работы по географии растений мира профессора А. Гризебаха, снабдив его большим количеством комментариев, и написал специальную главу, посвященную геологическому строению, климату, флоре и фауне островов Тихого, Индийского и Атлантического океанов. «Труд этот весьма ценный и не может оставаться неизвестным многим ученым, работающим в этой интересной и очень обширной области человеческих знаний,— писал П. А. Чихачев.— А. Гризебах сделал вклад в перечень более или менее удачных гипотез, которыми в наши дни пытаются объяснить некоторые очень сложные явления, относящиеся к распространению растений. Труд этот является первой попыткой представить состояние наших познаний о различных растительных областях нашего земного шара».

«Океан,— писал П. А. Чихачев,— в необъятных просторах которого почти теряется вся выступившая из воды часть нашего земного шара, является для натуралиста неисчислимым источником исследований и неожиданных открытий, погружается ли он в его таинственные глубины или же исследует многочисленные архипелаги, выступающие на его поверхности. При изучении этих архипелагов натуралиста поражает наличие многих видов растений и животных совершенно отличных от тех, которые встречаются на материках, даже весьма близко расположенных от архипелагов. Так как современный уровень науки еще не позволяет дать исчерпывающее объяснение этих странных аномалий, то мысль неизбежно обращается к прошлому и натуралисту приходится обращаться к геологическим летописям в поисках ответа на вопрос, не являются ли острова, наиболее отличающиеся оригинальностью своей фауны и флоры, наиболее древними и, следовательно, лучше всего сохранившими печать своей первоначальной индивидуальности, как это хотелось бы допустить.

Этот вопрос в такой высокой степени интересен для разрешения проблем географического распространения жизни организмов на поверхности нашей Земли, что, заканчивая предпринятый мной перевод большого труда⁴, я считаю нужным поделиться с читателями некоторыми соображениями по этому поводу»⁵.

П. А. Чихачев достаточно подробно нарисовал картину геологического строения островов Атлантического океана: Азорских, Мадейры, Канарских, Зеленого Мыса, Св. Елены, Вознесения, Тристан-да-Кунья, Южных Сандвичевых и Фолклендских (Мальвинских).

⁴ Речь идет о труде немецкого профессора А. Гризебаха.

⁵ *Grisebach A. La Vegetation du Globe d'apres sa disposition suivant les climats esquisse d'une geographie comparee des plantes. Paris, 1875.*

Из островов Индийского океана им были описаны: Мадагаскар, Маскаренские, Сейшельские, Коморские, а также одиночные острова — Св. Павла, Новый Амстердам и Кергелен. Из многочисленных островов Тихого океана П. А. Чихачев описал такие, как Новая Зеландия, Окленд, Кэмпбелл, Чатам, Лорд-Хау, Норфолк, Лоялти, Фиджи, Галапагос, Хуан-Фернандес, и группу Гавайских островов.

По составу пород, образующих острова, и характеру их залегания он выделил две возрастные группы: в одну из них вошли острова более древнего происхождения (палеозой и мезозой), в другую — сравнительно молодые острова (третичного и четвертичного периодов).

«Из двадцати четырех групп островов, рассмотренных нами, — писал П. А. Чихачев, — десять (Мадагаскар, Сейшельские, Фиджи, Новая Каледония, Новая Зеландия, Норфолк, Чатам, Окленд, Кэмпбелл и Фолклендские (Мальвинские) сложены осадочными и кристаллическими породами, сравнительно легко поддаются приблизительному определению их возраста и позволяют нам отнести их к эпохе более или менее древней.

Четырнадцать остальных групп (Азорские, Сандвичевы, Канарские, Мадейра, о-ва Зеленого Мыса, Вознесения, Св. Елены, Маскаренские, Хуан-Фернандес, Тристан-да-Кунья, Галапагосские, Кергелен, Св. Павла и Амстердам) почти все состоят из вулканических пород, главным образом базальта и трахита, третичного и современного периодов. Следовательно, мы вправе отнести большинство островов из этих групп к третичному и современному периодам. Теперь же, — пишет П. А. Чихачев, — когда мы можем различить среди океанских островов две совершенно различные возрастные группы, из которых одна относится к палеозою или по крайней мере к мезозою, а другая — к третичному или современному периоду, нам остается рассмотреть, до какой степени характер растительности этих островов соответствует и находится в связи с их геологическим возрастом и их положением относительно континентов»⁶.

Наряду с подробным описанием истории исследования перечисленных островов, их геологического строе-

⁶ Ibid. P. 879.

ния, животного и растительного мира П. А. Чихачев уделил большое внимание таким вопросам, как изменение температуры воды океана и ее солености в различных районах и на различных глубинах, влияние, оказываемое арктическими холодами на растительные и животные организмы, поверхностные и глубинные течения воды, не остался без внимания и вопрос о влиянии вулканической деятельности на рельеф местности, о направлении и силе ветра и др. Им составлен ряд сводных таблиц, отображающих количество и состав местных видов растений на различных островах океанов. В результате П. А. Чихачев пришел к следующему выводу:

«Оригинальный характер растительности океанских островов, так же как и их фауны, далеко не всегда находится в прямом соответствии с их геологическим возрастом, с их положением относительно материков. Так, о-в Св. Елены, наиболее богатый местными видами, является именно самым молодым в геологических летописях. И также обстоит дело с большим количеством вулканических островов, но обладающих, однако, часто растительностью не менее оригинальной, чем острова, подобные Мадагаскару, Новой Каледонии, Новой Зеландии и т. д., которые относятся к древнейшим эпохам нашего земного шара»⁷.

Близость континентов должна влиять на растительный и животный мир островов, и естественно предположить, что острова близкие к континентам менее способны сохранить свою особую флору и фауну, однако в природе часто наблюдается обратная картина, и это подтверждается на примере ряда океанских островов, которыми занимался П. А. Чихачев. Действительно, некоторые острова, очень отдаленные от материков, как остров Св. Елены и Сандвичевы острова и др., обладают самыми богатыми эндемическими формами, в то же время имеются острова, которые почти так же или еще более отдалены от материков, как Азорские, Чатам, но относятся к самым бедным в этом отношении, и, во всяком случае, менее богаты эндемиками, чем Канарские острова, которые расположены весьма близко к материку.

«Но из всех архипелагов относительно близких к континентам и, однако, замечательных оригиналь-

⁷ Ibid. P. 881—882.

ностью своей флоры и фауны первое место занимают Галапагосские острова, так как более половины их флоры составляют эндемические растения, что же касается их фауны, то, как мы видели (с. 865), она представляет собой явление необъяснимое, так как острова относятся к наиболее молодым геологическим образованиям. Поэтому характер, так сказать, древности фауны и частично флоры этих островов является своеобразным контрастом с молодостью пород, на которых они живут»⁸.

Из опубликованных работ следует, что П. А. Чихачев придавал существенное значение при разрешении вопроса распространения животного мира и растительности геологическому строению, географическому положению местности, отдаленности или близости к соседним континентам, влиянию климата, морских глубин и течений, влиянию деятельности человека и т. п. В то же время он считал, что все перечисленные факторы отнюдь не являются исчерпывающими и только ими нельзя объяснять аномалии, наблюдаемые во флоре и фауне океанских островов, и что в формировании и развитии специфических видов растительности, присущих тому или иному острову, принимают участие факторы пока еще неизвестные.

«При настоящем состоянии наших знаний,— писал П. А. Чихачев,— любопытные аномалии во флоре и фауне не могут быть исчерпывающе объяснены ни их геологической историей, ни их положением относительно континентов, а также и ни атмосферным влиянием или батиметрическими условиями окружающих их морей. То же самое можно сказать о морских течениях, омывающих океанские острова, хотя вообще влияние течений на растительность намного более существенно, чем влияние батиметрических условий. Однако и это влияние недостаточно мощно, чтоб существенно изменить общий облик флоры... Очевидно, что разрешение столь важного вопроса связано с некоторыми фактами, нам еще неизвестными и которые могут нам раскрыться лишь в результате всесторонних и глубоких исследований всех этих островных групп, разбросанных, так сказать, как маленькие миры среди безбрежного океана»⁹.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. P. 883.

Таким образом, в эпоху появления растительности, по всей вероятности, могла существовать связь между отдельными островами и даже материками, которые в наши дни разделены большими пространствами. Все это указывает на то, что острова и материка некогда были сгруппированы иначе, чем в настоящее время.

«Так, мы видели, что первый случай имеет место с островами Гов, Норфолк, Чатам и т. д., а последний случай верен для Маскаренских островов и для Мадагаскара. Из этого следует, что если нам недостает доказательств, чтоб признать некоторые океанические острова за остатки обширного затопленного континента, то, во всяком случае, можно признать, что Океания была в свое время занята группами островов не такими многочисленными, но зато более крупными, чем те, которые существуют сейчас»¹⁰.

П. А. Чихачев особое значение придавал изучению Арктики и ее влияния на растительный и животный мир. В этом отношении он возлагал большие надежды на будущих исследователей тайн Арктики.

«Арктическая зона,— писал П. А. Чихачев,— из всех зон земного шара, где, пожалуй, больше всего можно ожидать от будущих исследований. Несмотря на важные результаты последних полярных экспедиций, мы еще только на пороге нового мира, который нам откроется в таинственных областях полюса»¹¹.

П. А. Чихачев особо большое значение придавал интересной догадке А. Гризебаха по поводу обнаруженного капитаном Холлом (Holl) в заливе Шмитта плавающего куска дерева, совершенно отличного от тех, которые могли быть в Америке или в Сибири. А. Гризебах предполагал, что это дерево, вероятно, японского происхождения. «Этот факт,— пишет П. А. Чихачев,— доказывает, что тихоокеанские течения принесли это дерево через Берингов пролив в полярные моря до залива Шмитта». Что касается наличия в районе Северного полюса моря, свободного ото льдов (гипотеза, выдвинутая Лейссесом и защищавшаяся известным географом Готтом, а затем Петерманом), то П. А. Чихачев не случайно приводит письмо «такого ученого, как Норденшельд, который говорит, что единственный способ проникнуть до неизвестных областей Северного полюса, если не считать воздуш-

¹⁰ Ibid. P. 877.

¹¹ Ibid. P. 83.

ного шара,— это организация саннных экспедиций по льду и что доступное для навигации открытое море в этой части земного шара является чистой фикцией»¹².

Выход в свет переводной работы с многочисленными комментариями и специальным разделом, написанным П. А. Чихачевым, вызвал большой интерес. Эта работа получила высокую оценку, как и все, что вышло из-под его пера.

«П. А. Чихачев, которому ботаническая география Малой Азии обязана столькими оригинальными исследованиями,— читаем мы в постскриптуме к предисловию автора,— не только обогатил перевод (свою работу.— В. Ц.) ценными примечаниями, для которых он заимствовал много новых фактов из своего обширного опыта, но и знакомил также читателя с новейшими и наиболее значительными работами, опубликованными во всех странах на различных языках». Следует отметить, что из многочисленных работ, использованных при написании своего труда, П. А. Чихачев большое значение придавал работам Чарлза Дарвина, Александра Гумбольдта, а также русских ученых и путешественников О. Коцебу, П. Семенова-Тян-Шанского, М. Венюкова, И. Мушкетова и др.

Через пески, хребты и оазисы Испании, Алжира и Туниса

25 сентября 1877 г. П. А. Чихачев отправился из Парижа в новое путешествие в целях изучения Северной Африки. Район Северной Африки вызвал у него интерес еще до исследований Малой Азии. «За много лет до моего путешествия в Африку я беспрестанно перечитывал труды греческого историка (Прокопия.— В. Ц.) и горел желанием побывать в этих местах, столь красочно описанных человеком, любовавшимся лично их прелестью». Алжир, Тунис, Марокко, Египет и другие места Северной Африки Петр Чихачев впервые посетил в 1835 г., в период, когда работал при русском посольстве в Константинополе. Второй раз ему удалось посетить эти места в 1846 г., т. е. после завершения работ Алтайской научной экспедиции. Но как после первого, так и после второго посещения этих мест Чихачев не издал работ, посвященных им.

¹² Ibid. P. 98.

Новое путешествие П. А. Чихачева началось с Испании, которую он пересек с севера на юг, от Байонна (фр.) до Картахена, через Бургос, Вальядолид, Авила, Мадрид, Толедо, Кордову, Севилью, Кадис, Гибралтар, Малагу, Гранаду, Мансанарас, Мурсию.

Испания в конце прошлого века уже была сравнительно хорошо исследована многими географами, а особенно геологами Вернейлем и Драше, ботаниками Баасье и Вилькомом. Поэтому П. А. Чихачев коснулся только тех вопросов, которые требовали дополнительного описания. Причем, как и во всех своих трудах, он широко использовал для сравнения со своими наблюдениями описания этих районов, сделанные авторами древних и средних веков, избегая, как правило, компиляции.

«Я всегда старался передавать исключительно только мои личные впечатления, стремясь всегда избегать всего, что является искусственным, ложным или компиляцией. Я всегда предпочитал лучше молчать, чем повторять то, что уже говорилось другими. Я особенно придерживался такой линии поведения по отношению к Испании, потому что в этой стране почти все стоящие внимания районы были столько раз описаны, что о ней почти не остается сказать чего-нибудь того, что еще не было сказано. Я также всегда воздерживался от передачи каких-либо исторических понятий, о которых можно было бы легко справиться в справочниках. Правда, я очень часто ссылаюсь на работы авторов древних и средних веков, но это нельзя отнести к компиляции. Это плоды моих собственных трудов, которые доставались мне с большими трудностями. Я собирал сведения, часто относящиеся к довольно отдаленным эпохам, для моего труда „Малая Азия“ и моего французского издания „Растительность земного шара“»¹.

Ввиду того что, по замыслу П. А. Чихачева, описание этого путешествия предназначалось для читателей, не обладающих специальными знаниями, то он старался избегать, насколько возможно, специальных терминов, а в случае необходимости помещать их в виде сводных таблиц в конце книги. Кроме того, П. А. Чихачев, описывая свое путешествие по Испании и Северной Африке, наряду с вопросами естественных

¹ *Tchihatcheff P. Espagne, Algerie et Tunisie. Paris, 1808.*

наук, таких, как геология, ботаника, климатология, зоология и т. д., касается также вопросов социальной жизни людей, их быта, культуры, религии и т. д.

«Я стремился придать моему труду характер чего-то совершенно нового и оригинального, стараясь комбинировать с некоторой гармонией требования ученого, литератора, искусствоведа и светских людей, часто также разнородные. При этом я учитывал, что, насколько мне известно, страны, о которых идет речь, еще ни разу не показывались читателю в популярной форме, охватывающей сразу человека и природу в их самых разнообразных проявлениях. Я уже делал попытки сделать доступными для всех два моих труда, называемых „Босфор и Константинополь“ и „Страница о Востоке“».

Пробираясь по более или менее безлюдным равнинам Северной Испании в сентябре в Мадрид через города Бургас, Вальядолид и Авилу, П. А. Чихачев обратил внимание на отсутствие здесь оливкового дерева, хотя виноградники, очень низкие, почти стелющиеся, как и во всей Испании, культивируются в этих местах довольно широко. П. А. Чихачев также отметил, что обширные равнины Северной Испании покрыты мощными осадочными слоями песчаника, через который частично пробивается гранит. «Эти громадные гранитные нагромождения встречаются вплоть до Авилы, и хотя их присутствие делает данный район менее однообразным, но зато лишает его плодородия, превращая его в каменистую пустыню»².

П. А. Чихачев сравнительно подробно описывает природу района Авилы и сам город, расположенный на бесплодной, голой скале, так как он редко посещался географами и был еще малоизвестен. Также сравнительно подробно описал П. А. Чихачев г. Эскуриале, особенно дворцы Филиппа II с их одиннадцатью тысячами окон.

«Душа этого властителя была настолько проникнута культом клерикального идеала, что в ней не оставалось вовсе места заниматься благополучием своих многочисленных подданных. Я не мог покинуть это мрачное обиталище Филиппа II, не испытав сильного желания написать карандашом на стенах белого мрамора следующую выдержку: „Пожалеем людей, управляемых священником: вместо того чтобы обеспечить им дары небес, он только отнимает у них блага земные“»³.

² Ibid. P. IX.

³ Ibid. P. 8.

8 октября П. А. Чихачев выехал из Мадрида в Толедо. В окрестностях Мадрида, в местечке Вальдемар, «появляются в небольшом количестве оливковые деревья, первые, которые мы увидели в Испании». П. А. Чихачев подробно описывает памятники архитектуры Толедо, им также дается картина природных условий района. «Климат Толедо — это климат резких колебаний температур: летом там жарко, а зимой достаточно холодно, чтобы покрыть реку Таго толстым слоем льда, могущим выдерживать вес человека. Холода наступают в декабре месяце, им предшествует чудная осенняя погода. Так, в октябре мы наслаждались яркими лучами солнца, но вечерами и по утрам довольно свежо. Здесь многие занимаются культурой оливкового дерева и даже изготавливают для нужд города прованское масло»⁴.

П. А. Чихачев сопоставляет Толедо 1877 г. с тем, каким он выглядел в описаниях Абульфеда (XIV в.), Эдризи и других, которые прославляли ныне отсутствующие великолепные сады и знаменитые породы быков этой местности.

Из Толедо П. А. Чихачев отправился в Кордову, а оттуда в Севилью через Аргамазилье, в котором Сервантес когда-то писал своего бессмертного Дон-Кихота.

«Район, который пересекаешь, направляясь из Кордовы в Севилью, представляет собой обширную равнину, украшенную сперва несколькими рощицами оливковых деревьев, но затем они исчезают и район становится пустынным и безлесным, хотя в некоторых местах покрыт многочисленными группами карликовых пальм — представителями африканской растительности... Вокруг Севильи вся местность неровная и совершенно неживописная. Однако Гвадалквивир не лишен привлекательности... Мы были поражены, попав в Севилью, внезапным и быстрым изменением температуры. Когда по пути из Мадрида и Толедо путешественник пересекает Сьерра-Морену и спускается в бассейн Гвадалквивира, то в течение нескольких часов климат меняется несколько раз. Так, до Сьерра-Морены мы находились в условиях северного климата, подобного тому, какой бывает в это время года в Северной Германии. В Кордове температура была такая же, как во Флоренции, в Севилье как в Неаполе или Палермо. Летом в Севилье температура достигает 40° в тени. В течение 8 дней (с 12 по 20 октября), проведенных нами в этом очаровательном городе, температура была в среднем 20° в тени и 37° на солнце»⁵.

Из Севильи П. А. Чихачев направился по равнинам, славившимся высокосортным виноградом, к пор-

⁴ Ibid. P. 9.

⁵ Ibid. P. 21.

товому городу Кадис. 23 октября он уже покинул Кадис и отплыл на пароходе в Гибралтар, добравшись до него за один день.

«Гибралтарская скала,— пишет П. А. Чихачев,— это известный массив, тянущийся примерно с севера на юг. Скала эта довольно отвесная со всех сторон и имеет более или менее доступные склоны с западной стороны, тогда как восточный склон представляет собой почти вертикальную стену, на которую можно подняться с трудом по нескольким очень крутым тропинкам. С северной стороны стены также очень крутые, они как бы упираются в обширную песчаную и засушливую равнину, образующую перешеек, соединяющий полуостров с материком. Наконец, южная оконечность скалы снижается более или менее отвесно, образуя горное плато. Поверхность этого плато то изрыта, то ровная. Она обрывается довольно внезапно на некотором расстоянии от моря, от которого плоскогорье отделено равниной, заканчивающейся на восточной оконечности стрелкой, на которой возвышается маяк. Место это называется „Стрелкой Европы“»⁶.

П. А. Чихачев приводит весьма интересный материал по истории осад Гибралтара, устройства укреплений и т. п. Большую ценность представляют исследования П. А. Чихачевым флоры и фауны Гибралтара, причем он описывает не только существующие виды растительности и животных, но также, используя палеонтологические данные и работы географов древности, дает историю развития животных и растительности полуострова. Он также пытается установить период образования пролива, руководствуясь палеонтологическими ископаемыми.

Из Гибралтара П. А. Чихачев направился в г. Малагу, привлекаящую его своим климатом.

«Малага особенно замечательна своим климатом, необыкновенно приятным для культуры апельсин и винограда, плод которых, то сухой, как мадера, то сладкий, как люнель, пользуется заслуженной славой во всей Европе. Защищенная с северной стороны более или менее высокими горами и совершенно открытая для южных ветров, дующих из Марокко, и скорее согретая, чем охлажденная (особенно зимой), узкой пеленой моря, отделяющего Африку от Европы, Малага пользуется совершенно особенно благоприятными климатическими условиями. Средняя годовая температура ее равна 19,8°, средняя зимняя 14,1°, средняя весенняя 18,3°, средняя летняя 25,5° и средняя осенняя 21,6°. Нигде в Европе, в том числе и на юге Европы, нет места, обладающего такой высокой температурой зимой. Она даже превышает температуру Туниса (13,2°) и Алжира (12,5°) и почти одинакова с температурой Каира (14,5°), хотя этот египетский город расположен более чем на 5° южнее Малаги. Впрочем, перед Каиром Малага имеет то

⁶ Ibid. P. 25.

преимущество, что летом в ней не так жарко, как в Каире, ибо там средняя летняя температура доходит до 28,2°»⁷.

2 ноября П. А. Чихачев покинул Малагу и направился в старинную резиденцию арабских властителей — в Гранаду.

«Путь наш лежал по прекрасной равнине, более или менее обработанной и богатой виноградниками. Кругом Каркаммы виднеются красивые группы эвкалиптовых деревьев; дальше рощицы оливковых деревьев, покрытых зрелыми плодами... В районе Богантес вступаешь в прекрасную гористую местность.

Здесь то беспрестанное чередование пиков, поднимающихся ввысь, как стрелы, с пропастями, на дне которых, подобно стальной ленте, блестит Гвадалквивир, то вдруг слышно, как бурлят волны невидимого потока. Это удивительное ущелье, известное под именем „Хойя“, образует проход через горную цепь, соединяющую массив Ронды с горным хребтом Антикерра, западным продолжением Сьерра-Невады. Ущелье Хойя представляет собой соединение альпийских пейзажей, единственных в Испании и даже, быть может, во всей Европе, так как если оно по высоте над уровнем моря и занимаемому пространству соперничает с самыми величественными пейзажами Швейцарии, Тироля, Баварии и т. д., то по красоте и резкости очертаний оно, конечно, превосходит картины природы названных стран, имея к тому же преимущество быть наделенным всеми благами южного климата»⁸.

Пройдя живописно расположенный городок Лоха, утопающий в зелени роц из оливковых деревьев, П. А. Чихачев вскоре достиг красивой равнины Гранады.

«Эта прекрасная площадь, почти горизонтальная, называется „Вега-де-Гранада“, она очень хорошо окультурена и местами покрыта прелестными рощами из оливковых деревьев, среди которых виднеются и апельсиновые. Черная почва орошается везде ирригационными каналами. Воду для этого поводят по каналам из Ксенила. Панорама Гранады с величественно возвышающейся за ней Сьерра-Невадой производит на самом деле чарующее впечатление»⁹.

Описывая великолепную природу Гранады, П. А. Чихачев изобразил также жалкое существование бедного населения, ютящегося в скалах в окрестностях города. «Население Альбацино (пригород Гранады) состоит почти исключительно из „гайтана“, живущих в жалких лачугах, а чаще всего в пещерах, образованных самой природой или выдолбленных в породе. Ничто не может иметь более жалкого вида, чем этот сброд нищих»¹⁰.

⁷ Ibid. P. 37.

⁹ Ibid. P. 40.

⁸ Ibid. P. 39.

¹⁰ Ibid. P. 47.

Из Гранады П. А. Чихачев вернулся в Малагу и направился в центр Испании, в Манцанарес, покинув временно Андалузию. Достигнув Манцанареса, П. А. Чихачев после двухдневного отдыха отправился вновь на юг, в Андалузию, в портовый город Картахен — конечный пункт его путешествия по Испании, чтобы затем оттуда пароходом достичь берегов Северной Африки.

«Климат Картахена такой же мягкий, как и в Малаге. Особенно характерной чертой его является то, что финики здесь вполне вызревают, тогда как они не вызревают на Алжирском побережье, хотя оно находится гораздо южнее, чем берега Восточной Испании. Это общеизвестный факт, и район Эльчи пользуется в этом отношении мировой известностью»¹¹.

Окрестности Картахена славились разработками металлоносных залежей. П. А. Чихачев посетил одну из наиболее крупных разработок серебра и железа — Унион. Он приводит интересные выдержки из работ древне- и средневековых авторов о добыче золота, серебра, свинца и железа в прежние времена в районе. Подробным описанием состояния промышленности, транспорта и торговли этого одного из наиболее крупных средиземноморских портов Испании П. А. Чихачев закончил описание путешествия по Испании.

17 ноября 1877 г. П. А. Чихачев достиг берегов Северной Африки и высадился в средиземноморском порту Оран, в котором 30 лет назад он провел около двух недель. На этот раз П. А. Чихачев находился в Орানে только 3 дня. Затем, пересекая равнину, местами обильно заболоченную, а местами заросшую карликовой пальмой, он прибыл в местечко Сен-Дени-дю-Сиг, называемое так в связи с плотинами, построенными французами на р. Сиг.

«На равнине между Ораном и Сен-Дени встречаются виноградники и плантации табака. Этих плантаций довольно много вокруг Сен-Дени. Разведением табака занимается здесь главным образом христианское население — французы и испанцы, их насчитывается до 7000 человек»¹².

П. А. Чихачев отмечает, что еще 30 лет назад в этих местах с успехом разводился хлопок, но из-за конкуренции с американскими дешевыми сортами хлопка «данная крупная отрасль экономики Алжира

¹¹ Ibid. P. 53.

¹² Ibid. P. 67.

почти совершенно отмерла и, по-видимому, совсем погибнет, если только не удастся дать ей новый размах введением новых сортов хлопка, дающих в условиях Северной Африки более эффективный урожай, чем в США»¹³.

В районе Сен-Дени П. А. Чихачев исследовал небольшую р. Сиг, в которую во время дождей поступают громадные массы воды, не вмещающиеся в русло и которые производят опустошение всей окружающей местности. Из Сен-Дени П. А. Чихачев отправился в деревню Тениэт-Эль-Ахд, южные окрестности которой славятся обилием кедровых лесов. Деревня эта находится на высоте 1165 м над уровнем моря.

«Вначале мы переправились через места, являющиеся отрогами горной цепи Тениэт-Эль-Ахд. Они совершенно оголены, всюду пробиваются глинистые и известковые мергели. После часового подъема показываются сперва прекрасные каменные дубы, а затем появляются и первые кедр, число которых возрастает по мере продвижения вверх. Несмотря на увеличение числа кедров, леса, образованные ими, все же смешанные, так как кедр объединяются с каменными дубами и дубами баллота („кверкус баллота“), листья которых, сильно пожелтевшие от дыхания осени, приятно выделяются от серо-зеленых кедровых игл. Многие из этих деревьев достигают удивительной высоты. Нередко можно встретить деревья высотой в 30 м и выше, а окружностью в 6—9 м. Если судить по концентрическим слоям, то некоторым из этих гигантов должно быть не меньше 1400 лет»¹⁴.

П. А. Чихачев определил, что кедр на этих горах поднимается до высоты 2000 м, а общая площадь, занятая под кедровым лесом, около 50 км².

«Район алжирских кедров,— заключил П. А. Чихачев,— сравненный с таким же районом в Малой Азии, уступает последнему как с точки зрения пород, так и с точки зрения занимаемого пространства. Минералогический состав и геологический возраст пород, на которых развиваются кедровые леса, также отличаются друг от друга. В Малой Азии почва состоит из глинистых сланцев и темных кристаллических известняков, которые могут быть отнесены к палеозою, здесь же порода состоит исключительно из известняка гораздо

¹³ Ibid. P. 68.

¹⁴ Ibid. P. 77.

более недавнего происхождения и может быть отнесена к третичной эпохе»¹⁵.

1 декабря П. А. Чихачев прибыл в обширный портовый город Алжир.

«Здесь, подобно Марселю или Гибралтару, все же преобладают европейцы. Так, в современной части города можно себе иногда представить не то, что французы приехали к арабам, а как раз обратное — арабы приехали навестить французов»¹⁶.

П. А. Чихачев описывает все достопримечательности города и его окрестностей, так же как и Толедо, сопоставляя его с описанием авторов средневековья.

9 декабря П. А. Чихачев провел экскурсию на мыс Коксин — один из многочисленных выступов дивного побережья, развертывающегося на необозримое пространство и заканчивающегося у самого моря группами живописно разбросанных скал.

«Часть побережья, заключенная между вышеупомянутым мысом и Алжиром, дышала прелестью и обаянием весны, хотя мы вступали в зимний период. Изумрудный ковер покрывал не только все отвесные скалы, у подножия которых лениво плескалось синее море, но и горы с причудливыми очертаниями, окаймляющие берега»¹⁷.

В окрестностях Алжира П. А. Чихачев исследовал гроты — обиталище первобытных людей. Кроме того, он сделал геологическую съемку района, расположенного между Алжиром и мысом.

«На этом пространстве, — пишет П. А. Чихачев, — видно, как появляются один за другим граниты, слюдяные сланцы, тальковые сланцы, гнейс, темный и синеватый известняк. Что касается возраста известняков, то пока не удастся обнаружить ископаемые, трудно определить то место, которое они занимают в серии палеозойской формации. Впрочем, некоторые разновидности темных известняков мне чрезвычайно напоминали известняки Босфора, и я был бы очень счастлив, если бы алжирские известняки показали мне хоть след палеонтологических богатств, которые мне дано было открыть в этом знаменитом проливе»¹⁸.

Окрестные места Алжира сложены гранитами, чередующимися со слюдяными, тальковыми и хлористыми

¹⁵ Ibid. P. 79.

¹⁶ Ibid. P. 82.

¹⁷ Ibid. P. 94.

¹⁸ Ibid. P. 98.

сланцами и особенно с темно-синими известняками, которые ввиду своего простирания и мощности играют в окрестностях Алжира весьма значительную роль. В целях определения стратиграфии и мощности известняков П. А. Чихачев посетил ряд каменоломен, где, несмотря на то что разработки велись на глубине более чем 30 м, основания известняков обнаружить не удалось.

«Район Алжира,— пишет П. А. Чихачев,— образован из третичных осадочных пород, вероятно полиоценовых, чаще всего состоящих из грубых песчаников с содержанием множества обломков белого кварца. В породе много раковин, особенно двустворчатых. В некоторых местах третичные песчаники покрыты довольно мощными слоями (несомненно, наносными) глин и красных песков»¹⁹.

В районе Каксина П. А. Чихачев установил, что скалы из темного известняка, обрывающиеся отвесно к морю, содержат большое количество улиток. Мощность песчаников, содержащих раковины улиток, самая разнообразная. Наличие раковин улиток позволило предположить, что данная часть побережья должна была обнаружиться в очень недавнюю эпоху, т. е. уже после образования песчаников с улитками. В другом месте (в 40 км от Алжира) П. А. Чихачев по наличию в осадочных слоях ископаемых (*Pectunculus violaceus*, *Pecten opercularis*) определил принадлежность слоя к верхнему ярусу (плиоценовому) третичной эпохи.

П. А. Чихачев отмечает наличие весьма благоприятных климатических условий для разведения здесь различных видов растений, в том числе и весьма редких.

«На самом деле, несмотря на все усилия, в европейских государствах удалось культивировать ряд тропических или субтропических растений только в теплицах или оранжереях с умеренно жаркой температурой воздуха, тогда как в здешнем благодатном климате растения эти живут в грунтах под открытым небом. Здесь и не существует теплиц в собственном смысле этого слова, так что растительность, с таким трудом выращиваемая под небом Европы, в ее садах и требующая таких усилий для сохранения от ветров

¹⁹ Ibid. P. 123.

и непогоды, в Алжире требует только комбинированного действия неба и земли»²⁰.

Большой интерес представляет описание быта и культуры древней и когда-то многочисленной народности кабильцев, которая до вторжения арабов (около 640 лет после Р. Х.) занимала Северную Африку и в течение многих веков непрерывно успешно боролась с чужеземными завоевателями.

П. А. Чихачев, изучая различные народности Северной Африки, пришел к выводу, что берберы, или кабильцы, являются самыми древними обитателями этой части Африки, хотя теперь они рассеяны по разным местам и под самыми разнообразными названиями (берберы, бобу, имушары, туареги, мелухи, кабильцы, шавия, мевры и т. д.). П. А. Чихачев записал со слов местных жителей ряд весьма интересных эпизодов борьбы кабильцев с французскими колонизаторами.

П. А. Чихачев исследовал также флору горного хребта Джур-Джур, наиболее высокие вершины которого в марте были покрыты снегом. Средние возвышенности, разделенные оврагами и долинами, в то же время были покрыты свежей зеленью. Общая картина этой местности напоминала Швейцарские Альпы. П. А. Чихачев установил растительные зоны хребта и дал описание многих местных видов растений. Для средней зоны он установил 77 характерных видов растений, а верхней — 67. Среди видов этих двух зон он описал 7 совершенно неизвестных в то время и присущих только хр. Джур-Джур. Некоторые виды растений являются общими как для Джур-Джур, так и для гор Табор и Аурес. Всего в горном хребте П. А. Чихачев обнаружил 144 вида растений, тогда как во всей кабильской местности их было обнаружено 1277.

Из области геологии весьма интересно наличие нуммулитов, обнаруженных им на самом высоком пункте горной цепи (пик Лалли Хадидж — 2038 м).

«Этот факт, — пишет П. А. Чихачев, — чрезвычайно важен по своему значению, ибо он является доказательством того, что сравнительно недавно произошло изменение земной коры в Джур-Джур, в результате которого образовалась горная цепь. Это могло иметь место только в эоценовый период третичной эпохи,

²⁰ Ibid. P. 158.

а следовательно, приблизительно в эпоху перемещения земной коры в Швейцарских Альпах. Однако, по-видимому, при появлении из миоценового моря Джур-Джур не поднялась до своей теперешней высоты, она достигла ее только в четвертичный период, ибо мощные осадочные слои, относящиеся к последней эпохе, покрывают южный склон горы»²¹.

Как известно, П. А. Чихачев и 30 лет назад бывал в этих местах, но «французский генерал-губернатор Алжира,— пишет П. А. Чихачев,— отказывал мне в изучении этих мест, утверждая, что весьма подозрительно и таинственно появление русского, носящего к тому же полувосточную одежду (я только что вернулся из Средней Азии) и разговаривающего с арабами запросто на их языке. Он упорно считал меня опасным агентом русской дипломатии»²².

П. А. Чихачев исследовал район г. Шершель. Наличие многочисленных органических остатков в осадочных слоях этого района впервые было констатировано еще в древние века Помпонием Мэла.

«Работа Помпония Мэла приобретает еще большее значение,— пишет П. А. Чихачев,— тем, что в ней фигурирует среди малого числа предположений, высказанных древними авторами, утверждение о том, что на тех местах, где встречаются органические остатки, некогда находилось море. Это одно из тех блестящих соображений, которые не раз осеняли древних, опережая, таким образом, наших современников, ибо потребовалось немало веков, прежде чем в эпоху, уже очень приближающуюся к нашей, ученые стали серьезно задаваться вопросом, действительно ли окаменелые раковины являются не чем иным, как игрой природы, доказывая на самом деле присутствие моря. Однако серьезное значение этого замечательного вывода Помпония Мэла можно рассматривать и с другой стороны. Утверждение, высказанное Помпонием, заставляет нас прийти к выводу, что земная кора прибрежного района Шершеля была приподнята уже в историческое время. Мы можем подтвердить данное предположение также наличием якорей, вклинившихся в скалы»²³.

2 апреля П. А. Чихачев, после возвращения из Блидаха и Шершеля в Алжир, решил исследовать мыс Метифу, находящийся в 28 км от Алжира.

²¹ Ibid. P. 182.

²³ Ibid. P. 200.

²² Ibid. P. 181.

«Если учесть, что на прибрежной полосе, заключенной между фортом и мысом Метифу, известняки, граниты, гнейсы и слюдяной сланец чередуются несколько раз, можно допустить, что это чередование идентично чередованию пород Алжира. Отсюда становится вероятным, что, несмотря на разницу между известняками обоих местностей, они все же связаны с теми же палеозойскими отложениями, хотя, возможно, и относятся к разным ярусам»²⁴.

7 апреля 1878 г. после четырехмесячного пребывания в Алжире П. А. Чихачев отправился вдоль южного склона Джур-Джур через Полестро, Бордже-Буир, Бени-Мансур к портовому городу Бужи. На пути от Алжира до Бужи П. А. Чихачев вел геологические и минералогические исследования, сделал подробное орографическое описание местности, собрал гербарий, изучил реки Иссера, Уэд-Джеман, Сахель, Уэд-Джитун, Уэд-Агриуни. П. А. Чихачев сообщает, что места эти известны большим количеством обезьян, львов, шакалов, встречаются также пантеры.

16 апреля П. А. Чихачев из Бужи отправился в древнейший город, некогда мавританскую столицу, Сетиф, находящийся в гористой местности, отделяющей побережье от обширной равнины, простирающейся между Сетифом и Константиной. Особенно живописным местом в этом районе является знаменитое ущелье Шабет-Эль-Аххир.

«В том месте, где долина больше всего стеснена горами, ущелье показывает всю свою оригинальную красоту. С двух сторон поднимаются живописные скалы, в глубине же ущелья видно, как Агриуни низвергается в бездну в виде пенящихся водопадов. Несмотря на крутые склоны скал, они все же обросли маслинами, пробковым дубом и многими другими растениями. Вертикальные стены ущелья местами настолько сужаются, что нам казалось, что мы продвигаемся по извилистому туннелю, окаймленному тысячу гигантских столбов. Это действительно чарующая картина, оригинальность которой еще подчеркивается множеством обезьян, оживляющих горы»²⁵.

19 апреля П. А. Чихачев прибыл в г. Константину, расположенный на прекрасной огромной скале, которую окружает почти со всех сторон р. Румель.

²⁴ Ibid. P. 208.

²⁵ Ibid. P. 245.

«Среди чудес природы, присущих Константине, укажем в первую очередь на волшебный пояс пенящихся водопадов и живописных утесов вокруг дивной скалы, на вершине которой расположен город, подобно орлиному гнезду. Уже с очень давних времен эта чарующая глаз кругообразная долина служит предметом восхищения»²⁶.

В окрестностях Константины П. А. Чихачев исследовал ряд гор, среди которых особый интерес как с геологической, так и с ботанической точки зрения представляет гора Джибель-Уаш (гора Оленя по-арабски).

23 апреля П. А. Чихачев выехал из Константины в Батну, расположенную среди пустыни на высоте 1051 м. В окрестностях Батны он исследовал геологическое строение долины р. Ксур, в отвесных и высоких берегах которой очень часто обнажаются мощные слои известняка.

«Сплюснутые холмы в долине Ксура образованы известняками. Их пласты обладают горизонтальной стратификацией, причем мне не удалось обнаружить здесь следов органических остатков, за исключением нескольких совершенно потерявших вид двухстворчатых раковин, завязших в разновидностях породы красноватого цвета.

Бесплодные поверхности равнины обладают лишь весьма малым количеством растительности. Однако желтые и белые цветы грациозно выделяются, показываясь на фоне каменистой почвы»²⁷.

Между Ксуром и Кинтарским ущельем рельеф местности становится более разнообразным, хотя сохраняет свой характер пустынности и бесплодия. Холмы П. А. Чихачеву были интересны с геологической точки зрения, так как всюду обнажались пласты, поражающие глаз своими разнообразными формами. Все они образованы из тех же известняков.

Кроме Ксура, П. А. Чихачев исследовал реки Уэд-Федель, Уэд и Контару, которая, пройдя через одноименное ущелье и мимо Бискры, теряется затем в песках пустыни.

Перейдя через Контару в районе ущелья, П. А. Чихачев поразился резкому изменению ландшафта, так

²⁶ Ibid. P. 257.

²⁷ Ibid. P. 277.

как бесплодная пустыня, тянувшаяся начиная с Батны, уступила место богатой растительности.

«Путник, дошедший до данного места, сразу останавливается как зачарованный, ибо перед ним внезапно открывается действительно необыкновенная по красоте панорама. Как по мановению волшебной палочки перед его глазами открывается вид на все ущелье и появляется целый лес пальм, колеблющийся среди равнины с неясными, туманными очертаниями»²⁸.

27 апреля П. А. Чихачев прибыл в Бискру, где провел 12 дней, совершая почти ежедневно научные экскурсии по окрестностям города. «Ввиду того что дело идет о стране еще малоизвестной и чрезвычайно интересной во всех отношениях, особенно с точки зрения метеорологии, мне кажется, что будет полезно ознакомиться с общими результатами, полученными путем трудоемкой работы»²⁹. П. А. Чихачев составил ряд таблиц, характеризующих природные условия местности, а особенно климатические, геологические, почвенные и ботанические богатства ее.

Спустившись южнее Бискры на 40—50 км, П. А. Чихачев исследовал оазис Заджи, населенный арабами. В его окрестностях имеется ряд развалин — деревень, разрушенных французскими колонизаторами.

«От деревни Заджи в наши дни,— пишет П. А. Чихачев,— остались лишь части полуразрушенных стен, памятники героической борьбы, происходившей между арабами Заджи и французами в 1849 г. Последние, численность войск которых была около 8000, осаждали эту несчастную деревню около 2 месяцев, бомбардируя из 15 пушек ее жалкие домишки, выстроенные из кирпичей и ила. Деревню защищали примерно 2000 арабов, вооруженных плохим оружием, но число которых, правда, все время пополнялось жителями всех соседних оазисов, спешившими на помощь своим доблестным соотечественникам... Неприятель занял Заджи только тогда, когда все ее защитники пали смертью храбрых на поле сражения, когда дома их были совершенно разрушены»³⁰.

На обратном пути из Бискры в Батну П. А. Чихачев поднялся на горный массив Аурес, значительная часть которого находилась еще под снежным покровом.

²⁸ Ibid. P. 281.

²⁹ Ibid. P. 245.

³⁰ Ibid. P. 301.

Он пересек ряд вершин, из них особого внимания по богатству и разнообразию растений заслуживают Джебель-Тугур, Джебель-Бумерцер, Джебель-Казру и Джебель-Борджема.

«Кроме кедров, представляющих собой жемчужину среди всех драгоценностей растительности Алжирской области вообще и Ауреса в частности, все эти горы отличаются оригинальной флорой. Достаточно сказать, что на горе Тугур имеется 412 разных видов, из которых 23 более или менее присущи только данной местности»³¹.

Район этот пустынен и сравнительно мало заселен, хотя памятники старины свидетельствуют о бывлой культуре.

«По всей вероятности, многие районы Ауреса, пустынные в настоящее время, были некогда заселены. Это доказывают не только часто встречающиеся развалины построек римского типа, но и описание горы Аурес, оставленное нам Прокопием и до такой степени пленительное, что за много лет до моего путешествия в Африку я беспрестанно перечитывал труды Помпония Мэла и горел желанием побывать в этих местах, столь красочно описанных человеком, любовавшимся лично их прелестью»³².

Весьма интересные материалы приводит П. А. Чихачев по истории артезианских колодцев в Северной Африке, начиная с древнейших времен и вплоть до 1876 г. П. А. Чихачев сравнивает строение африканской пустыни с такой же структурой огромных пространств, занимаемых пустынями Центральной Азии, а особенно с пустыней Туркестана Каракум.

П. А. Чихачев описывает экономику различных городов этой области. Особенно подробно останавливается на рыболовстве, охоте, земледелии, садоводстве, пробковых плантациях и добыче руд.

В окрестностях Бона П. А. Чихачев исследовал горный массив Эдугх, расположенный в 30 км от города, и горячие источники Хаммам Мескутин, на расстоянии 80 км на юго-запад от Бона.

Местность эта была известна также обилием зверей — пантер, львов и др. Причем интересно отметить, что для охоты за львами сюда приезжали из разных стран Европы, в том числе и из России. Так, напри-

³¹ Ibid. P. 322.

³² Ibid. P. 324.

мер, в бытность П. А. Чихачева особой известностью среди охотников в этой части Северной Африки пользовался молодой русский охотник М. К. Турский.

Подводя итоги геологическим наблюдениям в Алжирской области, П. А. Чихачев исследует осадочные породы девонской, юрской, меловой, третичной и четвертичной формаций. Известняки девонской формации П. А. Чихачев обнаружил в окрестностях г. Алжира. Для Алжирской провинции, кроме девонской формации, П. А. Чихачев обнаружил юрские известняки в Оране и в Константине. Много палеонтологических остатков мелового периода обнаружил П. А. Чихачев в окрестностях Константины, в местах Тебесса и Батна. Он приводит список палеонтологических ископаемых, «которые,— по выражению П. А. Чихачева,— более убедительно, чем ряд ученых, характеризуют истинную геологическую историю местности».

Большой интерес представляют исследования П. А. Чихачевым «современных осадочных слоев».

«Осадочные слои этого возраста не были еще достаточно изучены в алжирских провинциях, чтобы можно было точно определить все пространства и оценить все значение действия сил природы на данную местность...

Последовательное изучение творческой деятельности великой мастерской природы, созидающей непрерывно на наших глазах, представляет особенный интерес, если можно проследовать за ее творениями на протяжении ряда исторических эпох при помощи исторических документов, за достоверность которых можно поручиться. При такого рода исследованиях полученные результаты пропорциональны значительности роли, которую данная страна сыграла в процессе развития человечества, а следовательно, и большего или меньшего числа литературных, художественных и традиционных воспоминаний, связанных с ним. Итак, страны, называемые „классическими“, представляют самые обильные и самые разнообразные результаты для изучения такого рода, как, кажется, я не раз уже упоминал, следя шаг за шагом, с книгами древних авторов в руках, за многочисленными изменениями, которым подверглась поверхность Малой Азии, даже в такой отрезок времени, как начиная с христианской эры и до наших дней, ибо как раз в течение такого сравнительно короткого срока мы видим, что реки иногда по несколько раз меняют свое направление, берега видоизменяют свои очертания и т. д. В результате присоединения обширных дельт приморские города бываю отодвинуты на значительное расстояние от побережий, озера и даже извилистые, далеко вдающиеся морские заливы превращаются в твердую землю, глубокие долины — в равнины, а равнины, в свою очередь, в глубокие, изрытые бездонные ямы. И все это под неутомимым влиянием обычных факторов, без вмешательства стихийных бедствий.

Несомненно, алжирские провинции, которые также достойны своего включения в «классические земли», не преминут представить ученым интересные данные относительно последовательного развития современных осадочных слоев, относящихся к эпохам либо историческим, либо доисторическим, и уже в настоящее время можно провести некоторые суждения такого рода»³³.

П. А. Чихачев указывает, в частности, на породы равнины, расположенной между г. Бон и подножием одноименной горы. Глины и песчаники этой равнины содержат в себе наряду с раковинами моллюсков, живущих и по сей день в Средиземном море, небольшие осколки глиняной посуды римского производства. Это позволило предположить, что образование раковины может быть отнесено к эпохе, следующей за римским владычеством.

Что касается ботанических богатств, то П. А. Чихачев, кроме различных видов флоры Алжира, описал также растительный мир Киренаики, Триполитании, Марокко и Туниса. К общим выводам П. А. Чихачева в этом вопросе относятся:

¹ На той части Африканского берега, которая была исследована по сегодняшний день, флора обогащается по мере продвижения с запада на восток. Так, в Марокко имеется больше всего местных видов, затем идет Алжир, потом Тунис и наконец Триполи, где почти совершенно отсутствуют местные виды.

² В Марокко недостаток видов, свойственных Италии и странам восточной части бассейна Средиземного моря, резко контрастирует с обилием португальских и испанских видов, а это служит доказательством тому, что как в прибрежных районах Марокко, так и в Алжире сходство растений с видами, произрастающими в соседних частях Европейского материка, проявляется в соответствии с широтой данной местности. Не менее явным доказательством служит преобладание в прибрежном районе Марокко растений, идентичных с растениями Португалии и Испании, но еще не встречающихся в Алжире.

Эти факты, казалось бы, указывают на то, что Средиземное море заняло свои настоящие границы только после распределения живых существ, так как они существуют и в нашу эпоху»³⁴.

П. А. Чихачев пытается также при определении возраста Гибралтарского пролива использовать методы ботанической географии. К общим моментам П. А. Чихачев относит бедность Алжира некоторыми семействами растений более или менее изобильных на север-

³³ Ibid. P. 439.

³⁴ Ibid. P. 439.

пом побережье Средиземного моря и строгую локализацию ряда видов.

В Алжире бедно представлены породы дуба. Если Малая Азия обладает 52 разновидностями дуба, то в Алжире в то время было обнаружено всего 9 разновидностей, в Испании — 16, во Франции — 12 и т. д.

«Что же касается преимуществ локализации растительных видов,— пишет П. А. Чихачев,— то кедр представляет нам пример особенно интересный, ибо во всем Средиземноморском бассейне он появляется только в двух пунктах — в нескольких местах северного района Африки, а именно в Алжире и на южном побережье Малой Азии»³⁵.

П. А. Чихачев исследовал лесные ресурсы и причины обезлесения ряда районов страны, среди которых особенно большой ущерб наносят частые пожары и хищническое истребление некоторых видов растительности французскими колонизаторами (например, пробкового дерева).

Весьма ценный материал приводит П. А. Чихачев по истории культурных видов растений в Северной Африке (табак, хлопок, альфа, «рами» и т. д.).

Немалый интерес представляют доказательства времени появления и исчезновения в Африке некоторых видов животных. Так, говоря о появлении верблюдов, П. А. Чихачев пишет: «Это животное, столь необходимое в наши дни для сообщений в пустыне, повидимому, было почти неизвестно в Северной Африке приблизительно накануне христианской эпохи. Не имеется каких-либо изображений этого жвачного животного ни на одном древнем памятнике ни в Египте, ни в Мероэ. Полибий, указывая на слонов в карфагенской кавалерии, ничего не упоминает о верблюдах. Я уже давно настаиваю на том, что верблюды сравнительно недавно были ввезены на территорию Северной Африки»³⁶. В подтверждение этой гипотезы П. А. Чихачев приводит ряд работ древних авторов, например работы Геродота, Ксенофонта, Прокопия, Гликина и др., в которых ни слова не сказано о верблюдах, тогда как даются описания многих видов животных. П. А. Чихачев считает также, что исчезновение в Северной Африке слонов, носорогов, жирафов, крокодилов может быть

³⁵ Ibid. P. 440.

³⁶ Ibid. P. 443.

приписано не только деятельности человека, но и изменениям климатических условий.

Наряду с исследованиями природных богатств П. А. Чихачев дает подробное описание экономической деятельности в этой стране. Он занимается вопросами земледелия, скотоводства, промышленности, внутренней и внешней торговли, а также развития путей сообщения, перевозки грузов, просвещения и т. д.

Особое место в работе П. А. Чихачева занимает колониальный вопрос. П. А. Чихачев прежде всего высказывается против политики бесправия и закабаления, которая проводится в Алжире в отношении местного населения.

П. А. Чихачев подчеркивает, что местные жители в Алжире не только не получили от французов какие-нибудь особые политические преимущества, «но они даже не пользуются одинаковыми политическими правами с французами».

«Французам следует бросить упрек,— пишет П. А. Чихачев,— в том, что правительство их после подавления восстания в 1871 г. запретило всему туземному населению носить оружие. Такое запрещение является самым большим унижением, которое можно причинить восточным народам; кроме того, у них было насильственно отнято 370 000 га лучшей земли, а восставшие племена обязали уплатить контрибуцию в размере 36 млн франков. Некоторые племена должны были выкупить у французов свою же землю... Говоря об арабах как о дикарях, слишком часто забывают, что дело идет об одной из самых способных рас земного шара, более чем другие восприимчивой к цивилизации»³⁷.

П. А. Чихачев подчеркивает прогрессивную роль русских во взаимоотношениях с мусульманами в отличие от американских, английских, французских и других колонизаторов.

«Я видел в некоторых деревнях Сибири,— пишет П. А. Чихачев,— русских, живущих с киргизами в таком мире и согласии, что никак нельзя предположить, что последние являются мусульманами».

В то же время П. А. Чихачев отмечает бесправие народов Индии. «Английское правительство закрепляет варварство и лишает цивилизации массы, насчитыва-

³⁷ Ibid. P. 462.

вающие многие миллионы человеческих душ, осужденных служить сотне властителей, роскошь и богатство которых могут способствовать блеску парадных празднеств, но не в состоянии скрыть ту грустную картину, когда на таких праздниках, как, например, на охотах, организованных в честь принца Уэльского (наследника английского престола), множество жалких, полуголых существ, использованных в качестве загонщиков диких зверей, являлись представителями подданных этих блистательных властелинов, сверкающих блеском драгоценных камней и сидящих на слонах с богато разукрашенной сбруей. Подобные представления, к несчастью, слишком напоминают охоты императора монголов Кублей-Хана, о которых Марко Поло оставил нам описание столь же живописное, как и прискорбное для человечества»³⁸.

П. А. Чихачев сравнивает Англию с паразитом, питающимся за счет соков крепкого дерева.

25 мая 1878 г. П. А. Чихачев после семимесячного путешествия по Алжиру отправился на пароходе из портового города Бон в Тунис.

Прибыв в Тунис, П. А. Чихачев боялся, что ему не разрешат проводить какие-либо исследования местности, а возможно, и арестуют, как это уже неоднократно происходило в предыдущих путешествиях по странам Востока. Боязнь эта обосновывалась тем, что в этот период шла русско-турецкая война.

«Приехав в Алжир и Тунис в тот период, когда война между Россией и Турцией была в полном разгаре, я боялся, как бы моя национальность не причинила мне серьезных неприятностей со стороны арабов. Но, когда я очутился в Алжире, оказалось, что страхи мои были совершенно необоснованы. Однако, успокоившись в Алжире, я все же несколько боялся арабов Туниса, управляемого мусульманским принцем, вассалом блистательной Порты, каково же было мое удивление, когда, приехав в Тунис, где уже, несомненно, были предупреждены о моем приезде, я убедился, что мое русское происхождение не возбудило никакой неприязни. Наоборот, бей старался всячески выразить мне, насколько возможно, публично свое благоволение, ибо он самолично в присутствии собрания народа в своем дворце вручил мне орденскую ленту „Нишан Ифтихар“ — высший знак отличия, каким он мог меня пожаловать. Так что, когда, украшенный блестящим знаком отличия, я уходил из приемного зала, часовые стояли передо мной „на караул“, а толпа арабов, через которую я проходил, направляясь на пристань, почтительно расступилась передо

³⁸ Ibid. P. 472.

мной, смотря на „москова“ (русского), украшенного орденом»³⁹.

«Что касается живописности ландшафта, то Тунис совершенно лишен таковой и является в этом отношении значительно ниже большинства восточных городов, точнее, городов Алжирской области, так как расположен на совершенно плоской равнине»⁴⁰.

П. А. Чихачев дает историческое описание города, а также озер и канала Ля-Гуллет. Находясь в Тунисе 10 дней, он ознакомился с административной системой правления, судопроизводства, присутствовал на судебных процессах. В своей работе П. А. Чихачев дает подробное описание культуры, быта и экономической деятельности населения Туниса.

После ознакомления с г. Тунисом П. А. Чихачев приступил к исследованию его окрестностей. Прежде всего отправился в район Загхуан, расположенный южнее Туниса на 40 км. Предметом экскурсии было не только исследование геологического строения местности и пополнение гербария редкими местными видами растений, но и ознакомление с великолепным акведуком, сооруженным 18 веков назад императором Андрианом с целью подвести воду к Карфагену из источников, бьющих из массива Загхуан, расположенных в 130 км от города.

29 мая Петр Александрович Чихачев поднялся на одну из наиболее высоких вершин массива Загхуан, состоящую из голубоватого или сероватого известняка, местами сильно кремнистого.

«Известняки, образующие Джебелт-Загхуан, заменяются в нижней части горы мергелевым известняком, чередующимся со слоистыми, желтоватыми или темноватыми мергелями, простирающимися на юго-восток. Эти мергелевые известняки принадлежат, вероятно, к той же формации, как и серые известняки средних районов горы. Однако того же нельзя сказать о белых, рыхлых известняках, которые в некоторых районах области, расположенной между Тунисом и Загхуаном, появляются в виде горизонтальных пластов; они, очевидно, более недавнего происхождения, быть может, времен третичного периода»⁴¹.

Это заключение, сделанное П. А. Чихачевым о геологическом возрасте пород, как известно, подтвердилось

³⁹ Ibid. P. 490.

⁴⁰ Ibid. P. 479.

⁴¹ Ibid. P. 498.

дальнейшими исследователями данной местности, но в то же время оно расхлосилось с заключением немецкого профессора Штахе, который относил данный район к девонской эпохе. После завершения экскурсии по горному массиву Загхуан П. А. Чихачев отправился к развалинам древнего города Утика, расположенного на полпути из Туниса в Бизерту.

Геологическими и археологическими исследованиями Утики, этого древнейшего города, П. А. Чихачев доказал, что данная часть Африканского побережья очень сильно изменилась, а именно к западной части Тунисского побережья прибавилась большая площадь, шириной более 10 км. «Это замечательное явление вызвано, несомненно, действием р. Меджерда, отложения которой даже в наши дни продолжают заносить песком бухту, известную под именем порта Фарина. Примерно два века назад эта бухта еще считалась прекрасным портом, глубина которого равнялась 10—15 м. Так, в 1655 г. капитан Блэк ввел в нее целую флотилию из десяти британских военных кораблей, находящихся под его командованием. Теперь же бухта Порто-Фарина имеет всего $1/2$ м глубины»⁴².

Далее П. А. Чихачев отмечает, что наряду с бесспорным влиянием реки на увеличение суши этой части здесь проявлялись также и другие, более существенные силы, так как расширение территории наблюдается и в районах, расположенных на значительном расстоянии от русла реки.

«На самом деле к юго-западу от Бизерты лежит оз. Гхорит-Джебель-Ишкуль (озеро древних). Оно называется так потому, что горы Ишкуль образуют на юго-западном берегу озера крутой высокий мыс, высотой 565 м над уровнем моря. Как установлено, гора эта находилась сперва на острове, лежащем посередине озера, имеющего в наши дни всего до 2,5 м глубины и окаймленного на востоке рифами, наполненными ископаемыми (кардиума), — доказательство, что этот обширный бассейн, богатый рыбами и моллюсками, был образован в результате перемещения земной коры, этой части морского дна.

Подобные перемещения обнаруживаются по всему побережью, расположенному между Порто-Фарина и заливом Габес»⁴³.

⁴² Ibid. P. 512.

⁴³ Ibid. P. 515.

«Из всех этих соображений можно вполне заключить,— пишет П. А. Чихачев,— что оттеснение Утики внутрь материка происходит не только под влиянием наносов р. Меджерда; но есть следствие явления гораздо более общего и значительного, более могущественного, еще довольно таинственного для нас. Это явление подтвердилось на стольких пунктах земного шара, что представляет собой, несомненно, одну из самых выдающихся черт наземной физики»⁴⁴.

4 июня П. А. Чихачев отправился к целебным источникам Хаммам-Эль-Энер, вытекающим из горного массива Джебель-Бу-Курнейн.

После ознакомления с целебными источниками П. А. Чихачев, «желая получить общее понятие о геологическом и ботаническом составе Джебель-Бу-Курнейна, расположенного несколько южнее Хаммам-Эль-Энера, перебрался через северо-восточный склон массива, идя вдоль глубокого озера, совершенно обезлесенного, как и остальная часть горы»⁴⁵.

5 июня П. А. Чихачев приступил к исследованию района, где когда-то стоял древний город Карфаген. Археологические данные почти ничего не говорят о финикийской, греческой и римской эпохах, так прославивших этот древний город.

Почти полное исчезновение Карфагена с лица Земли представляет собой явление единственное в своем роде, ибо ни один из городов, прославленных в древности, как, например, Нинивия, Иерусалим, Афины, Рим, не исчезал так бесследно, как Карфаген, и мы до наших дней еще имеем возможность пользоваться их дивными памятниками, хотя упомянутые города и бывали по несколько раз разрушены, особенно Иерусалим и Рим»⁴⁶.

П. А. Чихачев дает подробное описание истории древних городов — Иерусалима, Рима и особенно Карфагена. Причем это описание базируется отчасти на рукописях древних авторов и поэтому представляет большую научную ценность.

Интерес, побудивший П. А. Чихачева произвести геологическое исследование этой местности, особенно Габесского залива, связан со знаменитым проектом Рудэра, предложившего прорыть канал через пере-

⁴⁴ Ibid. P. 515.

⁴⁶ Ibid. P. 525.

⁴⁵ Ibid. P. 517.

шеек к Габесу и пустить воду внутрь Туниса и Алжира, создав таким образом море размером 320—650 км². П. А. Чихачев приводит интересные материалы по поводу прорытия этого канала и его экономического значения.

Касаясь климатических условий и растительности Туниса, П. А. Чихачев пишет: «Среди физических условий, столь благоприятных в Тунисе, следует также подчеркнуть мягкость климата и большое плодородие его почвы. Температура в Тунисе более высокая, чем в Алжире, ибо его средняя годовая равна 20,4°, средняя зимняя — 13,2°, средняя весенняя — 18,3°, средняя летняя — 28,3° и средняя осенняя — 20,4°. Что касается удивительно плодородной почвы, то она мало используется, вероятно, ввиду малочисленности населения, определяемого в 1,5 млн, во времена же римлян, которых насчитывалось в этих местах до 20 млн, роскошные леса покрывали районы, совершенно оголенные в наше время. Ввиду того что обезлесение развивается очень быстро, районы, считавшиеся заросшими еще около ста лет назад, ныне совершенно лишены растительности».

9 июня 1878 г. П. А. Чихачев после почти годичного пребывания в Северной Африке отправился пароходом из Туниса в Неаполь, а оттуда через несколько дней вернулся во Флоренцию.

Ознакомившись с результатами экспедиции П. А. Чихачева, можно сделать следующее заключение.

1. П. А. Чихачев является основоположником полевых исследований русских ученых, главным образом по геологии и ботанике, этой части Африки.

2. Ему принадлежит приоритет в геологическом исследовании и в определении многих видов растений ряда местностей Северной Африки, в том числе горных массивов Джур-Джур, Аурес, Загхуан.

3. Он установил, что побережье Северной Африки (особенно район, расположенный между городами Тунис и Бизерта) подвержено довольно сильным тектоническим движениям, в результате которых происходит значительное изменение положения береговой линии. Частным примером, доказывающим этот процесс, может быть портовый город Утика, он оказался удаленным от моря на 10 км новообразованным пляжем.

4. В результате исследования Северной Африки

П. А. Чихачев окончательно убедился в правильности своих палеогеографических суждений, противоречивших господствовавшей в то время теории недавнего поднятия Сахары (послетретичного). П. А. Чихачев еще в 1874 г. считал, что «за исключением некоторых пунктов, куда, возможно, море и могло проникнуть, оно уже не покрывало Сахару с ниже-третичной эпохи». Это заключение П. А. Чихачева остается в основном в силе и в наши дни. Так, академик И. П. Герасимов пишет: «В постпалеогеновое время море больше не заходило на территорию Сахары; здесь господствовал континентальный режим»⁴⁷.

5. П. А. Чихачев впервые дал схему размещения дикорастущих и культурных растений Северной Африки и установил районы распространения некоторых из них, как, например, кедра, дуба, во всем Средиземноморском бассейне.

6. Ему принадлежит заслуга написания истории появления и исчезновения в Северной Африке некоторых видов животных (слон, верблюд, лошадь и др.).

7. П. А. Чихачев впервые дал описание Северной Африки в популярной форме, показав одновременно человека и природу в их самых разнообразных проявлениях.

Несомненно, вышеперечисленные выводы далеко не исчерпывают научной ценности солидного труда — результата путешествия по Испании, Алжиру и Тунису — нашего соотечественника.

Пустыни мира

Африка вызвала живой интерес Петра Александровича Чихачева и после выхода в свет труда «Испания, Алжир, Тунис». В 80-х годах П. А. Чихачев издал ряд работ, в которых в той или иной степени отражались географические проблемы Африки. Особенно большое место заняли вопросы географии Африки в написанной им в 1888—1890 гг. интересной работе «Пустыни мира». В этой работе дается описание Сахары, Гоби, Тибета, оазиса Мерв, а также Арало-Каспийской впадины.

⁴⁷ Герасимов И. П. Географические наблюдения в Северной и Западной Африке // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1953. № 5. С. 61.

«Распределение на поверхности земли областей, благоприятных для жизни человека, и областей, из которых человек более или менее исключен, независимо от географического положения этих районов — одно из самых интересных явлений на Земле. Прежде всего поражают огромные размеры пустынь. Из всех пустынь мира Сахара, несомненно, самая значительная не только по своим размерам, но также и по своему историческому прошлому и по своему будущему. С этих точек зрения я и буду рассматривать Сахару, часть которой я имел случай изучить лично на месте»¹.

При описании великой африканской пустыни П. А. Чихачев не ограничивается собственно Сахарой, а включает сюда и Египет (Ливийскую пустыню). В Египте П. А. Чихачеву приходилось бывать неоднократно еще в первой половине XIX в.

Характеристику Ливийской пустыни П. А. Чихачев начал с важнейших ее оазисов, и в частности с оазиса Куфара, лежащего в 600 км к юго-востоку от залива Сирт.

П. А. Чихачев подчеркивает большую роль, которую оазису Куфара предстоит играть в будущем как по причине плодородия почв, так и по его географическому положению.

В огромной пустыне Сахара П. А. Чихачев выделяет три типичные зоны: каменистую пустыню—гаммада, эрозионную пустыню—себкха и песчано-каменистую пустыню—рэг.

«Гаммада — самый распространенный тип пустыни и в Северной Африке, поверхность которой каменистая. К этому типу, состоящему из плоскогорий и террас, примыкают неопределенные возвышенности, хотя они отличаются по своему топографическому строению от гаммад. Они обозначаются выразительным словом „свидетели“ (Temoius) и являются, очевидно, остатками современных террас. В центральной части Сахары, где террасы поднимаются до 800 или 1000 м над уровнем моря, гаммада постепенно приобретает гористый характер... Эрозионные пустыни особенно богаты озерными бассейнами, называемыми себкха, djuf или chett, когда они образуют впадины, окаймленные скалистыми берегами.

Наконец, третий тип пустынь характеризуется пе-

¹ Tchihatcheff P. Sahara // Revue des Deux-Mondes. 1889. P. 48.

сками и дюнами, называемыми *areg, remel* или (*igidi*). Это самый унылый и страшный тип пустынь»².

Выделение П. А. Чихачевым в 1888 г. именно трех характерных зон в пустыне Сахара является общепризнанным и сохранилось до наших дней.

Так, академик И. П. Герасимов, касаясь своей экскурсии по Сахаре в 1952 г., пишет: «...проделанный маршрут пересек очень характерные для Северной (а также, видимо, Западной и Восточной) Сахары географические ландшафты. В целом среди них можно выделить три главных типа — серир, рэг и гаммада»³.

Большой интерес представляет поставленный П. А. Чихачевым вопрос «о происхождении громадных масс песков, покрывающих Сахару и в особенности Ливийскую пустыню. Это одно из самых значительных и наименее изученных явлений в истории нашей Земли», — писал он. В работе отображен уровень знаний по этому весьма интересному вопросу, приводятся самые различные точки зрения ученых, начиная от знаменитого арабского географа Эдризиди, который еще в XII в. говорил о поразительном действии ветра, переносящего пески на огромные расстояния.

П. А. Чихачев признает большое значение действия ветра в образовании песков из местных горных пород, а особенно в переносе на большие расстояния. «Во всяком случае, каковы бы ни были агенты, перенесшие пески, эти последние должны были быть заимствованы откуда-то, так как преимущественно кварцевые пески пустыни не могли произойти из меловых и мергелевых скал, составляющих ее... После всего кажется невозможным не признать их субаэральное происхождение. Однако следует также серьезно принять во внимание большую эрозионную роль воды при объяснении удивительных снососов и рытвин, встречающихся в пустыне, как, например, разрушение и снос скалистых масс, остатками которых являются „свидетели“, глубокие борозды древних пересохших русел, изрытые крутые стенки которых окаймляют многие оазисы, и т. д.»⁴. Большая роль воды в этом процессе свидетельствует, как это заключает П. А. Чихачев, о совершенно иных климатических условиях, в которых Сахара находилась в далеком прошлом.

Не меньший интерес вызывает вопрос о подпочвенных водах.

«Огромные песчаные массы Сахары, — писал он, — скрывают многочисленные источники подземных вод. Это одна из важных проблем этих стран не только с точки зрения научно-

² Ibid. P. 57.

³ Герасимов И. П. Географические наблюдения в Северной и Западной Африке // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1953. № 5. С. 57.

⁴ Tchihatcheff P. Sahara. P. 60.

го изучения, но и с точки зрения их практического будущего. При помощи этих водных запасов человеку предстоит превратить ныне пустынные места в обитаемые... Многочисленные остатки артезианских колодцев, построенных римлянами во многих местах Ливии, доказывают, что они были прекрасно известны в древности. Памятники такого рода были отмечены многими древними авторами, между прочим Олимпиодором, из которого Фотий дает выдержки, где говорится: „Рюют в оазисах Сахары колодцы глубиной в 200 и даже 500 пельм (от 30 до 80 м), откуда вода выбивается и разливается“. В древности артезианские колодцы рыли не только в Сахаре, но также и в Сирии, Египте и в других местах. Благодаря искусственным источникам, созданным рукой человека, была некогда цветущей равнина, ныне пустынная и сухая, усыпанная развалинами Балбека и Пальмиры. Английские путешественники Вуд и Дарвин открыли под горами развалин этих прекрасных городов следы вырытых человеком водоемов, остатки огромной системы вен и артерий, которые так долго давали жизнь сердцу страны, сделавшейся вновь трупом»⁵.

Наряду с вопросами добычи воды П. А. Чихачева интересовала проблема происхождения подземных вод Сахары, тем более что эти воды находятся и в самых засушливых и песчаных частях пустыни, «в наиболее обездоленных, без каких-либо водных бассейнов или атмосферных осадков».

Особое место в работе отводит П. А. Чихачев климатическим изменениям в Африке. «После появления на дневную поверхность из воды (до третичного периода) Сахара должна была быть богата озерами, в отложениях которых осталось много пресноводных ископаемых, исключая морские органические остатки. Но если после своего появления ее топографический облик вообще несущественно изменился, то того же нельзя сказать о климате, который претерпел большие изменения даже во время исторической эпохи»⁶.

П. А. Чихачев отмечает, что климатические изменения в Сахаре не могли не влиять на изменения климатов в соседних с ней странах, таких, как Египет, Сирия и Малая Азия, где обнаружено много вещественных доказательств существенного изменения климатических условий в исторический период. К таким доказательствам относятся обнаруженные на скалах в Верхнем Египте отметки уровня воды при разливах Нила в царствование Аменемхета III (40 столетий назад) или обнаруженный Страбоном в Нижнем

⁵ Ibid. P. 63.

⁶ Ibid. P. 69.

Египте «Ниломер», позволивший доказать наличие больших изменений в уровнях Нила по сравнению со средними веками и нашим временем. «Очевидно, такие сильные разливы в прошлом можно объяснить лишь изменением в дождевом режиме этих стран, которые должны были иметь прежде намного более влажную атмосферу, чем в настоящее время. В Сирии и Палестине часто встречаются многочисленные следы бывших рек и ирригационных каналов, что доказывает сильную заселенность этих стран в древние времена. Растущую сухость атмосферы можно также считать причиной позднего ввоза верблюда в эту страну. Это животное, совершенно сейчас необходимое в пустыне, было неизвестно в Африке чуть ли не до появления христианства. Ни одного его изображения не было найдено на памятниках Сирии или Египта; и Полибий, говоря о кавалерии карфагенян, называет слона, но верблюда никогда не упоминает... Выводы, сделанные нами из многочисленных данных о Египте, также применены к граничащему с ним Синайскому полуострову... Невозможно не признать, что в ту пору Синай был плодородной горной страной с богатыми водными источниками и прекрасными пастбищами. Ни в коем случае эта страна не могла иметь что-нибудь общее с сухой пустыней, какой она ныне является»⁷.

Кроме того, он отмечает: «Если, как я считаю доказанным, Сахара и страны, лежащие на побережье Средиземного моря, подверглись в историческую эпоху большим изменениям в климате, то и поверхность этих стран, особенно в бассейне Средиземного моря, также существенно изменилась. Чередование поднятий и опусканий в областях, окаймляющих этот бассейн, особенно достойно внимания на Африканском берегу как по своей интенсивности, так и по большой протяженности своего проявления... К изменениям, происшедшим в рельефе и климате средиземноморских областей в течение исторической эпохи, следует прибавить изменение их флоры и фауны в очень недавний геологический период, а именно с момента образования Средиземного моря»⁸.

П. А. Чихачев выдвигает ряд гипотез, достойных специального изучения, по вопросам истории появле-

⁷ Ibid. P. 72.

⁸ Ibid. P. 77.

ния и исчезновения различных видов растений и животных в Средиземноморской области. Заслуживает внимания то, что в основу своих гипотез П. А. Чихачев кладет следующий принцип:

«Если в природе происходит разрушение и исчезновение ряда видов, то как бы на смену им природа и создает новые виды».

П. А. Чихачев рассматривает те возможности, которые кроются в природных ресурсах Сахары, если их искусно использовать, и делает заключение, что «Сахаре предназначено играть очень важную роль в цивилизации Африки».

Работу о самой обширной после Сахары знаменитой азиатской пустыне Гоби П. А. Чихачев опубликовал в январе 1890 г.

«В отличие от Сахары, имеющей историческое прошлое, восходящее к глубокой древности, так как далеко в пустыне находились многочисленные населенные пункты, среди них всемирно известный Карфаген, Гоби была совершенно не изучена древними географами, знания которых относительно этой части Азии едва ли шли дальше Афганистана и Согдианы (Самарканд). Европа узнала о существовании Гоби лишь в XIII в., когда из соседней части Центральной Азии хлынули бесчисленные орды монголов, которых грозный Чингисхан вел на покорение или, вернее, на разграбление Азии. Первый европеец, пересекший в XVII в. (1688—1698) эту таинственную страну, был отец Жербильтон. Однако у бесстрашного миссионера было мало подражателей, среди них есть несколько русских и английских ученых, причем последние почти всегда придерживались почтовой дороги, которой пользуются для поездок из Кяхты в Пекин (путь, часть которого я в свое время проделал). То малое, что нам известно об этой огромной стране, является заслугой знаменитого русского путешественника Пржевальского, которого преждевременная смерть похитила у науки к нашему вечному сожалению»⁹, — писал П. А. Чихачев.

Так как работы о Гоби и Тибете носят обзорный характер и основаны почти целиком на хорошо известных трудах русских исследователей, и прежде всего на трудах «бесстрашного путешественника

⁹ *Tchihatcheff P. Gobi // Revue des Deux-Mondes. 1890. P. 91.*

Н. М. Пржевальского», заслуги которого так высоко и так справедливо ценит П. А. Чихачев, то мы считаем возможным не останавливаться на этих двух его работах. Отметим, однако, что П. А. Чихачев неоднократно подчеркивал одну из заслуг экспедиций Н. М. Пржевальского, а именно то, что он опроверг ошибочную гипотезу выдающегося французского ученого Ж. Кювье о существовании дикого верблюда в Гоби, а также гипотезу знаменитого немецкого путешественника А. Гумбольдта о существовании длинной меридиональной горной цепи «Болор», связывающей Памир с Тянь-Шанем и с Куньлунем.

Бесспорно, одной из заслуг П. А. Чихачева является то, что он этими работами популяризировал в Западной Европе вклад русских ученых в сокровищницу мировой географической науки. Примерно такую же характеристику можно дать статье П. А. Чихачева, опубликованной в феврале 1890 г., «Арало-Каспийская впадина». Статья эта носит познавательный характер, хотя и содержит много интересных научных мыслей. Она довольно полно отображает уровень знаний по этому вопросу в 80—90-х годах XIX в. При написании ее П. А. Чихачев широко использовал материалы русских исследователей Сорокина, Яворского, Столетова, Коншина, В. Н. Сверидова, Коульбарса, Богуславского, Венюкова и многих других. Кроме того, им были использованы статьи из местной периодической литературы, в частности из «Ташкентского журнала». «Я должен отметить с вполне заслуженной похвалой,— писал П. А. Чихачев,— русский периодический журнал „Ташкентский журнал“, который стал с 1870 г. регулярно выходить в Ташкенте. Статьи его очень интересны и сделали бы честь лучшим европейским периодическим изданиям. Я из них почерпнул сведения, которые больше нигде не мог найти и которые не всегда ограничиваются местными интересами, а относятся ко всему Востоку вообще»¹⁰.

Несколько больший интерес для нас представляет работа П. А. Чихачева, озаглавленная «Оазис Мерв» и опубликованная в июне 1890 г. в *Revue Britannique*. Интерес этот вызывается не столько материалами физико-географического, сколько историко-политического порядка.

¹⁰ *Tchihatcheff P. Revue Britannique. 1890. Febr. P. 221.*

Англия, укрепившаяся в закабаленной ею Индии, стремилась расширить свои колониальные владения, захватить среднеазиатские земли, а затем полностью овладеть стратегически важными позициями, создать тем самым серьезную угрозу государственной безопасности России.

«Мерв расположен в 600 км на юго-восток от Каспийского моря и в 300 км на север от Герата, который можно рассматривать как ключ к Индии. Поэтому понятно, какие старания применяла Англия, чтобы не дать ему присоединиться к России»¹¹.

П. А. Чихачев отмечает также, что пустынный и одичалый к моменту присоединения к России оазис Мерв в далеком прошлом был заселен народами, занимавшимися земледелием, скотоводством, ремеслом и торговлей.

«Когда сравниваешь оазис Мерв, каким я его только что обрисовал и каким он был когда-то в древние времена,— пишет П. А. Чихачев,— то поражает необыкновенное превращение, которому он подвергся, хотя подобные явления так часты в Азии, что почти утомляют путешественника, каждым шагом своим попирающего памятники прошлого, похороненные под песками пустыни. Этот контраст нигде так часто и в таком большом масштабе не проявляется, как в азиатских странах, превращенных в гигантскую гробницу человеческого рода»¹².

В то же время П. А. Чихачев отмечает, что присоединение к России Мерва имеет прогрессивное значение для развития торгово-экономических связей Запада с Востоком. Он приводит высказывания ряда западноевропейских авторов, правильно понимавших прогрессивную роль России по отношению к Востоку.

«О Донован, который по своим политическим убеждениям, своему положению и национальности менее всего может быть заподозрен в пристрастии к России, касаясь прекращения налетов персидских и других разбойников и племени Теккэ в районе Мерва, заявляет, что успокоение этих разбойников окажет огромное влияние на судьбы Центральной Азии... Также и профессор Сапаху,— пишет П. А. Чихачев,— в интерес-

¹¹ Ibid. Juin. P. 224.

¹² Ibid. P. 239.

ном труде о Мерве рисует живую картину хищнического хозяйничания Теккэ в Мерве с 1857 г., т. е. со времени их господства в оазисе. Я не сомневаюсь, говорит он, что древняя Маршана вернется к тому цветущему состоянию, которое она утратила шесть столетий назад. Но прусский ученый идет еще дальше, так как он считает необходимым условием цивилизации Центральной Азии установление русской границы на северном склоне Гиндукуша, включая в нее Герат, который русские незамедлили бы связать с Мервом железной дорогой»¹³.

П. А. Чихачев приводит интересные высказывания англичан, связанные с открытием русским инженером Лессаром, который констатировал, что между Гератом и Сераксом, расположенным в 100 км на юго-запад от Мерва, по левому берегу Герируда легко можно провести железную дорогу. «Это открытие,— пишет П. А. Чихачев,— произвело в Англии сенсацию.

„Теперь,— говорит английский генерал Раулинсон,— мы знаем, что эта большая горная цепь, которую оптимисты считали надежной защитой Индии, является, как это доказал г. Лессар, лишь рядом незначительных холмов высотой в 1000 м, которые исчезнут под рельсами железной дороги, проложенной русским инженером. Если бы г. Лессар не совершил ничего другого, кроме того, что он сделал вблизи пугала Паропамиза, которое якобы возвышается на 20 000 футов на севере и западе от Кабула, то и тогда услуга его была бы велика. Но он сделал гораздо больше: он доказал, что когда дело идет о физических трудностях, нет преград, чтобы в любое время в результате работы нескольких месяцев непрерывная железная дорога не оказалась проложенной от Каспия до Герата“.

Раулинсон заканчивает свое красноречивое и многозначное обращение такими словами: „Я надеюсь, что проект железной дороги Ашхабад через Серахс и Герат не осуществится“¹⁴.

Как бы в ответ на речь английского генерала П. А. Чихачев восторженно отзываясь о быстром строительстве русскими железной дороги через пустыню и показывает большое значение дороги в деле развития экономики Средней Азии, налаживания торговых связей, роста городов, развития посевов хлопка и т. д.

«После Мерва железная дорога продолжается на северо-восток через пустыню на протяжении 200 км и

¹³ Ibid. P. 245—246.

¹⁴ Ibid. P. 248—249.

доходит до Амударьи, пересекая ее по великолепному мосту около Чарджуя.

Независимо от стратегического значения железной дороги между Каспием и Сырдарьинской областью она вскоре даст и преимущества для торговли, которая будет все возрастать в главных городах этой области. Эти города быстро развиваются... очень возможно, что культура хлопка в Бухаре ждет лишь сбыта и не замедлит развиваться также во многих других городах, среди которых уже выделяется Ходжент. По-видимому, то же будет и в Ташкенте, о прекрасной растительности которого я уже упоминал.

Наконец, кроме указанных выше местностей, имеются многие другие в Сырдарьинской области, которые прямо воскреснут под влиянием этого нового способа сообщения»¹⁵.

П. А. Чихачев в другой своей исключительно интересной статье, посвященной проблеме нефти, большие надежды возлагал на нефть, которая, по его предположению, имеется в большом количестве в обширных пустынных пространствах Туркмении и Поволжья. Он ясно представлял огромное значение нефти, особенно для России.

«Девятнадцатый век есть век каменного угля, — писал он, — тогда как двадцатый век будет веком нефти».

«Если каменному углю принадлежит одна из важнейших ролей нашей современной цивилизации, то нефть может по справедливости претендовать на такое же высокое положение и, кроме того, на привилегию заменить это ценное горючее»¹⁶. Приводя весьма интересные предположения о районах, богатых залежами нефти, в Иране, Сирии, Египте и многих других странах П. А. Чихачев большое место отвел не раскрытым еще запасам нефти в России.

«Изучая залежи нефти России, мы занимались только Апшеронским полуостровом, как центром наибольшего значения в добыче нефти в России. Однако мы не можем обойти молчанием другие месторождения на Кавказе, в области, тянущейся на северо-восток и на юг от Каспийского моря, и др. ... Если вспомнить, что Апшеронский полуостров протягивает-

¹⁵ Ibid. P. 261.

¹⁶ *Tchihatcheff P. Le petrole aux Etats-Unis et en Russie // Revue des Deux-Mondes. 1888. P. 3.*

ся на восток в виде подводной гряды, которая соединяется с островом Челекен, столь же богатым залежами нефти, то приходит мысль, что такие залежи должны существовать в Туркменских степях, которые являются восточной границей Каспия. И это действительно так... Закаспийская область в будущем явится отправным пунктом, откуда широкая сеть железных дорог свяжет ее через Мерв и Самарканд с внутренними областями Средней Азии и развезет ценное горючее в отдаленные пункты».

Сопоставляя условия залегания нефти в США с условиями залегания ее в России, П. А. Чихачев отмечал, что в России пока еще ведутся разработки нефти, залегающей неглубоко от поверхности, в сравнительно молодых геологических пластах, но в будущем Россия приступит к разработкам в более древних пластах.

«Эта победа будет прежде всего ощутима для народов Средней Азии, когда как по волшебству возникнут посреди их пустынь, ныне негостеприимных, новые железные дороги... Настанет день, когда придется прибегнуть к нефти обеспечения топливом многочисленных железнодорожных линий, которые будут бороздить во всех направлениях обширные просторы Центральной Азии»¹⁷.

Как видно из работ, П. А. Чихачев с предельной ясностью представлял, какие естественные богатства таятся в пустынном районе Арало-Каспийской изменности, он правильно понимал цивилизирующую роль русского народа в деле экономического и политического развития народов Средней Азии, роль, о которой так горячо писали лучшие умы русского народа — В. Г. Белинский и А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский. Ее с особой ясностью подчеркнул Ф. Энгельс. «Россия, — писал он, — действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку...»¹⁸

П. А. Чихачев искренне верил в грядущее будущее «пустынных областей, простирающихся на восток от Каспия». Правда, несмотря на строительство железной дороги, доведенной царским правительством до Ташкента в 1899 г., и создание некоторых промыш-

¹⁷ Ibid. P. 44.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. М.: Партийное изд-во. 1932. Т. 21. С. 214

ленных предприятий, оазис Мерв и прилегающие к нему пустынные места до Великой Октябрьской социалистической революции были отсталым аграрным районом с совершенно ничтожной промышленностью. Только в условиях, созданных победой Октября, район получил возможность всестороннего развития своих природных богатств и производительных сил.

В наше время район этот изменился до неузнаваемости и превратился в край крупной индустрии и механизированного сельского хозяйства. В южных областях его теперь созданы цветущие культурные центры. На некогда пустынных местах создаются лесные массивы, парки, ботанические сады, виноградники, хлопковые поля, оросительные каналы и т. п. По железным дорогам, о которых так скромно мечтал П. А. Чихачев, непрерывающимся потоком курсируют поезда, груженные нефтью, углем, хлопком, стройматериалами, скотом, злаками, фруктами и другими грузами.

Заключение

В конце 1983 г. вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев на общем собрании Отделения истории, касаясь задач историков, отметил: «Необходимо преодолеть инерцию легкомысленного отношения к истории нашей страны, когда многих выдающихся представителей отечественной науки и культуры „раздают“ другим народам на том только основании, что они часть своей жизни находились вдали от Родины»¹.

Братья Чихачевы как раз относятся к тем выдающимся русским ученым, которые внесли заметный вклад в развитие отечественной, а тем самым и мировой науки, но были вынуждены, главным образом по политическим причинам, покинуть Россию и провести вторую половину жизни, занимаясь научной деятельностью на чужбине.

Правда, многие труды Петра Чихачева получили высокую оценку выдающихся ученых мира. Можно привести десятки лестных высказываний, периодически появлявшихся на страницах печати, в том числе и в России, о незаурядности таланта Петра Александровича Чихачева, с эпитетами «русский самородок», «русский Гумбольдт», «человек в высшей степени даровитый и глубоко образованный», «подобные ученые, как Чихачев, даже находясь за границей, служат Родине. Своими учеными трудами делают честь русскому имени» и т. д. и т. п.

Братья Чихачевы — выходцы из богатой дворянской семьи — отвергли открывшуюся перед ними блестящую карьеру, благополучие, комфорт и признание элиты. Они избрали не колеблясь, сразу и на всю жизнь, нелегкий путь ученых-путешественников, путь, который длился несколько десятилетий и потребовал больших материальных затрат и физических усилий.

Жизненный путь братьев несколько отличается один от другого.

¹ Вопросы истории. М. 1984. С. 115.

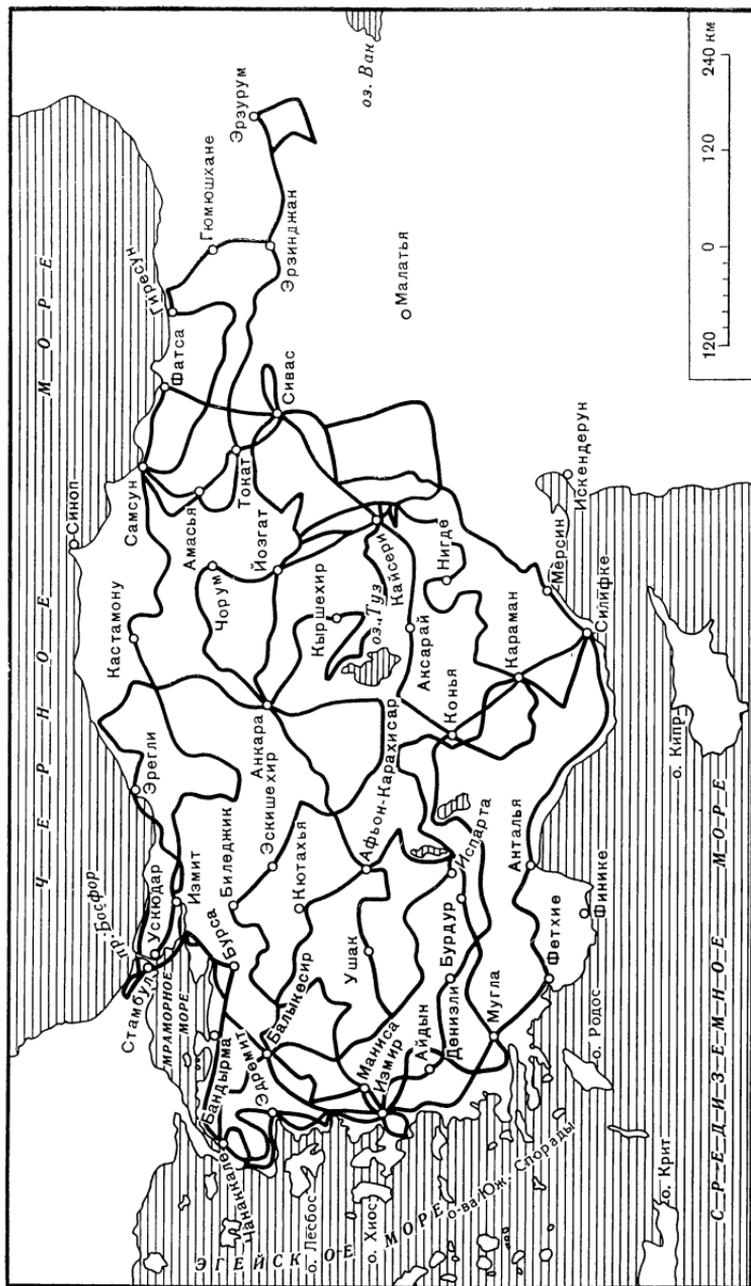
Маршруты путешествий П. А. Чихачева по Италии и Испании

Маршруты путешествий П. А. Чихачева по Алтаю

Платон в свои 16 лет, с оружием в руках сражался на фронтах русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Затем, после научных экспедиций, он вновь принимает непосредственное участие в Крымской войне.

Петр после экспедиций по Италии и Алтаю приступил к систематическому исследованию Малой Азии. В итоге многолетних экспедиций по этой стране, длившихся почти двадцать лет, им опубликовано около ста научных работ. Однако не следует думать, что научные достижения П. Чихачева достались ему легко. Они, как и всякое трудное дело, пришли в результате гигантской работы, фантастического трудолюбия, разумной отваги и безграничной любви к избранному

Маршруты путешествий П. А. Чкачевой по Малой Азии

делу. «Природный талант ученого шлифовался не только в кабинете и библиотеках, но и под открытым небом, в дождь и в зной, в мороз и пургу». Среди богатейшего творческого наследия П. А. Чихачева нелегко выбрать самую лучшую книгу. Все его работы, посвященные исследованию как Апеннин, Алтая, Северной Африки, так и Малой Азии, оригинальны и глубоки, подвергают исследуемый район комплексному анализу. Но, конечно, истинной страстью ученого стала Малая Азия, где он проделал подлинно титаническую работу. Здесь наиболее полно раскрылись все его лучшие качества исследователя, раскрылся самообытный талант русского естествоиспытателя. Он по праву считается исследователем Малой Азии номер один. Петру Александровичу Чихачеву было свойственно строгое представление о моральном долге человека. Он высоко ценил людей труда, особенно восхищался бесстрашием и смелостью русских, «обладающих удивительной способностью сохранить бодрость духа в самые трудные минуты жизни». Сравнивая свои долгие трудовые дни путешественника по неведомым тропам с праздными днями аристократии, живущей в довольстве и гордящейся лишь своим высоким рождением, он писал: «О, как в такие минуты кажутся пошлыми, жалкими и наивными все эти искусственные увеселения, которыми вы стараетесь себя оглушить в ваших тюрьмах искусственного и настоящего мрамора. Вы дети пресыщенной западной цивилизации! Есть ли среди вас хоть один, который мог бы себе сказать в конце каждого из своих беспокойных и бесполезных дней: вот наконец наступил час, который вознаградит меня за столько тяжелых минут забот и разочарований и возродит меня, дав снова силу для выполнения обязанностей, ожидающих меня на завтра»². И, обращаясь как бы с завещанием, он писал: «Люди, торопитесь разумно использовать время, неповторимо отпущенное нам самой природой».

В данной книге невозможно, да и нет необходимости подвергать анализу все проблемы, нашедшие отражение в его трудах. Однако для того чтобы дать общую оценку широте его интересов, достаточно привести перечень хотя бы важнейших историко-политических, социально-экономических и философских вопросов, ин-

² Чихачев П. А. Письма о Турции. С. 20.

тересовавших ученого. Немалое место отвел ученый крестьянской реформе и ее связи с социальным строем России. Из проблем международного характера он пишет о позорной колониальной политике Великобритании, Франции, США в Индии, Китае и Турции. «Англия — это королевство торгашей, — писал он, — повсюду создавая колонии, она захватывала важные военно-стратегические и торгово-экономические центры, подчиняя своим интересам международное право, и бесцеремонно вмешивалась во внутренние дела суверенных государств».

Каким огромным и светлым умом, а также смелостью надо было обладать, чтобы во время деспотического режима николаевской России, безраздельного господства Ватикана и аристократии в Италии, исламского фанатизма в Турции и колониальной политики западных государств подвергнуть обличительной критике социальный строй правящей элиты этих стран.

Гуманисты по убеждению, разносторонне образованные, выдающиеся ученые и самоотверженные путешественники, братья Чихачевы оставили после себя огромное научное наследство, которое является нашим национальным богатством. В их трудах, а особенно в многочисленных историко-политических и социально-экономических работах Петра Александровича, утверждаются благородные идеи декабристов и революционных демократов. Этим, только этим можно объяснить, что в царской России ни одна из его работ не увидела свет, хотя люди русской науки выразили свое признание тем, что избрали Петра Чихачева почетным академиком в юбилейные дни 150-летия Академии наук, а также почетным членом Московского общества испытателей природы, Русского Географического общества, Минералогического общества и членом многих зарубежных академий и научных обществ.

В 1945 г. президент АН СССР академик Владимир Леонтьевич Комаров сказал: «...важно, чтобы в народной памяти сохранились великие образы прошлого, чтобы народ дорожил своими историческими, культурными и научными ценностями, чтобы народ знал и любил творчество великих корифеев науки, чтобы молодежь воспринимала науку в историческом аспекте»³.

³ Вестн. АН СССР. 1945. № 1/2. С. 8—9.

Советским людям близка и понятна социальная пронизательность выдающихся русских естествоиспытателей, так много сделавших для отечественной, а тем самым и мировой науки. Отдавая дань глубочайшего уважения, советский народ, воскрешая славные имена наших соотечественников, увековечил имя, назвав один из хребтов Алтая, где когда-то проводил свои исследования Петр Александрович, — хребтом Чихачева. Исполняются мечты ученого: около двадцати его работ переведены и уже изданы на русском языке.

Петр Александрович Чихачев умер во Флоренции 13 октября 1890 г., на 82-м году жизни, и был похоронен на кладбище Аллори. На надгробном камне из серого гранита к 150-летию со дня рождения была помещена беломраморная плита с надписью: «Родина чтит тебя, дорогой Петр Александрович».

Его младший брат, Платон Александрович, умер в Версале двумя годами позже, в 1892 г., и похоронен в Ницце.

Приложение

Поездка через Буэнос-Айрейские Пампы¹

Географические исследования были всегда моим любимым коньком. Благодаря им я провел пять лет для изучения бывших испанских и английских колоний в Новом Свете, равно как и их метрополий. Более семи месяцев пробыл я в Мексике и посетил важнейшие рудники в Гванахвато, Закатекасе и Реаль-дель-Монте. Я намерен был сухим путем пробраться в Центральную Америку и продолжать потом путешествие по Панамскому перешейку до Колумбии, но междоусобная война, вспыхнувшая в то время, и дождливое время года, испортившее дороги, преградили мне путь в эти любопытные и малоизвестные страны. Я решил ехать в Акапулько, чтобы на первом, какой попадется, корабле отправиться в экваториальную Америку.

Президентом Мексиканской республики был в то время Санто-Ана. Он советовал мне не выезжать из столицы, потому что на западе началось общее восстание цветных людей против белых. То была естественная реакция на бесчеловечное обращение белых людей с цветными во время испанского владычества. Окинутый, как сетью, этим кровавым разливом анархии, ожидая, что не сегодня, так завтра увижу баррикады на улицах самой столицы, я после зрелого размышления решил сделать ни более, ни менее того, что дозволял нормальный план моего путешествия, и, положась на милосердие небесное, направил путь свой на Акапулько. Молодой лорд Р..., прибывший со мной из Соединенных Штатов, чтобы отсюда

¹ Платон Чихачев. Отеч. зап. Т. XXXIV. Отд. 1. СПб., 1984.

поехать в Южную Америку, не захотел продолжать путешествия. Его ждали в Англии ежегодный доход в 20 000 фунтов стерлингов (460 000 рублей) и прекрасная молодая жена: потому я и не посмел настаивать, чтобы он пустился далее, презирая все опасности, сопряженные с таким положением дел. Я расстался с ним в Мексике.

В мирное время из Мексики в Акапулько ездят обыкновенно за восемь дней; я же ехал полтора месяца. Пока мы были в холодной земле (*tierra caliente*)², то могли следовать нашему направлению без больших затруднений; но как скоро спустились в теплую (*tierra fria*)³, то разом попали в самый разгар анархии, опустошавшей эту несчастную страну. Испанский купец, уроженец астурийский, присоединился к нашему маленькому каравану. Мы были хорошо вооружены и шли постоянно окольными дорогами, чтобы не наткнуться на отряды Альвареса, который принял начальство над партией цветных людей, хотевших истребить всех белых. Сначала счастье улыбалось нам, мы думали, что уже миновали все опасности, благословляли небо, но в одно прекрасное утро, выезжая из лесной прогалины, неожиданно встретили шайку разбойников. Как громовой удар поразили нас крики: *halto! aui bossa a bajo* (стой! Ложись наземь!)⁴. Их было человек 25 или 30, нас четверо, да и то только двое могли сражаться. Я хотел войти в переговоры и заплатить выкуп, но в ответ услышал повторение первого приказа. Думать было нечего; не подвергаясь верной смерти, мы не могли сделать ни малейшего употребления из нашего оружия, не могли также бежать, потому что со всех сторон были окружены.

² Нагорные зоны и высокогорные равнины.

³ Теплая земля — Приморские равнины.

⁴ Этот крик употребляется всеми американскими разбойниками (*salteadores*). Они приказывают жертвам своим ложиться ниц, чтобы не могли впоследствии узнать их с первого взгляда.

Итак, мы слезли с коней, прилегли лицом к земле и в несколько минут были обобраны дочиста; с нас сняли даже платье и сапоги, где грабители надеялись найти деньги. Нас отвели пешком, под крепким прикрытием в индейскую деревушку, в нескольких верстах от этого рокового места, заперли в хлеву и приставили к дверям часового. Вечером герилья (guerillas)⁵, покинувшие нас и отправившиеся на дальнейшие подвиги, воротились полупьяные и объявили нам с разными оскорблениями, что убили двух гачупинов (gachupinos)⁶ и что вскоре и мы подвергнемся такой же участи. Я старался убедить их, что я не испанец; они не хотели верить и в заключение сказали мне: «Es siempre la misma sangre maledita!» («Все та же проклятая кровь!»).

Целую ночь мы не видали их; насытись кровью и золотом, они пресыщались пулькей. Астурийский спутник мой, желтый и прозрачный, как восковая свеча, перебирал четки и пересчитывал грехи свои; он так был напуган, что считал себя уже почти излишним для сего Света. Смотря на него, сначала я не мог удержаться от смеха; наконец, мне стало досадно. В том положении, в каком мы находились, надо было предпринять какую-нибудь решительную меру. То, на что, по-видимому, решился астуриец, мне вовсе не нравилось. Я подполз к нему, тряхнул его за руку, чтобы прервать его размышления, заговорил о жене его, о детях, о родине; наконец испанская кровь пробудилась, и план наш был составлен.

Задыхаясь от жары, мы попросили караульного

⁵ Guerillas — множественное от guerilla; следственно, употребляемое у нас часто выражение «гверильясы» вовсе неправильно.

⁶ Gachupino — ругательское прозвище, которое мексиканцы дают всем испанцам.

достать нам пульке⁷. Я показал ему красивые четки изумленного астурийца и обещал отдать их в награду за такую снисходительность. Двуногий цербер поддался искушению, и пульке была принесена. Мы принялись угощать его, и он имел неосторожность не отвергнуть нашего угощения. Кончив попойку, мы легли на полу, в углу хлева, а часовой, все еще помня о своей обязанности, лег спать поперек отверстия, служившего дверью нашей тюрьмы. Через несколько минут мы услышали, как он захрапел, и винтовка, которую он до тех пор не выпускал из рук, покатила по земле.

Настала критическая минута: надлежало или пройти через этого человека, или на другой день, может быть, лишиться жизни. Я взглянул на астурийца: он упал духом, дрожал как лист и начал опять что-то бормотать про себя. Я не сказал ему ни слова, но одним скачком перепрыгнул через сонного часового. Поставленный между двух огней, астуриец решился последовать за мной, но в испуге зацепил ногой караульного. То была страшная минута — минута, когда сердце перестает биться. Часовой, потревоженный неловким моим спутником, вдруг протянул руки, как будто желая что-то схватить. Мы кинулись к нему, готовые задушить его при малейшем движении... Несколько секунд глядели мы на него, не решаясь еще действовать: нам не хотелось проливать кровь без последней крайности... Часовой не просыпался. Движение его было чисто машинальным; скоро он опять захрапел.

На рассвете мы уже были в девственных лесах Мексики, далеко от того места, где совершилась эта страшная сцена. Мы брели, сами не зная куда. Так прошло около двух недель. Днем, когда индейцы были

⁷ Pulque — перебродившая жидкость из сердцевины алоя. Она имеет молочный цвет и не совсем приятный вкус. Сначала освежает, потом опьяняет.

на работе, мы просили милостыни у женщин и стариков. Наконец, истощенные усталостью и голодом, истерзанные москитами, мы пришли в один вечер на берега морские, верстах в 80 от Акапулько. То была бухта Тихого океана, называемая Палисада,— обыкновенный притон контрабандистов и корсаров. Там шесть дней в самом бедственном положении ждали мы прихода какого-нибудь судна. На седьмой день первые лучи солнца, золотя отдаленную линию горизонта, вдруг осветили мачты корабля; всматриваясь в него, мы заметили небольшой треугольный парус, плывший в направлении к нам. К вечеру шлюпка, наполненная черными людьми, причалила к берегу, и через несколько минут два белых человека разделили с нами несколько морских сухарей у огня нашего бивуака. Один из них был капитан корабля, другой его подкипер.

Скоро рассказана была им наша печальная история. Капитан, пришедший сюда за контрабандой (за серебром в слитках и кошенилью), обещал взять нас на корабль с условием, чтобы каждый из нас заплатил за проезд по 15 дублонов (1200 руб.)⁸. Эта плата слишком велика была даже для миллионеров, а для нас, не имевших ничего, кроме рубашек, она была просто нелепостью. Не жалуясь на такое возмущающее душу корыстолюбие, мы обещали ему все и, уложив контрабанду в шлюпку, с нетерпением ожидали прихода корабля, лавировавшего в открытом море.

Между тем поднялась буря, одна из тех бурь, какие бывают только под тропиками. Ровная поверхность моря, которую ветер не успел еще взволновать, кипела и кружилась; пена белела на ней. Корабль, не имея возможности продолжать лавировать, исчез. Мы узна-

⁸ Дублон, или золотая унция, на наши деньги — около 80 рублей ассигнациями.

ли впоследствии, что, имея несколько повреждений, он нашел убежище в Акапульской гавани. Два дня мы ждали его; наконец, не видя его возврата, отчалили от берега. Море снова было тихо и гладко, как зеркало. По крайней мере, сутки нам надо было грести, чтобы обогнуть крутой, отвесный мыс, которым оканчивались скалы акапульского бассейна.

Через некоторое время после нашего отъезда поднялся и начал, видимо, свежеть противный ветер. К концу второго дня мы прошли только половину пути.

Провизия, состоявшая из сухарей и лука, почти вся истощилась; воды не было; пристать к берегу мы не смели из опасения прибрежных бандитов. Оставался еще небольшой бочонок с араком. Время от времени капитан раздавал маленькие порции этого напитка, чтобы поддержать наши слабеющие силы. Малайцы⁹, составлявшие большую часть экипажа, в конце третьего дня взбунтовались; они грозили кинуть нас в море, если мы не отдадим в их распоряжение всего бочонка арака. Надо было уступить; но как скоро бочонок перешел в их руки — как дикие звери, с безумной жадностью принялись они утолять свою жажду и сразу осушили его.

Началась сцена отвратительная; никто не хотел ни грести, ни слушаться. Завязалась ссора. Уже один мулат был умерщвлен ударом крика (малайского кинжала). Мы не могли справиться со шлюпкой на море, которое в продолжение ночи расходилось, и на рассвете были выброшены на берег.

Всех нас выкинуло в море, двое утонули, остальные кое-как спаслись, борясь с волнами, набегавшими на берег. Барка раскололась пополам о скалы; весь груз погиб; о нем никто не заботился, у всех на

⁹ Эти малайцы были на вербованы для «Володоры» («Voladora» — так назывался бриг нашего корсара на Филиппинских островах. Володора значит «Летунья» — по-испански).

уме было одно — утолить нестерпимую жажду. Все разбрелись отыскивать пресную воду. Помню чувство, когда мы наконец открыли ключ, бежавший из расщелины скалы: все кинулись к нему с такой жадностью, что завязалась сильная драка... Краснею еще при воспоминании о кулачном побоище, в котором и я не мог не принять участия при этом случае. К несчастью, эта истина неопровержимая: чувственная жажда может довести человека до состояния зверя. Под этими знойными широтами, где солнце палит страшнее, чем в климатах умеренных, страсти человека выходят из своих пределов. Справедливо также, что нет мучения ужаснее жажды: эта мука сильнее муки голода и раздражает человека до невероятной свирепости.

Вволю утолив жажду, мы принялись за черепах, которые водятся здесь в большом количестве. Все, что мы могли найти (черепашины яйца), было съедено без милосердия. Солнце касалось уже зенита; надо было подумать о том, как бы взобраться на береговые утесы, отделявшие нас от Акапулько. Малайцы не хотели слушаться и продолжали есть; двое из них объелись до того, что занемогли горячкой. После нескольких переговоров некоторые из нас решились подняться на прибрежный гребень. Острые вершины скал раздирали ноги, и мы пришли к городским воротам, как окровавленные привидения. Город Акапулько, непрерывно тревожимый землетрясениями, был тогда объявлен в осадном положении. С величайшим трудом добились мы, чтобы нас впустили в город. Капитан тотчас отправился на свой корабль, стоявший на якоре в гавани, и на другой день сказал мне решительно, что покинет меня тут, если я не заплачу ему вперед половины денег за проезд. Это значило приставить мне нож к горлу.

В отчаянии просил я его подождать, пока в Сант-Леон-де-Никарагуа или в Гуаякиле не получу я дуб-

ликатов векселей моих, посланных туда из Мехико другим путем. Все было бесполезно; он решительно хотел покинуть меня в этом вертепе разбойников.

Майор Н... в то время был в Акапулько. Не зная меня, с величайшим радушием предложил он мне 8 дублонов, с тем чтобы я дал ему вексель на моего банкира в Мехико. Предоставляю вам отгадать, отказался ли я... Вместе с тем он не советовал мне плыть на этом бриге; по его вооружению майор Н... предполагал, что это судно едва ли ограничивается одной контрабандой. Да и капитан не внушал ему никакого доверия. Нет надобности говорить, что я был совершенно согласен с англичанином; но мне нельзя было ни воротиться назад, ни оставаться здесь, потому что ранее двух или трех месяцев не было никакой надежды увидеть другой корабль на этом береговом пункте. Притом мне нечего было терять, кроме жизни, а жизнью так часто рискуешь в подобных путешествиях, что я привык думать о ней только в минуты крайней опасности.

Итак, я расстался с великодушным англичанином и бедным моим астурийцем, который, казалось, истощил все свое мужество, перешагнув через сонного караульного: у него уже не доставало духа перешагнуть через Тихий океан.

Попутный ветер надул скоро паруса наши, и «Волладора» легко понеслась к зеленым берегам Гуаякиля. Как скоро мы вышли в открытое море, на нашем судне произошла совершенная перемена. В мгновение ока оно приняло вид воинственный и грозный. На палубе явились шестнадцать коронад, из которых четырнадцать были спрятаны в трюме, когда бриг стоял у берега, и вдруг как бы силой чародейства увеличился экипаж его,— казалось, будто из воды поднялись люди с угрюмыми лицами. Капитан, сбросив личину, вдруг проявил свой естественный характер — характер корсара.

Он был генуэзский уроженец, воспитанник королевского морского корпуса. Достигнув мичманского чина, он покинул свой флаг в Рио-де-Жанейро и взялся за ремесло морского разбойника. За разные злодеяния он осужден был на смерть; казни избежал он на той же самой «Воладоре», которая несла его и теперь, легкая и беззаботная, по струистой синеве океана. В наружности этого человека было что-то злое. Взгляд его был взглядом змеи, и в глубине серо-зеленых глаз его была свирепость, пробивавшаяся сквозь коварные ласки. Речь его в одно и то же время была приятная и шипящая; небольшой рост и длинные рыжеватые волосы увеличивали странность его вида. По инстинкту и как бы вопреки самому себе нельзя было доверять ему.

Несмотря на жестокость условий, на каких принял он меня на корабль, я старался всячески угождать ему. Я очень хорошо чувствовал, что участь моя совершенно в его руках. Обрадовавшись, что у него есть в запасе троутонов секстант, я предложил помогать ему в астрономических наблюдениях и вычислениях.

В течение восьми дней все шло довольно хорошо, хотя со времени отъезда из Акапулько он обращался со мной вообще очень неласково.

Однажды, когда ветер был противный и волны сильно набегали на палубу брига, корсар, вероятно, будучи не в духе, оскорбил меня более обыкновенного своим нахальством. Несколько времени я не отвечал ему; наконец, полагая, что уже пора остановить его дерзости, осмелился заметить ему, что за такое обращение вовсе не стоило платить 15 дублонов. При этих словах змеиные глаза его засверкали, он сжал зубы и отрывистым голосом приказал мне сойти в трюм. Я не послушался; завязалась ссора — он обнажил кинжал и погрозил мне им. Доведенный до крайности, я потерял всякое терпение, кинулся на него и вырвал кинжал. Признаюсь, демонстрация была уж чересчур

сильна, и я должен был поплатиться за нее. Она привела меня на край гибели. Корсар, не шевелясь, пристально следил за движением моих глаз, за движением моих рук. Вдруг я почувствовал, что меня сзади схватили. Кинжал был у меня вырван. Видя, что я совершенно в его власти, он вдруг изменился в лице, будто дельфин, меняющий на солнечных лучах оттенки своей блестящей чешуи. Самым оскорбительно-ироническим тоном сказал он мне: «Вы так жаловались на меня, сеньор-кавалеро; посмотрим, не лучше ли вам будет в обществе акул. Бросить его в море!»

Выражение, с каким произносил он этот смертельный приговор, окаменило меня. Я пошел на переговоры... С большим трудом оставил он мне жизнь, но велел надеть на меня железо.

Дней через двадцать вошли мы в гуаякильский порт. Красивый перуанский корвет стоял там на якоре. Корсар поднял перуанский флаг и смело прошел мимо него. Мы кинули якорь подле берега. Пушки снова были спрятаны, и половина экипажа исчезла. Корсар, имевший в городе связи с капитаном порта и другими лицами, немедленно отправился на берег. Он строго запретил мне следовать за ним. Я не отвечал ни слова; но только лишь увидел, что он скрылся в улицах гуаякильских, я прыгнул в воду и поплыл к пристани.

Выйдя на берег, я спросил у прохожих, смотревших на меня с изумлением, где живет консул мексиканский. Я знал, что давно уже писали к нему о моем приезде через Гуаякиль. Я явился к нему весь мокрый и тотчас объявил о корсаре. Консул, человек честный и решительный, отвел меня к жене своей, просил ее позаботиться обо мне, а сам поспешил на перуанский корвет.

Переменив платье, я отправился в гавань посмотреть, что будет с моим корсаром. Еще не доходя до пристани, к крайнему прискорбию, увидел я, что «Во-

ладора» уже подняла паруса и, легкая, стройная, выходила из реки. Военный корвет вскоре после того поднял якорь и недели через две, когда он воротился в Гуаякиль, я с огорчением узнал, что он не мог настигнуть брига по причине быстроты его хода и безветрия. Признаюсь, мне было очень досадно, что не удалось посмотреть на корсара, повешенного на большой мачте».

**Библиографический список трудов
Петра Александровича Чихачева**

1841

1. Geognostische Schilderung des Monte Gargano in den Jahren 1839 und 1840 // Leonhard's Bronn Neues. J. Miner. S. 39—58.
2. Geologische Skizze der Gegend von Nizza // Ibid. S. 367—369.

1842

3. Coup d'oeil sur la constitution géologique des provinces méridionales du Royaume de Naples // Suivi des quelques notions sur Nice et ses environs. Berlin.
4. Vorläufiger Bericht des Herrn P. V. Tchihatschev über seine Reise im Ostlichen Altai // Arch. Niss. Kunde von Rusland, S. 557—566.
5. Coup d'oeil sur la charpente rocheuse des montagnes de La Sicile et des Alpes maritimes de Nice. Berlin.

1843

6. Карта западной части Енисейской и Юго-восточной частей Томской губернии и северной части Китайской провинции Улассутай.

1844

7. Constitution géologique de l'Altai // Bull. Soc. géol. France. Vol. I. P. 674—689.
8. Note sur la physiologie générale de l'Altai // C. r. Acad. sci. Vol. XIX. P. P. 970—980.
9. Vallées dues à des dislocations dans l'Altai // Bull. Soc. géol. France. Sér. 2. 1844—1845.

1845

10. Voyage scientifique dans l'Altai Oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine. P.
11. Table des Planches: Voyage scientifique dans l'Altai Oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine. P.
12. Résumé d'un Mémoire de Goeppert sur le Cycades fossiles // Bull. Soc. géol. France. Sér. 2. 1844—1845. P. 55.
13. Essai d'une Carte Générale de l'Altai et d'une partie des monts Sayanes avec l'indication approximative des principaux terrains qu'ils renferment et de leurs caractères strantigraphiques, et deux feuilles. P.

1846

14. Wissenschaftliche Reise im Ostlichen Altai. Heidelberg.

1848

15. Sur le gisement de l'émeri dans l'Asie Mineure//C. r. Acad. sci. Vol. XXVI. PP. 363-366.
16. Extrait d'une lettre de M. de Tchihatchef le M. Elie de Beaumont. sur le gisement de l'émeri dans l'Asie Mineure//Ibid. Vol. XXVI.

1849

17. Mémoire sur les terrains sédimentaires de l'Asie Mineure// Bull. Soc. géol. France. Sér. 2. Vol. VII.
18. Notice of researches in Asia Minor//J. Geol. Soc. Vol. V.

1850

19. Situation politique, militaire et financière de la Turquie//Revue des Deux Mondes. 1 juin.
20. Situation politique, militaire et financière de la Turquie//Ibid. Vol. VI.
21. Военно-статистические сведения о Турецкой империи // Воен. журн. № 1. С. 145-165. (Издан Военно-ученый Комитет).
22. Военно-статистические сведения о Турецкой империи//Закавказ. вестн. № 21. С. 23-24.
23. Sur les dépôts sédimentaires de l'Asie Mineure//Bull. Soc. géol. France. 1849-1850. Vol. VII. PP. 388-424.
24. L'Asie Mineure et l'Empire Ottoman. P.
25. L'état actuel et richesses naturelles de l'Asie Mineure // Revue Des Deux Mondes. 15 mai.
26. L'état actuel et richesses naturelles de l'Asie Mineure//Ibid. 1 Juin. PP. 706-732.
27. Podroz Naukowa w Altaju wschodnim. W-wa.

1851

28. Dépôts nummulitiques et diluviens de la presqu'île de Trace // Bull. Soc. géol. France. Vol. VIII. P. 280-312.
29. Mémoire sur les terrains jurassiques, cretace et nummulitiques de la Bithynie, la de Galatie et la de Paphlagonie//Ibid.
30. Terrain jurassiques cretacesa nummulitiques de la Eithynie, diluviens de la presqu'île de Thrace//Ibid.
31. Notes sur la météorologie de Constantinople//C. r. Acad. sci. Vol. XXXII. PP. 764-767.
32. Notes sur la météorologie de Trebisonde et de Kaisaria//Ibid. PP. 799-801.
33. Asia Mineure: description physique, statistique et archéologique de cette contrée. Première partie: Géographie physique comparée. P.

1853

34. Asie Mineure: Atlas. P.
35. Observations faites pendant un voyage dans l'Asie Mineure, durant l'été de 1853//C. r. Acad. sci. Vol. XXXVII.
36. Considérations sur les dépôts paléozoïques de Cappadoce et de Bosphore//Bull. Soc. géol. France. Vol. XI.
37. Военная сила Турции//Кавказ. № 45, 46.

1854

38. Sur les dépôts tertiaires d'une partie de la Cilicie Trachée, de la Cilicie Champêtre et de la Cappadoce//Bull. Soc. géol. France. Vol. XI.
39. Dépôts tertiaires du midi de la Carie et d'une partie septentrionale de la Pisidie//Ibid.
40. Mémoire sur les dépôts tertiaires et diluviens de la Cilicie Champêtre et de la Cappadoce//Ibid.
41. Dépôts paléozoïques de la Cappadoce et du Bosphore//Ibid. 1853—54. Vol. XV.
42. Note sur la végétation du Mont Agréo, Cappadoce // C. r. Acad. sci. Vol. XXXVIII. PP. 124—128.
43. Considération sur les terrains paléozoïques de l'Asie Mineure // Ibid. PP. 678—681.
44. Dépôts miocènes de l'Asie Mineure // Ibid. PP. 727—730.
45. Dépôts paléozoïques de la Cappadoce et du Bosphore//Bull. Soc. géol. France. Vol. XI.
46. Dépôts tertiaires de la Cilicie//Ibid.
47. Préface de la nouvelle édition de l'Asie Centrale de Humboldt.
48. Lettre sur les antiquités de l'Asie Mineure adressée à M. Mohl//J. Asiat. Vol. PP. 49—143.
49. De la politique Anglo-Française dans la question d'Orient// Un diplomatique retiré du service. Bruxelles.

1855

50. Considérations historiques sur les phénomènes de la congélation constatée dans la Mer Noire//Annu. Soc. météorol. France. Vol. III. PP. 12—37.
51. Observations faites à Nice le 30 décembre 1854//C. r. Acad. sci. Vol. XL. PP. 195—197.
52. Lettre de M. Tchihatchef à M. le Vicomte d'Archiac, communiquée par M. Elie de Beaumont//Ibid. PP. 962—963.
53. Eruption du Vesuve: Extrait d'une lettre de M. de Tchihatchef à M. le Vicomte d'Archiac//Ibid. P. 1227—1228.

1856

54. Considérations sur les poissons du Dniéper, du Dniéster, du Bouh et du Danube // C. r. Acad. sci. Vol. XLII. PP. 441—445.
55. La paix de Paris est-elle une paix solide? Bruxelles.
56. Sur les poissons du Don, du Dniéper, du Dniestres, du Bouh et du Danube//C. r. Acad. sci. Vol. XLXI.
57. Asie Mineure: Climatologie et zoologie. Deuxième partie. P.
58. Памятники древности в Малой Азии//Труды Вост. отд-ния Имп. археол. о-ва. Ч. II. СПб.

1857

59. Considérations sur les dépôts houillers du littoral méridional de la Mer Noire//C. r. Acad. sci. Vol. XLIV.
60. Études sur la végétation des hautes montagnes de l'Asie Mineure et de l'Arménie//Ibid. Vol. XLV.
61. Dix cours prononcés à Montpellier le 16 Juin 1857 à la séance de clôture de la session extraordinaire de la Société botanique de France par M. le président Pierre de Tchihatchef//Bull. Soc. bot. France. Vol. IV.
62. Памятники древности в Малой Азии//Зап. Имп. археол. о-ва. Т. IX. СС. 61—139; ч. 2. СС. 225—303.

1858

63. Месторождение квасцов в окрестностях города Шабхана Карагиссара в Малой Азии//Горн. журн. Ч. IV.
64. Sur l'orographie et la constitution géologique des quelques parties de l'Asie Mineure et de l'Arménie//C. r. Acad. sci. Vol. XLVII. PP. 446—448; 515—517.
65. Sur l'orographie et la constitution géologique des quelques parties de l'Asie Mineure//Ibid. P. 118—120.
66. Exploration de l'Asie Mineure//Ibid. PP. 216—218.
67. Sur la géologie de l'Asie Mineure//Ibid. PP. 657—668.

1859

68. Бин-гель, или Гора с тысячами озер//Горн. журн. Ч. I.
69. Lettres sur la Turquie par M. P. de Tchihatchef. Bruxelles; P.
70. La paix de Zurich et la nouveau congrès européen. P.; Bruxelles.
71. Italie et Turquie. P.
72. Itinerar der Klein-Asiatischen Reise P. v. Tchihatchef im jahre (1858). Vom Herrn Uerfasser durch Herrn Carl Ritter mitgetheilt. Mit Anmerkungen und Karte von Kiepert Leitschrift für Allgemeine Erdkunde. Neue Folge. Bd. VI.

1860

73. Asie Mineure. 3. partie. Botanique. P. II.
74. Reisen und Forschungen in Klein-Asien, 1848 bis 1858. Petermann, Mittheil.
75. Nouvelle phase de la question d'Orient. P.
76. Une lettre adressée à l'Académie des sciences par M. P. de Tchihatchef. Accomp. l'envol de son ouvrage l'Asie Mineure. Botanique. 2 vol.//C. r. Acad. sci. Vol. LI.
77. La Russie et la question d'orient. P.

1861

78. La Turquie-Mires. P.; Marsielle.
79. Nouvelle éruption du Vesure//C. r. Acad. sci. Vol. LIII.
80. Der Vesuv im December 1861//Geol. Verhandl. Bd. XII.

1862

81. Le Royaume d'Italie, étudié sur des lieux mêmes. P.

1863

82. Note sur deux nouveaux genres de bois fossile recueilli dans les environs de Constantinople//C. r. Acad. sci. Vol. LVI.

1864

83. Rélation d'un tremblement de terre ressenti; à Florence et aux environs, le 11 décembre 1864//C. r. Acad. sci. Vol. LIX.
84. Tremblement de terre à Florence//Ibid. Vol. XII.
85. Le Bosphore et Constantinople avec perspectives des pays limitrophes. P.
86. Une lettre adressée à l'Académie des sciences de M. de Tchihatchef accompagnée l'envoi de son ouvrage «Le Bosphore et Constantinople»//C. r. Acad. sci. Vol. LIX.

1865

87. Mitteilungen aus justus Perthes, geographischer Anstalt über wichtige neue Forschungen auf gesamt Gebiet der Geographie. Ergänzungsband.

1866

88. Le Bosphore et Constantinople avec perspectives des pays limitrophes: 2 éd. P.
89. Asie Mineure//Botanique. P. I.
90. Asie Mineure//Botanique. P. II.
91. Asie Mineure: Description physique des cette contrée. Paléontologie//D'Archiac A., Fischer P., De Verneuil E. P.
92. Asie Mineure: Atlas. P.
93. Lord Bacon par justus de Liebig traduit de l'Allemand par P. de Tchihatchef.
94. Asie Mineure: Climatologie et Zoologie. P.

1867

95. Asie Mineure: Description de cette contrée. Quatrième partie//Géologie. P. I.
96. Roches éruptives de l'Asie Mineure//C. r.
97. Considérations générales sur les roches éruptives de l'Asie Mineure//C. r. Acad. Sci. Vol. LXIV.
98. Reisen in Klein-Asien und Armenien, 1847—1863//Ergänzungsheft Petermann's Geogr. N 20.
99. Une page sur l'orient. P.
100. Asie Mineure: Géographie physique, climat, végétation, espèces d'animaux, constitution géologique, considérations politiques. P.

1869

101. Asie Mineure: Description physique de cette contrée. Quatrième partie//Géologie. P. II.
102. Asie Mineure // Géologie. P. III.
103. On Central Asia//Brit. Assoc. Rep. Vol. XXXIX. 3 s.
104. Note accompagnée la présentation des deux derniers volumes de Géologie de l'Asie Mineure//C. r. Acad. sci. Vol. LXVIII.
105. Preface de la Nouvelle édition de l'Asie Centrale de Humboldt. P.

1870

106. Note sur la paléontologie de l'Asie Mineure, et sur une introduction à la nouvelle édition de l'Asie Centrale//Bull. Soc. géol. France. Vol. XXVII.

1873

107. Tremblement de terre en Italie 12. III. 1873//C. r. Acad. sci. Vol. LXXVI.
108. Note sur la paléontologie de l'Asie Mineure et sur une introduction à la nouvelle édition de l'Asie Centrale//Ibid.

1875

109. La végétation du Globe d'après du disposition suivant les climats. Ouvrage traduit de l'Allemand — avec des annotations du traducteur. Séct. Grisebach. P.
110. Chances de paix et de guerre. P.

1876

111. Путешествие по Малой Азии в 1858 г. Тифлис.

1877

112. Klein-Asien. Leipzig.
113. Asie Mineure. Géographie physique, climat, végétation, espèces d'animaux, constitution géologique, considérations politiques: 2e ed. P.
114. Note accompagnée la présentation de l'ouvrage à l'Académie des sciences «La végétation du Globe»//C. r. Acad. sci. Vol. LXXXV.
115. Le Bosphore et Constantinople: 3 éd.
116. Lord Bacon et les sciences d'observation au moyen age. P.

1878

117. Considérations géologiques sur les îles océaniques. P.
118. Lord Bacon... par Justus Liebig, traduit et annoté par P. de Tchihatchef: 2 éd. P. Vol. I.

1879

119. Le traité de Berlin. P.
120. Deutschen Revue Grinnerungen aus dem Orient.

1880

121. Espagne, Algérie et Tunisie: Lettres à Michel Chevalier. P.
122. Note accompagnée la présentation à l'Académie des sciences l'ouvrage «Espagne, Algérie et Tunisie»//C. r. Acad. sci. Vol. XCI.

1881

123. Skizzen aus Spanien, Algerien und Tunis (Aus der Deutschen Revue. April, Mai, Juni und Juli).

1882

124. The deserts of Africa and Asia//Assoc. Rep. Paris; C. r. London.
125. Spanien, Algerien und Tunis//Deutsche verbesserte und stark vermehrte Ausgabe. Leipzig.
126. The deserts of Africa and Asia: Read at the meeting of the British association for the advancement of science, August.
127. Preface de la nouvelle édition de l'Asie Centrale de Humboldt.

1887

128. Klein-Asien//Wissen Gegenwart. Leipzig. Bd. 64.

1888

129. Abhandlungen der grobherzoglichen Heissischen//Geologischen Landesanstalt zu Darmstadt. Darmstadt. Bd I, H. 4.
130. Le petrole aux Etats-Unis et en Russie//Revue des Deux mondes. Oct.

1889

131. Le Sahare//Revue des Deux Mondes. Janv.
132. Études de géographie d'histoire naturelle. Florence.
133. Le Gobi//Revue des Deux mondes. Janv.
134. Le Tibet//Revue Brit. Janv.
135. La dépression Aralo-Caspienne//Ibid.
136. L'Oasis de Meerv//Ibid. June.

Библиографический список трудов Платона Александровича Чихачева

1. О пароходстве и озерах в Северной Америке//Отеч. зап. 1839. Т. III, отд. II. С. 54—70.
2. Восхождение на пик Нету в Пиренеях//Отеч. зап. 1849. Т. XXV, отд. VIII.
3. Поездка через Буэнос-Айресские Пампы//Отеч. зап. 1844. Т. XXXIV, отд. II. С. 37—72.
4. Об исследовании верховий Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи и Нагорной площади Памир//Зап. РГО, 1849. Кн. III. С. 20—50.
5. Байдарская ночь, или прогулки с пластунами//Русская беседа. 1856. № 1. С. 42—53.
6. Калифорния и Усурийский край//Вестн. Европы, 1890. Т. III. С. 545—588.
7. Тихо-Океанская железная дорога в Кападе//Вестн. Европы. 1891. Кн. 2. С. 569—587.
8. Письмо П. П. Семенову-Тянь-Шанскому//Изв. РГО. 1891. Т. XXVII, вып. 1.
9. Aperçu d'un voyage en Asie.
10. Coup d'oeil sur l'exploration de l'Asie.
11. Über die Erforschung des Syr- und Amu-Darjy//Monatsber. Ges. Erdz. 1848. Bd. V. S. 208—230.

Основные даты жизни и деятельности Петра Александровича Чихачева

- 1808 г.— Родился 16 (28) августа в Гатчине.
1820 г.— Чихачевы переехали в Царское Село.
До 1822 г.— домашнее начальное образование.
1823 г.— Определен студентом в ведомство Государственной коллегии иностранных дел России.
1826 г.— Сотрудник Министерства иностранных дел России.
1829 г.— Поступил на правах своекошного слушателя в СПб. университет на юридический факультет.
1829—1830 гг.— Зачислен на правах своекошного студента в Фрейбургскую горную академию.
1830 г.— Актуариус Государственной коллегии иностранных дел России.
1832 г.— Получил чин коллежского асессора.
1833 г.— Работает переводчиком в русском посольстве в Константинополе.
1836 г.— Работает в Министерстве иностранных дел в Петербурге.
1839—1841 гг.— Путешествие с научной целью по Италии и Франции.
1842 г.— Путешествие по Алтаю.
1844—1845 гг.— В Париже занимается обработкой материала и изданием книги «Научное путешествие на Алтай».
1848—1853 гг.— Экспедиция по Малой Азии.
1853—1858 гг.— Во Флоренции занимается обработкой материала и изданием книг и памфлетов.
1859—1862 гг.— Путешествие по Италии.
1863 г.— Исследование проливов Босфор и Дарданеллы.
1864—1868 гг.— Издание книг и памфлетов.
1869 г.— Женился во Флоренции.
1877 г.— Путешествие по Испании, Алжиру и Тунису.
1879—1890 гг.— Обработка материала и издание книг, а также памфлетов.
1890 г.— 13 октября умер во Флоренции.

Основные даты жизни и деятельности Платона Александровича Чихачева

- 1812 г.— Родился 10(22) июня в Гатчине.
До 1828 г.— получал домашнее образование в Гатчине, а с 1820 г.— в Царском Селе.
- 1828 г.— Зачислен юнкером в армейский Петербургский уланский полк, принимавший участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.
- 1829 г.— За участие в сражениях произведен в офицеры.
- 1830—1831 гг.— Участвовал в Польской кампании.
- 1833 г.— Вышел в отставку.
- 1835—1838 гг.— Научное путешествие по Северной, Центральной и Южной Америке.
- 1838 г.— Восхождение на пик Ането.
- 1839—1840 гг.— Участие в походе в Хиву под руководством генерал-адъютанта В. А. Перовского.
- 1841—1850 гг.— Пишет и публикует ряд статей по Америке. Принимает участие в учреждении Русского Географического общества.
- 1850—1853 гг.— Занимается в Жуковской обсерватории.
- 1853—1856 гг.— Участвует в чине офицера в Крымской войне.
- 1856 г.— После окончания Крымской войны женился на Екатерине Федоровне, урожденной Оффенбах (родилась 15 (27) июля 1830 г., умерла 3 (15) февраля 1888 г. в Ницце).
- 1857 г.— Выехал во Францию, где жил со своей семьей (сын и две дочери) до конца жизни. Скончался 13(25) мая 1892 г. в Версале и похоронен в Ницце.

Содержание

От редактора	5
Начало пути	8
Под созвездиями Большой Медведицы, Ориона и Южного Креста	25
Восхождение на пик Ането	37
Снова вместе	40
Под небом Италии	42
Маршруты путешествия	44
По горным массивам Алтая и долинам великих русских рек	74
По Малой Азии	98
В обороне Севастополя	123
Снова в Италии	128
В перерыве между экспедициями	152
Через пески, хребты и оазисы Испании, Алжира и Туниса	159
Пустыни мира	184
Заключение	196
Приложение	202
Поездка через Буэнос-Айрейские Пампы	
Библиографический список трудов Петра Александровича Чихачева	213
Библиографический список трудов Платона Александровича Чихачева	220
Основные даты жизни и деятельности Петра Александровича Чихачева	221
Основные даты жизни и деятельности Платона Александровича Чихачева	222

Цыбульский Владимир Васильевич

Петр Александрович Чихачев

Платон Александрович Чихачев

**Утверждено к печати
редколлекцией научно-биографической серии
Академии наук СССР**

**Редактор издательства О. М. Ванюкова
Художественный редактор В. Ю. Кученков
Технический редактор Л. В. Прохорцева
Корректоры Н. Г. Васильева, Л. В. Лукичева**

ИБ № 35514

Сдано в набор 16.07.87

Подписано к печати 22.12.87

Т-15837. Формат 84×108^{1/32}

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр. отт. 11,97. Уч.-изд. л. 12,5

Тираж 9000 экз. Тип. зак. 690

Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485,

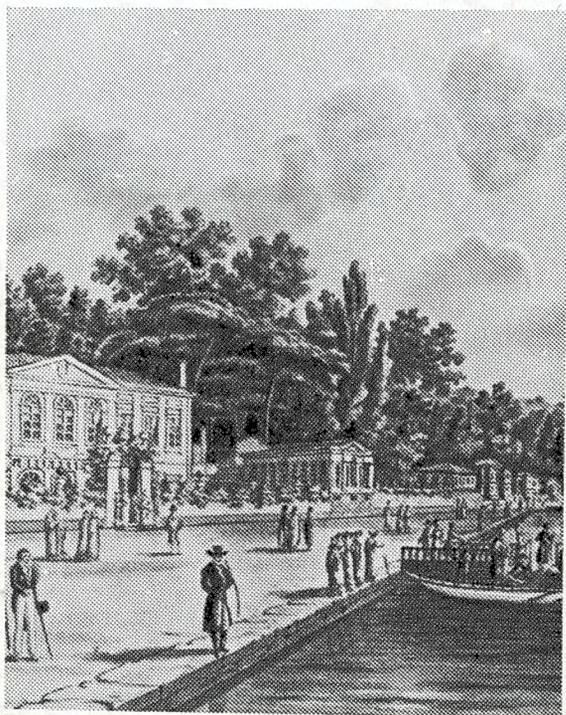
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

ЧИХАЧЕВЫ

В.В.Цыбульский

В.В.Цыбульский

**Петр Александрович
и
Платон Александрович
ЧИХАЧЕВЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА:

Крупеников И. А.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ КОСТЫЧЕВ

1845—1895

14 л. 1 р.

Книга посвящена выдающемуся ученому, одному из основоположников современного почвоведения П. А. Костычеву. П. А. Костычев разработал многие научные идеи, которые не потеряли своего значения и в настоящее время. Его практические рекомендации используются при выращивании кормовых культур, внесении удобрений, в агротехнике. В монографии использованы архивные материалы, не издававшиеся ранее. Для читателей, интересующихся историей науки.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 **Алма-Ата**, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 **Баку**, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 **Днепропетровск**, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95; 252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4; 277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148; 443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2; 197345 **Ленинград**, Петрозаводская ул. 7; 220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72; 117192 **Москва, В-192**, Мичурицкий проспект, 12; 630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6; 450059 **Уфа**, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42; 310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87.

70 коп.